

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

1
2016

No 1

IJSHR

2016

Editorial board

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics,
professor, laureate of the Russian
Federation Government prize in
Science and Technology.
E-mail: professor60@mail.ru

Science Editor

A.M. Stolyarenko
doctor of pedagogics,
doctor of psychology,
professor, honored worker of higher
school of Russia.

Responsible for issue

R.B. Gandaloev
candidate of political sciences

Special correspondent

M.A. Kiknadze

*CEO of publishing house
«UNITY-DANA»*

V.N. Zakaidze
E-mail: unity@unity-dana.ru
Tel.: +7(499)195-90-36

Designer-editor

G.T. Turmanidze

Representations

in Russia:

1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel./fax: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,
0186, Righteous Georgia
Tel./Fax: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate

433103973

in USA:

3565 Edencroft Road,
Huntingdon Valley, Pennsylvania
D.Skhirtladze, MD, MPH
+12157605939

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman

doctor of economical sciences,
professor

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,

professor, academician of the IASP

Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

www.unity-dana.ru

www.niion.org

S.N. Baburin,
doctor of law,
professor
(Russian Federation)

E.P. Bazhanov,
doctor of historical sciences,
professor,
honored worker of science
(Russian Federation)

I.S. Barchukov,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

V.K. Baturin,
doctor of philosophical sciences,
candidate of pedagogical sciences,
(Russian Federation)

V.Y. Belsky,
doctor of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

Y.B. Borev,
doctor of philology,
candidate of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

V.N. Buzin,
candidate of sociology
(Russian Federation)

G.A. Vasilevich,
doctor of Law,
professor
(Republic of Belarus)

R.B. Gandaloev,
candidate of political sciences
(Russian Federation)

D.I. Gryadovoy,
candidate of philosophical sciences,
associate professor
(Russian Federation)

D.D. Dolidze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

A.L. Zolkin,
doctor of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

L.A. Kazantseva,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

R. Kvarackheliya,
doctor of law
(Georgia)

A. Kiknadze,
doctor of politology
(Georgia)

A.A. Laskin,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.A. Lebedev,
doctor of philology
(Russian Federation)

L.A. Nikitich,
doctor of philosophical science,
professor
(Russian Federation)

L.M. Preygerman,
doctor of physical and mathematical
sciences, professor
(Israel)

A.A. Rean,
doctor of pedagogical sciences,
professor,
honored worker of Science,
corresponding member of RAO
(Russian Federation)

V.F. Rodin,
doctor of pedagogical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.P. Sadokhin,
doctor of cultural sciences,
candidate of philosophical sciences,
professor
(Russian Federation)

B.A. Spasennikov,
doctor of law,
doctor of medical sciences,
professor
(Russian Federation)

A.M. Stolyarenko,
doctor of pedagogical sciences,
doctor of psychology,
professor, honored worker of
Russian higher school
(Russian Federation)

D. Skhirtladze
doctor of medicine
(USA)

L.N. Tepman,
doctor of economic sciences,
professor
(Israel)

Z.T. Toshchenko,
doctor of philosophical sciences,
professor,
corresponding member of the
Russian Academy of sciences
(Russian Federation)

T.Y. Fhakadze,
doctor of medical sciences
(Russian Federation)

I.T. Chariev,
doctor of pedagogical sciences,
professor,
Academician of the IASP
(Republic of Kazakhstan)

N.M. Chepurnova,
doctor of law,
honoured lawyer of the Russian
Federation, professor
(Russian Federation)

G.S. Chovdyreva,
doctor of medical sciences,
doctor of psychology,
professor
(Russian Federation)

L. Sharvadze,
doctor of medicine
(Georgia)

N.Y. Shtrecker,
doctor of pedagogical sciences,
candidate of philology, professor
(Russian Federation)

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law,
doctor of economic sciences,
professor
(Russian Federation)

Редакционная коллегия

*Главный редактор
Объединенной редакции*

Н.Д. Эриашвили
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Научный редактор

А.М. Столяренко
доктор педагогических наук,
доктор психологических наук,
профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ.

Ответственный за выпуск

Р.Б. Гандалоев
кандидат политических наук

Специальный корреспондент
М.Кикнадзе

*Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»*

В.Н. Закаидзе
E-mail: unity@unity-dana.ru

Дизайнер-редактор
Г.Т. Турманидзе

Представительства

в России: 123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии: 0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Справедливая Грузия
Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru
Свидетельство о регистрации
433103973

в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565
Д. Схиртладзе
доктор медицины
E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле: Иокнеам,
ул. Цеелим, д. 8
Л.Н. Тепман
доктор экономических наук,
профессор
E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:
г. Шемкент, ул. Гагарина,
д. 30, кв. 57
И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938
E-mail: ergash-39@mail.ru

www.unity-dana.ru
www.niion.org

С.Н. Бабурин
доктор юридических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Е.П. Бажанов,
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки РФ
(Российская Федерация)

И.С. Барчуков,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.К. Батурич,
доктор философских наук,
кандидат педагогических наук
(Российская Федерация)

В.Ю. Бельский
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Ю.Б. Борев,
доктор филологических наук,
кандидат философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

В.Н. Бузин,
кандидат социологических наук
(Российская Федерация)

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук,
профессор
(Республика Беларусь)

Р.Б. Гандалоев,
кандидат политических наук
(Российская Федерация)

Д.И. Грядовой,
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Д.Д. Долидзе,
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

А.Л. Золкин,
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Л.А. Казанцева,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

Р. Кварацхелия
доктор юридических наук
(Грузия)

А. Кикнадзе,
доктор политологии
(Грузия)

А.А. Ласкин,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.А. Лебедева,
доктор филологических наук
(Российская Федерация)

Л.А. Никитич,
доктор философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Л.М. Прейгерман
доктор физико-математических
наук, профессор
(Израиль)

А.А. Реан,
доктор педагогических наук,
профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
член-корреспондент РАО
(Российская Федерация)

В.Ф. Родин,
доктор педагогических наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.П. Садохин,
доктор культурологии,
кандидат философских наук,
профессор
(Российская Федерация)

Б.А. Спасенников,
доктор юридических наук,
доктор медицинских наук,
профессор
(Российская Федерация)

А.М. Столяренко,
доктор педагогических наук,
доктор психологических наук,
профессор, заслуженный
работник высшей школы РФ
(Российская Федерация)

Д. Схиртладзе
доктор медицины
(США)

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук,
профессор
(Израиль)

Ж.Т. Тощенко,
доктор философских наук,
профессор,
Член-корреспондент РАН
(Российская Федерация)

Т.Я. Фхакадзе
доктор медицинских наук
(Российская Федерация)

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор,
академик МАНПО
(Республика Казахстан)

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
профессор
(Российская Федерация)

Г.С. Човдырева,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук
профессор
(Российская Федерация)

Л. Шарвадзе,
доктор медицины
(Грузия)

Н.Ю. Штрекер,
доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук
профессор
(Российская Федерация)

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор
(Российская Федерация)

CONTENTS

S.R. Ableev The notion of consciousness as a philosophical problem.....	5
V.Y. Belskiy Anthropocentric approach in civilizational studies.....	10
A.N. Borozdin Problem of civilizational identity of Russia in the political thought of the 20th century.....	13
S.A. Butkevich Money laundering as social-economic phenomenon.....	17
N.N. Gusev Social factors in the activity of police on prevention of latent extremism in places of compact residence ethnic diasporas.....	22
N.N. Gusev, M.V. Ogneva Youth and its stratification indicators in a modern Russian society.....	26
A.I. Dzema The beginning of the First World War in the perception of russian religious philosophers E.N. Trubetskoy, N.O. Berdyaev, N.O. Lossky, F.A. Stepun.....	30
D.A. Zhyravlev The unity and struggle of opposites – the government and the intellectuals....	34
A.L. Zolkin Civilizational identity of Russia in a multipolar word.....	38
A.A. Konoplyova Understanding the process of the phenomenon of cultural shock in the context of modern migration processes.....	41
A.P. Kochetkov On the stability of the political system of modern Russia.....	44
I.A. Kushnarenko Tolerance in the light of classical and contemporary philosophical ideas: from ethics to ontology and epistemology.....	48
V.A. Lepehin Postmodern as the apologia of the antiquity and the reaction.....	55
D.G. Lotchakov Education reform as the socio-cultural vektor of Russia's modernization.....	58
I.V. Lyagushkin Crisis of the conception of de-ideologization and the ideological basis of modern forms of extremism.....	62
J.M. Maloroeva, I.A. Kushnarenko Self-organization of society as a manifestation of the global universal evolutionary process.....	65
I.V. Polozova Holographic effect of metaphor.....	70
I.A. Seleznyov Lessons of the european integration and formation of the euroasian social area.....	74
A.V. Sheglov Pedagogical ethics of the leader.....	77
A.V. Sheglov Spirituality and Culture: ascent to the heights of morality.....	82
D.V. Shikunov The evolution of the process of formation of the Parliament in modern Russia.....	89

СОДЕРЖАНИЕ

С.Р. Аблеев Понятие сознания как философская проблема.....	5
В.Ю. Бельский Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях.....	10
А.Н. Бороздин Проблема цивилизационной идентичности России в отечественной политической мысли XX в.....	13
С.А. Буткевич Легализация преступных доходов как социально-экономический феномен.....	17
Н.Н. Гусев Социальные факторы профилактики латентного экстремизма полицией в местах компактного проживания этнических диаспор.....	22
Н.Н. Гусев, М.В. Огнева Молодежь и ее стратификационные показатели в современном российском обществе.....	26
А.И. Дзема Начало Первой мировой войны в восприятии русских религиозных философов Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна.....	30
Д.А. Журавлев Единство и борьба противоположностей – власть и интеллигенция.....	34
А.Л. Золкин Цивилизационная идентичность России в многополярном мире.....	38
А.А. Коноплева Осмысление процесса развития культурного шока в контексте современных миграционных процессов.....	41
А.П. Кочетков Об устойчивости политической системы современной России.....	44
И.А. Кушнарeнко Толерантность в свете классических и современных философских воззрений: от этики к онтологии и гносеологии.....	48
В.А. Лепехин Постмодерн как апология архаики и реакции.....	53
Д.Г. Лощаков Реформа образования и социально-культурный вектор российской модернизации.....	58
И.В. Лягушкин Кризис концепции деидеологизации и идеологическая основа современных форм экстремизма.....	62
Ю.М. Малараева, И.А. Кушнарeнко Самоорганизация общества как проявление глобального универсально-эволюционного процесса.....	65
И.В. Полозова Голографический эффект метафоры.....	70
И.А. Селезнев Уроки европейской интеграции и становление евразийского социального пространства.....	74
А.В. Щеглов Педагогическая этика руководителя.....	77
А.В. Щеглов Духовность и культура: восхождение к вершинам нравственности.....	82
Д.В. Шикунoв Эволюция процесса формирования парламента в современной России.....	89

The notion of consciousness as a philosophical problem

Понятие сознания как философская проблема

Sergey Rifatovich Ableev,
doctor of philosophical Sciences,
associate Professor, head of the Department
of philosophy of Moscow University
of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: asr028@yandex.ru

Сергей Рифатович Аблеев,
доктор философских наук, доцент,
начальник кафедры философии
Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя

Рецензент: А.Л. Золкин доктор философских наук, доцент

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.01

Annotation. The article is devoted to the research of different philosophical approaches to the interpretation of the notion «consciousness». The author comes to the conclusion that the notion «consciousness» is a complex philosophical metaphor, which describes the area of psychical or subjective reality. The refusal to use the notion «consciousness» in some philosophical teachings is unproductive.

Keywords: consciousness, philosophy of consciousness, the notion of consciousness

Аннотация. Статья посвящена исследованию различных философских подходов к трактовке понятия «сознание». Автор приходит к выводу, что понятия сознания является сложной философской метафорой, обозначающей пространство психической или субъективной реальности. Отказ от понятия сознания в некоторых философских учениях является непродуктивным.

Ключевые слова: сознание, философия сознания, понятие сознания

Любое исследование феномена сознания предполагает понимание предметной области или семантической сферы понятия «сознание». Как ни странно, но до сих пор в научном мире не сложилось общего представления о том, что же надо обозначать понятием сознания. Его содержание оказывается весьма размыто и зависит от конкретной научной специализации, в которой оно применяется, а также от точки зрения исследователя. Сейчас можно выделить четыре основных контекста или дискурса понятия сознания: психологический, физический, социально-гуманитарный, философский. Они совершенно отличаются друг от друга.

В психологических теориях сознание, как правило, представляет собой один из основных уровней психического мира человека. Он противопоставляется бессознательным уровням, предполагает развитое самосознание, рациональные познавательные способности и вербально-понятийное мышление индивида.

В физических теориях сознание преимущественно редуцируется к квантовым процессам и отождествляется с определенными энергетическими полями, силами или информацией. В социально-гуманитарных науках понятие сознания выступает абстрактным теоретиче-

ским конструктом, с помощью которого происходит осмысление тех или иных общественных и культурных явлений («массовое сознание», «национальное сознание», «правосознание», «политическое сознание» и т.д.).

Таким образом, психологи субъективируют сознание, физики, наоборот, стремятся его объективировать. Очевидно и то, что психологи склонны рассматривать, прежде всего, персональное сознание, физики склонны растворять понятие сознания в квантовых взаимодействиях (это в лучшем случае, а в худшем — сознание исключается из физической картины мира), а гуманитарии используют его как социальную абстракцию, оторванную от конкретных индивидов.

Философские смыслы понятия сознания предстают более абстрактными и неоднозначными. В учениях материалистической ориентации понятие сознания, как правило, используется для обозначения всего внутреннего мира человека, всей его субъективной или психической реальности. Здесь понятие «сознание» отрывается от психологической конкретики и фактически сближается с понятиями «идеальная реальность», «субъективность», «внутренний духовный мир» или даже «психика». Хотя считается, что у животных психика как таковая есть, а сознания нет.

В религиозных, идеалистических и метафизических философских системах понятие сознания используется для обозначения не только внутреннего мира человека, но и иных аспектов бытия. Это может быть «Божественное сознание», «имперсональное сознание», «космическое сознание», «трансперсональное сверхсознание», природная «сфера бессознательного» или онтологическое сознание как природная субстанция (единственная или дуальная). Очевидно, что в таких философских концепциях, несмотря на все их мировоззренческое различие, просматривается одна общая черта – стремление придать сознанию некий онтологический смысл. Здесь сознание выходит за рамки человеческой личности и приобретает природный, космический, мировой, трансцендентный масштаб¹.

Отмеченная дисциплинарная специфика применения понятия сознания дополнительно усложняется существованием двух концептуальных философских подходов к трактовке сознания. Они могут развиваться

в рамках как философских концепций, так и частных научных теорий.

Сторонники первого подхода воспринимают сознание в качестве интегрального феномена психики человека, имеющего общественную или историческую природу. Фактически в этом подходе сознание вообще – это только человеческое сознание. Никакое иное сознание здесь не рассматривается. Предполагается, что оно возникает в результате исторической деятельности человека и является свойством высокоорганизованной материи (человеческого мозга) и высшей формой психического отражения физической действительности. Эта точка зрения наиболее ярко проявилась в культурно-исторической модели сознания, развивавшейся в XIX—XX вв. в русле марксистской философии. В постсоветском культурном пространстве она хорошо известна. Однако и другие биологизаторские (физикалистские) и социологизаторские модели сознания развиваются в рамках этого подхода.

Сторонники второго концептуального подхода рассматривают сознание как универсальный атрибут Природы, имманентное изначальное свойство материи или определенную онтологическую смысловую реальность, которая не просто трансцендентно существует сама по себе, но активно влияет на развитие реальности физической. Очевидно, что в этом подходе понятие сознания соотносится не только и не столько с человеком и его психикой, сколько с природным миром вообще. Сознание здесь выступает изначальным психическим свойством космического бытия, существующим до земного человека и до земного разума. Такой подход со своими акцентами и особенностями просматривается в индийской классической метафизике и буддизме, у Платона и неоплатоников, у Спинозы и Гегеля, в христианских и исламских мистических концепциях, у теософов и евразийских антропокосмистов (философия Живой Этики)².

Кроме отмеченных, существует еще и третий концептуальный подход к смысловому наполнению понятия «сознание». Он был выдвинут в XX в. логически бихевиористами (К. Гемпель, Г. Райл), по мнению которых сознание вообще не имеет никакого онтологического статуса – ни персонального, ни универсального. Оно не может рассматриваться ни как физический, ни как идеальный объект.

Более того, бихевиористы предлагают отказаться от самого понятия «сознание», которое, по их мнению, является пустым и устаревшим. За ним нет никакой особой скрытой реальности, требующей специального терминологического обозначения. Любое традиционное высказывание о скрытом сознании может быть без изменения значения переведено в некоторое другое высказывание относительно доступного общему наблюдению поведения. Таким образом, этот подход однозначно связывает сознание с физическим поведением человека, так как только оно доступно внешнему наблюдателю. Эта точка зрения сейчас является наиболее радикальной и наименее продуктивной. По-

этому она требует некоторого пояснения и некоторых ясных контраргументов.

Карл Гемпель в свое время писал, что всю психологию можно свести к физической науке. На чем основано это весьма спорное заявление? Его основанием является онтологическая система координат, в которой отвергается не только специфика психической реальности сознания, но и вся эта реальность вообще. Для Гемпеля есть только одна реальность – физическая. Никакого внутреннего мира сознания, никакой автономной субъективности или персонального идеального пространства не существует. Следовательно, понятие сознания является лишним. Не случайно традиционная философская проблема соотношения сознания и тела для него предстает в качестве надуманной псевдопроблемы³.

Не видит этой проблемы и Гилберт Райл, у которого картезианский дуализм есть особая философская ошибка — «категориальная ошибка». Однако проблема здесь вовсе не в дуализме субстанций как таковом. Райл ставит под сомнение сознание как категорию не только в контексте онтологического дуализма, но во всех возможных онтологических контекстах. Он пытается доказать, что, неправильно используя родовые или абстрактные понятия, человек склонен постулировать существование сущностей, которых на самом деле нет⁴. Подобная точка зрения просматривается и у американского философа Уильяма Джеймса. В своей известной статье «Существует ли Сознание?» он пишет о понятии сознания как об им. «чего-то не существующего», которому «нет места среди первых принципов»⁵.

Этот вывод как проклятие преследует и другого западного философа – Стивена Приста. В своей известной работе «Теории сознания», проведя глубокий анализ различных философских позиций и высказав немало интересных суждений, он неожиданно капитулирует перед проблемой и заявляет: «Нет такой вещи, как сознание»⁶.

Очевидно, что западное философское мышление не останавливается на отрицании понятия сознания, но начинает ниспровергать сам феномен сознания. Это уже слишком серьезно. Вирус философского нигилизма в XX в. становится заразным. А сам нигилизм — это знамение глубокого кризиса познания, но не его торжествующего прогресса. К слову говоря, немного поразмыслив, через несколько страниц текста Прист делает еще одно громкое заявление: «Материи не существует».

Как и некоторые другие западные философы в своих интеллектуальных спекуляциях автор «Теорий сознания» фактически заводит нас в когнитивный тупик. Если ни материи, ни сознания не существует, что же тогда вообще существует? Почему же он – уважаемый Стивен Прист — в условиях тотального космического несуществования может размышлять о фундаментальных проблемах, а мы пытаемся понять его размышления? Ведь если исходный тезис верен, то, следуя линии логического закона, мы должны признать, что никаких наших размышлений тоже не существует. Это похоже на новый парадокс в духе апорий античного Зенона.

Но тут ситуация предстает еще более запутанной и туманной. Если для Декарта мышление являлось высшим и безупречным критерием существования всякого субъекта («мыслью, следовательно, существую»), то у Приста даже мышление не спасает человека от великого несуществования.

В чем причина этих непреодолимых противоречий? Проблема опирается в онтологическую относительность всего существующего в Природе, которую сейчас еще мало понимают. Поэтому некоторые впадают в странные противоречия и заводят себя в логические тупики. Немного ниже мы вернемся к этой проблеме и покажем, как возникают подобные философские ошибки и псевдоапории.

Итак, главный вопрос состоит в том, существует ли особая идеальная или психоментальная реальность, которая обозначается понятием сознания. Допустим, что Гемпель все же прав – такой реальности нет. Сознательное действие обнаруживается только через внешнее поведение. Есть поведение – есть сознание. Нет сознательного поведения – нет и сознания. В таком случае если гениальный математик сидит неподвижно с закрытыми глазами и в уме проводит доказательство сложнейшей теоремы, совершенно незаметное внешнему наблюдателю, то мы должны признать его бессознательным объектом.

Таким же бессознательным объектом будет талантливый композитор, который слышит музыку в своей душе, а потом просто записывает ее с помощью нотных знаков на бумаге или же сразу исполняет на музыкальном инструменте. Все это наводит нас на непростой вопрос: каким же образом бессознательные объекты порождают гениальные произведения в науке и искусстве?

Очевидно, что внешнему осознанному физическому поведению всегда предшествует скрытая от наблюдателя ментальная активность сознания, которую отрицает Гемпель. Активность сознания и физическая активность – это совершенно разные явления. Они находятся в сложной корреляции, но не имеют прямого тождества. Может существовать высокая ментальная активность без всякого внешнего действия (мышление при телесном покое). Возможны внешние физические действия без ментальной активности (механическое, бессознательное выполнение отработанной операции). Кроме того, возможна ментальная активность, не связанная с внешним действием (профессор делает утреннюю пробежку и продумывает тезисы новой лекции). А еще внешние физические действия могут вызывать высокую ментальную активность субъекта (нападение бешеной собаки порождает ускоренное течение мыслей, направленное на поиск путей спасения от нее).

Таким образом, главный тезис логических бихевиористов о тождестве сознания и поведения принципиально ложен. В большинстве случаев поведение разумного человека есть следствие, в то время как активность сознания есть исходная причина. Отождествление причины и следствия – это грубая ошибка, ведущая к разрушению связей детерминации, выступающих основой научного знания.

Оборотная сторона вышеотмеченного тезиса – это низведение психологии к физической науке. Физика, полагает Гемпель, представляет собой высший научный идеал. Поэтому все науки должны быть сведены к физике. Все «утверждения психологии есть физикалистские утверждения», а сама «психология является интегральной частью физики» (К. Гемпель «Логический анализ психологии»). Как видно, здесь Гемпель находится под влиянием бредовых идей ранних позитивистов о стерильной чистоте и строгости научного знания, которую якобы обеспечивает физическая наука. Эти идеи он распространяет на психологию и проблему сознания.

Можно ли психологию заменить физикой? Если мы ставим перед собой задачу познания природной реальности во всей ее сложности и во всем ее многообразии, то это никак невозможно. Психология изучает субъективную реальность сознания. Физика стремится к объективному описанию явлений природного мира. Физика не имеет эффективных методов изучения субъективной реальности. Возможно, в будущем в том или ином виде они появятся. Но даже в этом случае физический ракурс исследования не может подменить собой ракурс психологический. Он может в лучшем случае его дополнить или расширить, но не более того.

Проблема сознания – это великий когнитивный предел традиционной физической, да и любой другой объективистской науки. Идеальная реальность сознания находится далеко за трансцендентным барьером, который физика еще даже не увидела и не осознала. Сознание существует в особом семантическом пространстве универсума – пространстве иной онтологии, нежели онтология физической реальности. Непонимание этого факта никому не позволит продвинуться по пути познания феномена сознания.

Сознание пронизывает все онтологические сферы бытия и представляет собой непостижимое противоречие универсума – холодное пламя, сияющую темноту, движение вечного Постоянства. Оно существует в физическом мире, но имеет нефизическую сущность. Оно идеально по своей природе, но проявляется через материальные субстраты. Оно разворачивается в виртуальном пространстве, но порождает совершенно реальные следствия. Такая глубинная двойственность и противоречивость не может быть осмыслена с какой-либо одной стороны – со стороны физики или психологии. Она предполагает принцип дополнительности и интегральный научный подход, основанный на онтологической теории, отличающейся высокой философской диалектикой⁷.

Логические бихевиористы в своем ниспровержении понятия сознания невольно затронули еще одну проблему — проблему терминологической адекватности научного языка.

Когда Джеймс и Прист говорят о сознании как об им. чего-то не существующего, они в чем-то правы. Но их правота весьма относительна и требует корректного пояснения. Здесь на самом деле скрыты даже две проблемы: *проблема онтологического угла умозрения* (онтологического релятивизма) и *проблема абстрактной терминологии*.

Поясним суть *первой* проблемы на примере несложной аналогии. Существует ли твердая поверхность стола, за которой автор пишет эти строки? Этот простой вопрос на самом деле не имеет простого и однозначного ответа. Оказывается, возможны совершенно различные, взаимоисключающие, альтернативные ответы, которые тем не менее будут истинными. С точки зрения наблюдателя в физическом макром мире, поверхность стола представляет собой упругое деревянное тело. Иными словами, стол является твердым предметом. И это совершенно очевидно, так как предметы, лежащие на поверхности стола, не проваливаются сквозь нее на пол.

В то же время с точки зрения квантовой физики никаких твердых тел в природе не существует. Это стало понятно как минимум 50 лет назад. Упругая поверхность предметов есть физическая иллюзия или квантовый эффект, порождаемый силами микромира. Расстояния между атомами относительно их размера просто огромны. Между атомами на самом деле ничего нет – вакуумная пустота. Более того, даже сами атомы не являются твердыми телами и представляют собой, как говорят нам новые теории физики, колебания пустого пространства, квантовые возбуждения вакуума, сложные волновые энергетические паттерны пространственно-временного континуума. Таким образом, поверхность стола – это искривленное, вибрирующее, возбужденное пространство, за которым ничего нет – Великая Пустота.

Принимая во внимание такую онтологическую диалектику, можно отвергать все, что угодно. Не только сознание и материю (как полагает Прист), но и космос, природу и любого индивида. Но это будет философским заблуждением. Всякое научное утверждение обладает онтологическим релятивизмом. Если мы утверждаем, что рогатых чертей не существует, то должны корректно уточнить – не существует в физическом мире. Ведь в своем субъективном психическом мире некоторые нездоровые индивиды могут увидеть весьма экзотических представителей мифологической фауны. Для них они совершенно реальны, несмотря на глубокий скепсис физиков и психиатров. Поэтому не следует путать уровни онтологических дискурсов и углы умозрения. Иначе мы будем впадать не только в диалектические, но и шизофренические противоречия. Ведь если ничего и никого не существует, то с кем тогда дискутирует автор и кто тогда пишет за него эти строки?

Вторая проблема – это скрытые противоречия абстрактной научной терминологии. Сознание в своем наиболее общем смысле – это чистая абстракция. Сложно говорить об отвлеченном, ноуменальном Сознании вообще. Проще рассматривать конкретные модусы (формы и состояния) того, что мы именуем сознанием. За любой философской или научной абстракцией мы не найдем простых и наглядных объектов. Но без абстрактного уровня мышления познание истины невозможно. Э.е. великий парадокс!

Есть математическая абстракция – «ноль». Но реально установить нулевое значение чего-либо невозможно. Есть физическая абстракция – «абсолютно твердое

тело». Но никаких абсолютно твердых тел на самом деле не существует. Физики используют абстрактные понятия «физическое поле» и «квантовые струны». Все понимают, что дистанция между этими понятиями и явлениями реальности, которые они обозначают, очень велика. Строго говоря, это даже не научные понятия, а абстрактные научные метафоры. Однако физика как эталон научной рациональности к ним привыкла и их не отвергает. Так почему же философы или психологи должны отказаться от понятия сознания?

Мы не случайно сделали небольшое отступление и попытались показать многообразие альтернативных подходов к определению понятия сознания. Это действительно представляет собой серьезную философскую проблему. Пора изложить собственную позицию по этому вопросу.

Сначала о необходимости применения самого понятия сознания. Полагаю, что отказ от него непродуктивен и даже невозможен. Если существует некоторое явление действительности, значит, должно быть и понятие, которым оно обозначается. Редуцировать сферу сознания к физическим объектам и физическому поведению, как мы отметили выше, невозможно. Это все равно что вместо изучения скрытых компьютерных программ описывать явную работу вентилятора охлаждения в системном блоке и работу принтера, когда он распечатывает текст. Следуя логике Гемпеля, работа принтера и работа операционной системы с пакетом программных продуктов есть вещи тождественные. Поэтому можно надеяться, что через описание механического «поведения» принтера можно изучить информационную сущность компьютера.

Любой программист нам скажет, что при таком подходе мы, мягко говоря, туманно представляем себе принципы работы компьютерных устройств. Эта техническая аналогия, конечно, немного упрощает реальную проблему, но тем не менее наглядно демонстрирует неправомочность физикалистских редуций сознания. Мы утверждаем, что психическая реальность сознания и физическая реальность объективной природы – совершенно не тождественны. Эти две реальности находятся в состоянии сложной взаимной детерминации. Их описание предполагает различные методологии, языки и понятийные базы.

Можно ли дать исчерпывающее определение понятия сознания? Сомневаюсь, что это вообще возможно на рациональном уровне. Феномен сознания слишком сложен и фундаментален, чтобы можно было вербально определить его сущность. Поэтому всякое определение понятия сознания должно пониматься как условное и относительное. Существует известный парадокс логических средств описания сознания⁸. Дать определение какому-либо явлению — это значит искусственно выделить его из действительности со всем бесчисленным многообразием связей и установить смысловой предел. В отношении простых объектов и явлений это вполне возможно. В отношении фундаментальных явлений такая операция невозможна и недопустима. Если сознание есть фундаментальное свойство космического уни-

версума, то его искусственное выделение из паутины связей мироздания будет методологической ошибкой. В таком случае определение будет раскрывать лишь отдельные сущностные свойства и лишь некоторые из множества связей.

Сознание универсально и беспредельно. Оно пронизывает все сферы бытия и в определенной мере присутствует во всех явлениях действительности. Как же можно строго логически определить беспредельное? Лучшее, что возможно сделать, — это подобрать хорошие философские метафоры, конвенционально устанавливающие некоторый смысловой периметр универсального феномена⁹.

Принимая во внимание это обстоятельство, с определенной долей условности мы предлагаем использовать понятие сознания для обозначения фундаментального информационного свойства бытия, которое порождает скрытые семантические пространства или смысловые виртуальные реальности, моделирующие, отражающие и трансформирующие физическую природу. Очевидно, что такой подход предполагает восприятие сознания в качестве универсального космического феномена. Человеческое сознание есть частный случай различных космических проявлений этого феномена, так же как жизнь бабочки есть частный случай проявления биологической жизни вообще.

Есть основания предполагать существование сознания персонального и имперсонального. Персональное сознание предполагает тесную связь с физическими формами (биологическими и иными организмами), через которые оно проявляется. Имперсональное сознание не имеет связи с физическими формами и представляет собой информационное виртуальное пространство космологического характера. Э.е. невидимая организующая сила Вселенной, которая формирует синергетические коридоры физической и духовной эволюции природного мира и преодолевает энтропийные процессы материи. Мы полагаем, что эта скрытая сила существовала изначально от момента возникновения Вселенной из вакуумной сингулярности и сыграла не последнюю роль в появлении человека разумного на планете Земля.

Необходимо принять во внимание и многозначность понятия сознания. Сознание вообще — это предельная философская абстракция, сопоставимая с уровнем абстрактности понятия материи. Есть множество известных и неизвестных форм и состояний

Материи. Так же мы предполагаем множество форм и состояний Сознания. Когда мы говорим о материальности объектов, явлений и процессов природы. Если выразить эту мысль предельно просто, то субстратность означает, что все вещи из чего-то состоят, они из чего-то сформированы. Это и есть материя в широком смысле. Когда мы говорим об универсальности сознания, то предполагаем существование у материальных объектов некоторых информационных свойств. Эти свойства реализуются через потенциальное или актуальное психическое пространство, которым обладает всякий материальный объект. С точки зрения физики это можно интерпретировать как виртуальные информационные поля.

Таким образом, *сознание следует воспринимать как неотъемлемую часть природной (космической) реальности*. Оно онтологически интегрировано в природную реальность и является ее фундаментальным семантическим атрибутом. Описание физического мира без учета феномена сознания всегда будет односторонним и фрагментарным. Кажущаяся истинность такого описания, как правило, имеет высокую степень относительности. При этом необходимо учитывать, что понятие сознания обладает смысловой многозначностью и предполагает неизбежные семантические конкретизации при исследованиях различных аспектов сознания. Строго говоря, понятие сознания в своей гносеологической сущности является высокой философской абстракцией и не должно напрямую отождествляться со своими модусами и частными проявлениями.

¹Аблеев С.Р. Универсум сознания: Философские проблемы сознания в евразийском антропокосмизме. Тула, 2009. С. 126—150.

²Аблеев С.Р. Онтология сознания в философской традиции антропокосмизма // Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Киров, 2010. С. 24—26.

³Прист С. Теории сознания: Пер. с англ. М., 2000.

⁴Райл Г. Понятие сознания: Пер. с англ. М., 2000.

⁵James W. Does «Consciousness» Exist? Перепечатано с оригинального издания 1904 г. в: Essays in Radical Empiricism, R.V. Perry (ed.). N.Y.: Dutton and Co., 4.

⁶Прист С. Указ. соч. Гл. 8.

⁷Аль-Мансур Р. Сознание и Материя: великий предел. М., 2015. С. 23.

⁸Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М., 2004. Лекция 22.

⁹Аблеев С.Р. Философский метод и проблема научного языка в исследованиях сознания // Философия науки. 2008. № 4 (39). С. 16—30.

Anthropocentric approach in civilizational studies

Антропоцентрический подход в цивилизационных исследованиях

Vitaly Yuryevich Belskiy,
 doctor of philosophy, Professor
 head of the Department of sociology
 and politics of the Moscow University
 of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Виталий Юрьевич Бельский,
 доктор философских наук, профессор,
 начальник кафедры социологии
 и политологии Московского университета
 МВД России им. В.Я. Кикотя

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.02

Annotation. The article author discusses a new methodological paradigm for civilizational studies, called «anthropocentric approach».

Keywords: anthropocentric approach, the anthropological paradigm, anthropoidea, antropofago, Russian civilization, axiology, axiological matrix

Аннотация. В статье рассматривается новая авторская методологическая парадигма цивилизационных исследований, получившая название «антропоцентрический подход».

Ключевые слова: антропоцентрический подход, антропологическая парадигма, антропосистема, антропофактор, российская цивилизация, аксиология, ценностная матрица

Не секрет, что чем больше кризисных явлений наблюдается в жизнедеятельности общества, тем активнее и плодотворнее развиваются в нем общественно-политические и в особенности философские науки. В частности, в ситуации роста международной напряженности, вызванной современным геополитическим противостоянием сверхдержав и иных мировых геополитических субъектов, все более актуальным становится исследование проблематики, получившей благодаря известному американскому политологу Сэмюэлю Хантингтону такое определение, как «столкновение цивилизаций».

Цивилизационные исследования становятся мейнстримом научной жизни не только в современной России, но в мире в целом. Но именно в российских гуманитарных науках они обретают сегодня черты системности, целостности и высокой концептуальности.

Подобный факт объясняется в первую очередь тем обстоятельством, что сама Россия все больше мыслится и понимается как отдельная и самобытная цивилизация, не ограниченная рамками формальной государственности. В частности, не кто иной, как Президент РФ Владимир Путин неоднократно в своих выступлениях называл Россию «государством-цивилизацией», заметив, в частности, что «великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию»¹.

При этом следует отметить, что, опираясь на труды российских (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Моисеев, Л.Н. Гумилев, А.С. Панагин и др.) и зарубежных (О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, С. Хантингтон и пр.) ученых, так или иначе рассматривавших проблемы развития мировой цивилизации, сегодня в российской цивилизационной науке появляется все больше инновационных и эксклюзивных разработок и концептов, связанных с новым видением ближайшего будущего различных локальных (трансрегиональных) цивилизаций, и прежде всего российской цивилизации.

В частности, нельзя не упомянуть о таком новом направлении в цивилизационных исследованиях, которое опирается на так называемый «антропоцентрический подход» — метод, который предполагает рассмотрение любого цивилизационного феномена с учетом состояния (интересов, мотивов, взглядов, настроений, ценностей и иных свойств и характеристик) антропофактора.

Основатель данного подхода — известный российский философ-антрополог В. Лепехин в одной из своих статей отмечает: «Причина роста актуальности изучения цивилизационной проблематики и востребованности так называемого антропологического подхода к познанию происходящих в обществе и мире процессов кроется, прежде всего, в особенностях мирового развития, в нарастающей глобализации и монополизации мира».

Подлинной же альтернативой глобализации, унификации и обезличиванию мира становятся, как показывают события новейшей истории, так называемые «регионализация», «суверенизация» и антропологизация («очеловечивание») мировых политических субъектов — стремление многих государств и народов к сохранению своих самобытностей, уникальностей и свобод, в том числе через осознание и укрепление своих национальных и цивилизационных идентичностей, а также объединение в разного рода новые социокультурные сообщества и региональные (трансрегиональные, субглобальные) союзы с близкими в культурно-ценностном смысле странами»².

Действительно, в ситуации, когда большинство российских ученых, что называется, подсели на мир-системный подход одного из идеологов постлиберализма — Иммануила Валлерстайна, названный нами отечественный автор предлагает не мир-системную, но антропологическую парадигму в цивилизационных исследованиях. По его мнению, деление мира на «центр» и «периферию» суть закрепление западцентрической модели мироустройства со всеми вытекающими отсюда лукавыми месседжами о «развитых» и «недоразвитых» государствах, об исключительности Запада, а также неизбежности формирования такого нового мирового порядка, в котором «управляющие» нации должны закрепить свое доминирующее положение над нациями «управляемыми».

С нашей точки зрения, очевидно, что в основе мир-системного подхода лежит установка обособления и возвышения «золотого миллиарда» человечества. Явно не принимая подобной методологии в силу, как утверждает В. Лепехин, ее политической акцентированности, последний предложил концепцию развития «*антропосистем*», в основе формирования которых лежат не утилитарно-материальные (ВВП, качество жизни и пр.), но преимущественно ценностные различия.

В ряде совместных с В. Лепехиным работ³, как и в рамках настоящей статьи, мы развиваем концепцию антропологических особенностей ведущих трансрегиональных цивилизаций, трансформирующихся сегодня в четыре субглобальные антропосистемы, а также соответственно приоритета антропологической парадигмы в цивилизационных исследованиях.

В качестве основополагающих принципов антропоцентрического подхода (АП) в исследовании цивилизационных процессов авторам и приверженцам данного метода видится следующее.

Согласно первому принципу АП, особенности локальных (трансрегиональных) цивилизаций определяются двумя типами факторов:

(1) факторами постоянными, устойчивыми и имманентными (природно-географическими, геологическими, климатическими)

(2) факторами изменяемыми, подвижными, переменчивыми, развивающимися, связанными с социокультурной средой, точнее, с антропосредой (антропосферой).

Более того, с учетом роста значения «*антропофактора*» в планетарном развитии следует обратить внимание на все большую взаимозависимость подвижных и изменяемых факторов и факторов-констант, которые тем не менее также начинают, как верно подметил в свое время академик В.И. Вернадский, меняться под воздействием человеческой деятельности — так называемого антропогенного фактора. По меньшей мере, традиционная суша становится уже не совсем сушей, а море — не совсем морем: географические особенности сегодня, в век воздушного сообщения, а также развития транспортных систем, мобильной связи и интернет-сетей, не столь существенны, как еще век назад. При этом куда большую роль, чем ранее, начинает

играть так называемая геология — открываемые и разрабатываемые месторождения того или иного сырья и «новая география транзита» (термин В.А. Лепехина), связанная с путями доставки данного сырья потребителю.

Во-вторых, предлагается ввести в оборот такое понятие, как «антропофактор» цивилизованности, под которым следует понимать как совокупность связанных с жизнедеятельностью людей изменяемых и формируемых факторов, так и совокупность характеристик социокультурной среды («антропосферы»), развивающейся по определенным законам.

Наиболее полное определение понятия «антропофактор» приводится в диссертационной работе В.А. Лепехина «Антропологический подход в исследовании проблемы сущностных признаков российской цивилизации»⁴. В ней же сформулирован еще один принцип антропоцентрической парадигмы, согласно которому антропофактор не является врожденным или привнесенным в тот или иной этнос некоей внешней силой. Характеристики антропофактора, по мнению названного исследователя, объясняются совокупностью объективных (см. выше) условий и обстоятельств, предопределяющих, в свою очередь, ключевые особенности культуры, экономического уклада, социального устройства, политической системы и собственно цивилизационного архетипа исследуемого этноса.

Резюмируем: для того чтобы понимать причинности тех или иных особенностей «цивилизационного архетипа» (либо черт «национального характера»), а также степень устойчивости конкретных цивилизационных сущностей-паттернов, нужно отчетливо представлять себе всю совокупность объективных факторов, влияющих на состояние антропосреды в рамках конкретных цивилизационностей.

Наконец, четвертый принцип антропоцентрического подхода-метода в исследованиях проблем и феноменов, например, российской цивилизации состоит, на наш взгляд, в том, что именно природно-географическая среда, исторический путь и другие объективные факторы евразийского пространства предопределили особость и все без исключения характерные черты (сущности) русско-российской цивилизованности.

И эти черты таковы, что антропоцентричность (как человечность в самом широком смысле этого слова) объективно и во все большей степени становится определяющей характеристикой названной цивилизованности. Кстати, последний тезис был подтвержден в ходе событий 2014—2015 гг. на Украине, где столкнулись лицом к лицу западная и российская цивилизации. И здесь достаточно сказать, что основными идеологемами первой оказались поддержка национализма и унитарности в устройстве многонационального государства, расовая и конфессиональная нетерпимость, западная «исключительность», насильственность, приверженность двойным стандартам, эгоизм и т.п.; соответственно ключевыми идеологемами второй, российской цивилизованности стали интернационализм и антиглобализм.

Подводя итог, следует заметить, что рост значимости человеческого фактора в пространстве рус-

ско-российской локальной (трансрегиональной) цивилизации – важнейшая предпосылка актуализации антропологического подхода к исследованию цивилизационных процессов в России и в мире. Притом что, согласно данному методу, человек мыслится не просто как *Homo Sapiens* и биологический организм максимально высокого уровня, но в первую очередь как человек духовный, сориентированный не на потребление, а на созидание. И именно от особенностей антропофактора (от специфики акцентуации тех или иных ипостасей – биологической, социальной, духовной, технократической) и зависит принципиальная разница между ведущими трансрегиональными цивилизациями.

В частности, русско-российский цивилизационный архетип отличается от западноевропейского и вообще от западного цивилизационного архетипа прежде всего особенностями своей *аксиологии*.

Особенности российской ценностной системы, очевидно, таковы, что уровень жизни в пределах цивилизационной самобытности россиян имеет все-таки меньшее значение, чем образ жизни. При этом и само содержание образа жизни, например, граждан РФ, отдающих предпочтение тем или иным постправославным, постсоветским и иным традиционалистским и гуманистическим ценностно-ментальным установкам, существенно отличается от постмодернистского образа жизни представителей западного мира, сориентированных преимущественно на консьюмеристские и утилитарные ценности.

С учетом сказанного можно утверждать, что сегодня необходимо сосредоточить основное внимание исследователей на изучении образа жизни индивидов в контексте развития тех или иных локальных цивилизаций. В этом случае результат названных исследований будет связан с ростом понимания особенностей ценностной составляющей образа жизни. И именно по ценностным (аксиологическим) основаниям такие две географически, исторически и культурно близкие трансрегиональ-

ные цивилизации, как русско-российская и западноевропейская, все больше отдаляются друг от друга.

Более того, нынешний этап цивилизационного развития этих двух половин некогда единой цивилизации выглядит уже не просто как раскол, размежевание или даже столкновение принципиально разных ценностных систем. С нашей точки зрения, русско-российская цивилизация, прошедшая в XX в. через две цивилизационные перекодировки, сегодня возвращается к своим сущностным основаниям, в то время как западная часть европейской цивилизации американизируется и утрачивает многие свои сущностные черты⁵.

Заметим в завершение краткого экскурса в проблематику антропоцентрического подхода в цивилизационных исследованиях, что в настоящее время одной из приоритетных тем в изучении цивилизационных феноменов становится тема так называемой ценностной матрицы российской и, следовательно, иных трансрегиональных цивилизаций. Все больший интерес представляет, в частности, компаративный анализ двух – российской и западной – ценностных систем, являющихся следствием и концентрированным выражением сущностных характеристик названных цивилизаций.

¹Путин В.В. Россия: национальный вопрос // <http://putin2012.ru/#article-1>

²Лепехин В.А. Обоснование актуальности антропологического подхода в исследовании русско-российской цивилизации // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 12. С. 274–278.

³Бельский В.Ю., Лепехин В.А. Цивилизационное развитие России и новая стратегия государственной кадровой политики. Ч. 1 // Государственная служба и кадры. 2014. № 1. С. 21–25; *Они же*. Цивилизационное развитие России и новая государственная кадровая политика // Государственная служба и кадры, 2014. № 3. С. 80–84.

⁴См.: Лепехин В.А. Антропологический подход в исследовании проблемы сущностных признаков российской цивилизации: Дис. ... канд. филос. наук // <http://istina.msu.ru/workers/8551270/>

⁵Лепехин В.А. О перекодировках сознания и современных зомби // http://ria.ru/zinoviev_club/20141125/1035044235.html

Problem of civilizational identity of Russia in the political thought of the 20th century

Проблема цивилизационной идентичности России в отечественной политической мысли XX в.

Arkadiy Nikolaevich Borozdin,
candidate of philosophical Science,
Professor of the Department of the sociology and
politology of the Moscow University of the MIA
of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: office@unity-dana.ru

Аркадий Николаевич Бороздин,
кандидат философских наук,
доцент профессор кафедры социологии
и политологии Московского университета МВД
России им. В.Я.Кикотя,

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.03

Annotation. It analyzes the main conceptual model of civilizational self-determination in the Russian political thought in the 20th century.

Keywords: civilization, civilizational identity, civilizational selfidentity, ideal, traditions

Аннотация. Анализируются основные концептуальные модели цивилизационного самоопределения в российской политической мысли в XX столетии.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационная идентичность, цивилизационная самоидентификация, идеал, традиции

Вопросы цивилизационного самоопределения России, ее социально-культурного своеобразия были актуальны в идеологических дискуссиях на протяжении всей ее истории. Выступая вначале в религиозно-идеологической форме, затем дополненная политическим аспектом – своеобразие российского самодержавия, в XIX в. эта проблема получила уже развернутое, комплексное обоснование: философско-религиозное, политическое и этнокультурное. Научно-идеологический дискурс на эту тему продолжился затем уже в веке XX.

Начало века, ознаменовавшееся тремя русскими революциями, естественно, характеризовалось активизацией практической политической жизни в стране. При этом легализовавшаяся с 1905 г. политическая деятельность как старых, так и многочисленных новых различных объединений, союзов и партий сопровождалась соответствующим идейно-политическим поиском и творчеством. Идеи цивилизационной самобытности, отстаивавшиеся в XIX в. славянофилами и близкими им мыслителями, а также в определенном отношении и охранителями, были восприняты и развиты правым крылом политического спектра российских политических объединений и партий. Мировоззрение западничества с его установкой на единообразную общемировую цивилизацию выступало основой идеологии так называемых «центристских» и «левых» партий.

Цивилизационно-идеологическая направленность правомонархических («черносотенных») организаций

выражалась, прежде всего, в бескомпромиссном отстаивании традиционного триединого принципа – «Православие, Самодержавие, Народность», в котором воплощались самобытные ценности, отношения и формы русской цивилизации. Черносотенцы провозглашали себя наследниками славянофилов и охранителей XIX в., что сказывалось на многих их доктринальных установках.

Прежде всего, они отстаивали тезис о самобытном пути развития России, заявляя, что «русский народ есть единственный в мире безусловно самобытный», и после тысячелетнего успешного существования России не «нужно учиться и брать пример с какой-нибудь Польши или Финляндии, не сумевших отстоять своей самостоятельности, или с Англии и Франции, доказавших свою несостоятельность в борьбе с незначительными народностями...»¹.

Прежде всего, абсолютно неотъемлемым атрибутом самобытности являлось, по их мнению, исконно русское царское самодержавие «как основное начало русской государственности». В то же время некоторые из них подчеркивали, что «начиная с Петра I... самодержавие было уже не православно русским, а весьма близким к западноевропейскому абсолютизму, основанному не на православно-церковном и земско-государственном единении и общении царя с народом, а на праве сильного...»², и предлагали преобразовать его в старорусском духе (восстановление Земского собора и т.п.). Приверженность православию трактовалась «правыми» в традиционном, ортодоксальном смысле. Религиозно-философские изыскания в духе В. Соловьева, Н. Бердяева или даже С. Булгакова решительно отвергались, ибо все это «еретическое извращение основ нашей христианской веры»³. К принципу «народности» черносотенцы проявляли довольно сдержанное отношение. Так Л.А. Тихомиров писал, что «если к третьему пункту формулы возможно присоединиться при наблюдении русской истории, то исключительно как к выводу из первых двух пунктов, так как, в сущности, действительными принципами нашей истории являются только *православие и самодержавие*». Более того: «Менее всего русский народ думал о *народности*. Самое слово это — книжное, как и слово «обрусение»,

тем более термины *русификация, национальность, патриотизм* и т.п. Наши предки этих слов не знали⁴. Думается, что Тихомиров несколько категоричен в этом утверждении. Незнание или неупотребление слов не означают отсутствия соответствующих чувств и умонастроений. Действительно, трудно обвинить русский народ в отсутствии патриотизма и национального самосознания на протяжении всей его истории, хотя и бывали времена, когда они проявлялись достаточно слабо. В целом же в известной триаде черносотенцы акцент делали на укреплении самодержавия.

Своеобразную идеологическую позицию занимали представители созданного в 1908 г. Всероссийского национального союза (националисты). Традиционную триаду они в отличие от черносотенцев и охранителей трактовали скорее в духе Н.Я. Данилевского, ибо на первое место по значимости ставили именно народность. Так, один из идеологов националистов — М.О. Меньшиков развивал свою теорию исторического развития России, где различные его этапы характеризовались доминированием соответствующего принципа. Сначала ведущим было православие, затем самодержавие, а теперь «наступает третий период, эпоха третьей и окончательной нашей культуры, где основным началом должна стать «народность». И православие, и самодержавие, не исчезая, по необходимости должны отодвинуться и дать место некоторому новому царству — национальному. Подъем национализма не так ясен, потому что он у нас еще впереди, но он приближается с каждым днем. Народность есть окончательное собрание народа»⁵. Отсюда вытекал и цивилизационный идеал Меньшикова: «Русская Империя есть живое *царствование русского племени...*» и «Россия сильная и навеки державная», а не «Соединенные Штаты Европы»⁶. Таким образом, для Меньшикова неприемлемы идеи единой всемирной цивилизации, однородного всемирного союза людей. Жизнеспособность социума поддерживается наличием самостоятельных, разнородных национально-культурных цивилизационных образований и соответственно Россия может существовать только как отдельная в своей оригинальности и самобытности национальная цивилизация.

Принципиально отличную от правомонархистов и националистов парадигму цивилизационного развития России выдвигали российские либералы (октябристы, кадеты и пр.). Исходной посылкой, объединявшей все их разновидности, была западническая установка на единый для всех народов путь развития общественного прогресса, ориентация на западноевропейские образцы общественно-политического устройства и традиционные либерально-демократические ценности. Небольшое исключение составляло, пожалуй, только правое крыло кадетов, группировавшееся вокруг П.Б. Струве. Он со своими единомышленниками являл собой пример процесса «поправления» части русской интеллигенции от социал-демократии и легального марксизма к правому либерал-демократизму с направленностью (по крайней мере, у некоторых) к национально-государственническим и религиозным мотивам консервативного толка. Наиболее показательной в этом плане являлась работа «Вехи. Сборник статей о русской ин-

теллигенции» (март 1909 г.), отразившая тенденцию критического переосмысления роли радикальной, западнически настроенной интеллигенции в историческом процессе преобразования России. Общая тема сборника — критика «интеллигентского отщепенства»: безрелигиозности, безгосударственности и безнациональности российской интеллигенции. Авторы сборника подвергли основательной критике нацеленность русской интеллигенции на политическую борьбу, ее этику нигилизма и аморализма, утилитаризм, дух волюнтаризма и своеволие. Струве писал, что «для интеллигентского отщепенства характерны не только противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического»⁷. Упрекая интеллигенцию в космополитизме, в потере «национального лица», веховцы предлагали положить в основу нового мировоззрения «идею нации взамен интеллигенции и классов». Выступая против крайностей правомонархистов и националистов, с одной стороны, и революционаризма и космополитизма либералов, социал-демократов и прочих «левых» — с другой, они пытались позиционировать себя в качестве сторонников «здорового» великорусского национализма. Таким образом, веховцы стремились скорректировать либеральную цивилизационную модель в национально-государственническом направлении, учесть специфику России не только в традиционном для либералов негативном плане, но и выявить ее позитивные основы.

Революционный 1917 г. стал переломным в развитии политического процесса страны и важной вехой в идеологической жизни. Недолгое пребывание у власти приверженцев либерально-западнического варианта цивилизации в октябре сменилось на политическое господство сторонников советско-социалистического пути развития. Эти события не только поставили вопрос об отношении к советскому строю, но и актуализировали проблему будущего цивилизационного устройства России. В качестве реакции на утверждение советского строя в среде русской эмиграции появились новые идеологические конструкции: сменовеховство, евразийство и т.д.

В частности, сменовеховцы призывали перейти от борьбы с советской властью к признанию ее как неслучайной данности. В то же время идеологи сменовеховства доказывали неизбежность перерождения вождей большевизма из разрушителей государства в строителей империи, а самой советской власти — в национальную русскую государственность.

Этот процесс, полагал Н.В. Устрялов, должен был сводиться к тому, что «партия секретаризируется, коминтерн — русифицируется (социализм в одной стране), советы — вместе с партией — декоммунизируются. Такова историческая тенденция большого масштаба...»⁸. Для сменовеховцев цивилизационный образ будущей России базировался на двух основаниях: русском национализме и жестком авторитаризме (без определения его конкретной формы воплощения). Негативное отношение к западноевропейским цивилизационным усто-

ям и приверженность ко всему своему отечественному проявились и в заявлении Устрялова в 1930 г.: «Лучше ежовые рукавицы отечественной диктатуры, чем бархатные перчатки цивилизованных соседей»⁹.

Другое идеологическое течение – евразийство в отличие от сменовеховства (в основе своей прагматического и сугубо политического) претендовало на более всестороннюю идеологическую обоснованность своего видения российской цивилизации: философскую, историческую, цивилизационно-культурную, географическую, этнографическую и т.д. Но это стремление к всесторонности, с одной стороны, и разнородность его достаточно многочисленных идеологов (узких специалистов в конкретных областях науки) — с другой, предопределило определенную нечеткость и противоречивость общей теории евразийства. Здесь, конечно, сказывался и поисковый характер их доктрины, попытка выработать принципиально новую идеологию, которая смогла бы стать обоснованием своеобразного «третьего пути» развития России в противовес либерально-буржуазному и коммунистическому.

В области историософии евразийцы примыкали «к тем мыслителям, которые отрицают существование универсального «прогресса» и отстаивали тезис о культурно-историческом своеобразии России. В этом отношении они ощущали себя «продолжателями идеологического дела... славянофилов и примыкающих к ним»¹⁰.

Евразийство определяло Россию в качестве особого исторического и географического мира, не принадлежащего ни к Европе, ни к Азии, но представляющего собой совершенно самостоятельную цивилизацию, хотя и имеющую соприкосновение как с одной, так и с другой (отсюда и определение ими России как «Евразии» и самоназвание – «евразийство»). Судьбы России-Евразии, утверждали евразийцы, протекают в основном независимо от судеб Европы и Азии. Россия – особый исторический мир, не имеющий прообразов ни на Западе, ни на Востоке (историческая специфика проявляется и в своеобразии Московского царства, и в большевистской революции и т.п.). Особенно жестко они противопоставляли Россию Европе, отсюда и их негативное отношение к соответствующим петровским преобразованиям и последующей официальной политике: «Евразийцы относятся отрицательно к подражательной и западопоклоннической линии императорского правительства и социальных верхов императорской России»¹¹. К Востоку же, к Азии у некоторых из них отношение было более чем лояльное. Показательно, что первый сборник их работ назывался весьма символично – «Исход к Востоку». Не случайны, видимо, и некоторые их исторические парадоксы, в частности, заметное игнорирование Киевской Руси и возвеличивание империи Чингисхана с проповедью идиллии «русско-монгольского» единения и исторической преемственности.

Кроме того, в отличие от предшествующих сторонников самобытного цивилизационного пути развития России, евразийцы настолько усиленно подчеркивали полиэтничный и поликонфессиональный ее характер, что даже предлагали «называть субъект культуры, ге-

ографически определяемой границами русского государства, не именем России... но каким-нибудь новым именем. Сознание того, что религиозно-культурное единство, объемлемое и выражаемое русским государством, шире, чем русская в узком смысле этого слова культура, должно получить некоторое терминологическое закрепление»¹² в понятии «Евразия». Таким образом, всячески подчеркивая многоконфессиональный и полиэтничный состав России и некий «симфонический» характер ее евразийской культуры, евразийцы доводили этот процесс до того, что даже лишали Россию ее исторического имени, они фактически растворяли Россию в Евразии. Вместо русской цивилизации, русского мира предлагалось иное цивилизационное образование: некое русско-азиатское неевропейское интегративное социально-культурное сообщество, которое на очередном этапе своего развития найдет воплощение в новом государстве с демотическим и идеократическим строем на «благо совокупности народов, населяющих данный автаркический особый мир»¹³. В результате евразийская парадигма цивилизационной идентификации России выглядит специфическим, без всякого сомнения оригинальным, но довольно противоречивым феноменом с достаточно субъективной трактовкой ее истории и с весьма спорным видением образа цивилизационного будущего России.

Кроме сменовеховства и евразийства, в русской эмиграции заявили о себе некоторые новые разновидности монархизма, чье видение русской цивилизации несколько отличалось от представлений старых монархистов по этому вопросу. В частности, И.А. Ильин, отстаивая идею о цивилизационном своеобразии России, настаивал на том, что «Россия ни на кого не похожа. Она – единственная в своем роде во всей истории человечества. Она идет своими путями. Ей необходимы свои, особые формы жизни»¹⁴, при этом необходимо учитывать, что «Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический». Ильин подчеркивал объективную органичность ее своеобразия: «...хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, мы призваны и обязаны идти своим путем... Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны *самостоятельно быть*, а не ползать перед другими; *творить*, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы... *Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себе самим*»¹⁵.

Но, подчеркивая самобытный путь цивилизационного развития России, Ильин полагал, что необходимо найти, выработать хотя и свои собственные, но уже *новые* формы жизнедеятельности. Таким образом, его установки на будущее цивилизационное развитие России носили поисковый характер.

Представитель другого политического движения в эмиграции – И.Л. Солоневич был более четок в видении цивилизационного образа России. Его приверженность проблематике исключительно России была сразу же и категорично заявлена уже в самом начале наибо-

лее известной работы «Народная монархия»: «Только для России», ибо «всякая разумная программа, предлагаемая данному народу, должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного Homo Sapiens, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы». Поэтому «Народно-монархическое движение есть *единственное* в эмиграции политическое движение, которое базируется на исключительно русской почве, не имеет никаких мировых претензий и отрицает всякие мировые рецепты». Продолжая традиции приверженцев самобытности русской цивилизации, Солоневич твердо отстаивал положение о глубоком своеобразии России и специфике ее исторического развития, подчеркивая, что его движение «исходит из той аксиомы, что Россия имеет *свои* пути, выработала *свои* методы, идет к *своим* целям и что поэтому *никакие* политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут»¹⁶. И более того, вслед за Н.Я. Данилевским он настаивал на том, что «не существует никаких исторических законов развития, которые были бы обязательны для всех народов истории и современности». При этом в отличие, например, от К.Н. Леонтьева, евразийцев и др. он отвергал не только европейскую, но и восточную, азиатскую цивилизационную ориентацию для России: «Россия – не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это – просто *Россия*. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии». А самобытность России обусловлена «тремя последовательными и последовательно консервативными факторами русской жизни – Монархией, Церковью и Народом...»¹⁷, т.е. Солоневич солидаризируется со своими предшественниками в том, что цивилизационно определяющими основами для России являются Православие, Самодержавие, Народность.

В то же время он был предельно бескомпромиссен в отношении европейских заимствований, и прежде всего петровских преобразований. Солоневич решительно их отвергал, как и сам западнический цивилизационный идеал. Столь же неприемлемым был для него и коммунистический общественный идеал. Солоневич предлагал «русскому народу оставить все эти дороги и вернуться домой: в старую Москву, к принципам, проверенным практикой по меньшей мере восьми столетий»¹⁸, и восстановить русскую народную монархию — бессловную, соборную, с элементами земского самоуправления, основанную на моральных принципах русского православия. Итак, цивилизационный идеал Солоневича был исключительно национально-традиционным, самобытным и даже более реакционно-правым, чем у тех же славянофилов, что, естественно, обостряло проблему его реализуемости в современном мире.

Таким образом, первая половина XX в. как собственно в России, так и в эмиграции характеризовалось активным поиском адекватного для нее цивилизационного пути развития. Но из множества предлагаемых вариантов в стране после 1917 г. утвердилась советская социалистическая цивилизационная конструкция. Эта официальная цивилизационная модель базировалась

на марксистско-ленинской идеологической доктрине. Изначально основывавшаяся на интернационально-космополитической теории мировой социалистической революции и построения единого общемирового общества социальной справедливости, эта модель фактически не предполагала наличия в будущем национально-своеобразных, самобытных локальных цивилизаций (известны тезисы о том, что у пролетариата нет отечества, что в будущем нации отомрут и т.п.). На смену общемировой капиталистической общественно-экономической формации должна прийти опять же общемировая коммунистическая формация. Своеобразие России как до революции 1917 г., так и сразу после нее трактовалось как ее недостаток, исторический пережиток и отсталость, которые необходимо преодолеть в кратчайшие сроки. Несмотря на это, в процессе своего дальнейшего развития СССР все-таки приобрел некоторые черты своеобразной советской цивилизации, которая не имела адекватных аналогов за рубежом.

Постсоветский период, ознаменовавшийся официально провозглашенной целью вхождения в мировую (т.е. западную) цивилизацию и попыткой утвердить в России принципы классического либерализма, со всей очевидностью показал недалекость и проблематичность избранного для России пути (расчленение государства, развал экономики, разрушение социальных связей и гипертрофированная социальная дифференциация, демографический кризис, а также кризисные процессы в культуре, образовании, науке, медицине и т.д.). Прозвучавший в конце 1990-х гг. призыв руководства страны найти, выработать объединяющую общенациональную идею, пока не привел к какому-либо положительному результату. Обострившиеся проблемы развития страны, усугубленные мировым экономическим кризисом и внешнеполитической ситуацией, в чрезвычайной степени актуализируют проблему цивилизационной самоидентификации России.

¹Шербатов А.Г., кн. «Обновленная Россия» и другие работы. М., 2002. С. 37.

²Цит. по: Степанов С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 19.

³Марков Н.Е. Войны темных сил. С. 426.

⁴Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 544.

⁵Меньшиков М.О. Третья культура // Нация и империя в русской мысли начала XX в.. М., 2003. С. 40—42.

⁶Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 186, 181.

⁷Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. М., 1991. С. 44.

⁸Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 41.

⁹Там же. С. 16.

¹⁰Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 85—87.

¹¹Основы евразийства. М., 2002. С. 166.

¹²Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 35—36.

¹³Основы евразийства. С. 197.

¹⁴Ильин И.А. О воспитании национальной элиты. М., 2001. С. 502.

¹⁵Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. Т. 1. С. 238, 328.

¹⁶Солоневич И.Л. Народная монархия. Минск, 1998. С. 12, 13, 20.

¹⁷Там же. С. 60.

¹⁸Там же. С. 35.

Money laundering as social-economic phenomenon

Легализация преступных доходов как социально-экономический феномен

Sergey Anatolevich Butkevich,
candidate of jurisprudence, senior researcher,
Deputy head of the Crimean
on educational and scientific work,
of the Krasnodar University
of the MIA of Russia
E-mail: butkevich-sa@mail.ru

Сергей Анатольевич Буткевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
заместитель начальника Крымского филиала
по учебной и научной работе
Краснодарского университета МВД России

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.04

Annotation. The article deals with premises of occurrence and further proliferation of crimes connected with legalization (laundering) of incomes, gained illegally. On the basis on the analysis made, suggestions to prevent and counteract to legalization of illegal incomes as a real threat to economic state security are developed.

Keywords: legalization of criminal incomes, social security, crime, phenomenon, economics

Аннотация. В статье рассмотрены предпосылки появления и дальнейшего распространения преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. На основании проведенного анализа разработаны предложения по предупреждению и противодействию легализации преступных доходов как реальной угрозе экономической безопасности государства.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, общественная опасность, преступление, феномен, экономика

В условиях возникновения новых угроз для экономической безопасности государства существует острая потребность в функционировании контрольно-надзорной и правоохранительной систем, способных эффективно бороться с легализацией незаконных доходов. Вместе с тем развитие глобальной финансовой системы, постоянное совершенствование существующих и применение инновационных информационно-телекоммуникационных технологий дают возможность проводить финансовые операции в кратчайшие сроки, что создает дополнительные возможности для материальной поддержки организованной преступности. Именно поэтому для каждого государства противодействие легализации преступных доходов – приоритетное направление обеспечения национальной безопасности.

Бесспорно, легализация преступных доходов – это финансовый стимул развития всего криминалитета. С появлением преступных организаций у них возникла острая потребность в «квалифицированной» легализа-

ции значительной прибыли, полученной от нелегальной деятельности, поскольку доходы такого размера невозможно использовать без придания законности механизму их получения. Общественная опасность появления и функционирования устойчивых преступных группировок очевидна, причины их зарождения коренятся в самом обществе [1, с. 18].

Проведенный анализ ряда религиозных и правовых источников свидетельствует, что у данного явления достаточно давнее происхождение. Оно старо, как деньги; в частности, эпизоды, сходные с приобретением имущества и его использованием вопреки Закону Божьему, описываются еще в библейской мифологии. Данный отрывок из Ветхого Завета является достаточно яркой иллюстрацией к сказанному (Книга Иисуса Навина, главы 5–7). Когда евреи подошли к Иерихону и увидели, что им не взять этот город, они стали молиться Богу, чтобы он помог им победить врага. Они обещали ничего не брать себе, город сжечь, а «все серебро и золото, сосуды медные и железные» отдать в сокровищницу Господню. Однако Ахан не выполнил обещания, взял некоторые понравившиеся ему вещи (одежду, серебро и золото) и спрятал их. Таким образом, Ахан стал вором, хотя этого никто и не заметил, но узнал Господь: «Заклятое среди тебя, Израиль; посему ты не можешь устоять пред врагами твоими, пока не удалишь от себя зачатого» [2, с. 233–237]. На второй же день Иисус собрал всех израильтян, и вора разоблачили. Ахан, его сыновья и дочери вместе с похищенным, а также другим имуществом были отведены в долину Ахор. За совершенное преступление Ахан был избит камнями и сожжен на огне. То есть Господь наказал Ахана за то, что он переступил Его восьмую заповедь – «Не укради» («взяли из зачатого, и украли, и утаили, и положили между своими вещами») [2, с. 79].

Не менее важным в рассматриваемом аспекте представляется и один из самых полных религиозных источников права – Коран. В строфах 9 (9), 10 (10) Суры 91 Аш-Шамс (Солнце) говорится: «Получил прибыль тот, кто ее очистил; понес убыток тот, кто ее утаил» [3]. По нашему мнению, появление данных строф, по всей ви-

димости, обусловлено положениями Суры 8 Аль-Анфаль (Добыча), которая определяет в строфе 42 (41) размеры и виды пожертвований: «И знайте, что если вы взяли что-либо в добычу, то Аллаху – пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику, если вы уверовали в Аллаха...» В этой же Суре в строфе 70 (69) говорится о разрешении (законности) путей получения дохода: «Ешьте же то, что вы взяли в добычу дозволенным, благим, и бойтесь Аллаха...» [3]. В связи с этим очевидно, что в соответствии с Кораном прибыль должна быть получена разрешенным, благим (законным) путем и из нее должны быть сделаны необходимые отчисления.

Немало свидетельств действий, подобных легализации имущества, полученного преступным путем, можно обнаружить и в эпоху Римской республики (508–530 до н.э.). Патрициат и верхушка среднего класса отмывали в прямом и переносном смысле имущество, добытое в войнах. Банки множились и процветали; они платили проценты по вкладам, получали деньги по чекам, оплачивали счета своих клиентов, занимали деньги, распоряжались ими или делали инвестиции и процветали на таком очевидном взяточничестве, что сорванец и ростовщик назывались одним и тем же словом — *sektor*. Обращает на себя внимание и то, что с переходом Рима к профессиональной армии (I ст. до н.э.) и приобретением военными особым правовым статусом в целях поддержания дисциплины, борьбы с нарушениями обязательной военной службы создается целый свод правил о военных преступлениях и об особых видах наказаний для таких категорий лиц. Выработка этих правил относится главным образом к периоду империи. Среди таких преступлений, как измена, уклонение от призыва на военную службу, самовольное оставление службы, потеря вооружения, исторические источники упоминают присвоение и растрату казенного имущества, в том числе определенных ценностей и вещей, добытых в военных походах и подлежащих сдаче государству. Каралось нарушение этих правил казнью [4, с. 15].

В современных условиях легализация преступных доходов является, как правило, многоэтапным преступлением, включая систему многочисленных финансовых операций, предназначенных скрыть первоначальный источник происхождения денежных средств и другого имущества, полученных противоправным путем. Каждое последующее перемещение таких доходов отдаляет их от первичного незаконного источника происхождения, и в результате выявление «отмытых» денег в финансовой системе становится практически невозможным. На следующем этапе легализованные средства внедряются в какую-либо отрасль экономики, сочетаясь с законным капиталом.

Указанные действия приводят к установлению контроля преступными организациями над отдельными секторами экономики, распространению форм и методов криминальной конкуренции, переориентации деятельности субъектов хозяйствования в интересах преступных организаций и деформации экономической

системы в целом. Легализация преступных доходов подрывает также основы нелегального бизнеса, создавая феномен обременения финансовых отношений дополнительными рисками и затратами (например, связанными с коррумпированностью должностных лиц контролирующих органов [5, с. 163]), деформирует естественные структурные изменения в экономике, искажает целевое влияние органов публичной власти на экономическое развитие, так как способствует направлению средств не на развитие и функционирование государства и общества, а на извлечение сверхприбыли с помощью экономической деятельности.

По мнению Г.Т. Гереева, противодействие отмыванию преступных доходов позволяет решить три важные задачи: во-первых, обеспечить защиту легальной экономики от криминальных инвестиций; во-вторых, от низового звена (исполнителей) выйти на верхушку криминального мира (организаторов); в-третьих, в результате выявления и конфискации преступных доходов осуществить подрыв финансовой основы деятельности преступных организаций, следовательно, основная цель их деятельности – получение прибыли – окажется недостигнутой [1, с. 16]. При этом необходимо учитывать, что феномен отмывания денег основывается на специфических аспектах развития организованной преступности [6, с. 92–93], в частности:

а) *интенсивный* – объясняется качественными изменениями, связанными с тенденцией уменьшения объемов наличных средств и увеличения оборота безналичных. Преступники, которые получают значительные сверхприбыли наличными, вынуждены, чтобы избавиться от подозрения в истинном источнике их происхождения, интегрировать свои фонды в финансовую систему. Момент избавления от наличной денежной массы – неотъемлемая часть процесса отмывания денег;

б) *экстенсивный*, который непосредственно связан:

- с социальными изменениями, заключающимися в первую очередь в увеличении потоков миграции, связанной с либерализацией передвижения населения в мире. В свою очередь, миграционный кризис является следствием разрыва в уровне благосостояния развитых стран и стран третьего мира, а также военными действиями в Африке и Ближнем Востоке;
- инновационной деятельностью и научно-технологическим развитием, поскольку научно-технологическая, производственная и коммерческая деятельность в комплексе дают возможность осуществлять преступную деятельность более эффективными приемами и способами;
- увеличением разнообразия предметов преступлений, обусловленного расширением ассортимента производимых и потребляемых товаров и услуг.

Считаем, что в оперативно-следственной работе проблемными являются методологические и практические вопросы, связанные с установлением фактов покушений на легализацию, определением степени и самого момента «загрязнения» денег, отслеживанием их

движения. «Грязные» капиталы в режиме «отмывания» очень подвижны, в основном имеют трансграничный характер.

Существенно усложняют ситуацию в этом смысле различия между национальными законодательствами, в частности банковскими, и системами регулирования предпринимательской деятельности. При этом необходимо учитывать, что к факторам, способствующим совершенствованию механизма легализации преступных доходов, относятся:

(1) *экономические* – благоприятная обстановка для инвестирования значительных сумм легализованных криминальных капиталов в отрасли экономики; возможность для беспрепятственного вывоза капитала за границу; наличие офшорных зон; поощрение государством возвращения из-за границы ранее вывезенных активов при отсутствии реальной проверки их происхождения и установления владельца;

(2) *политические* – возможность лоббирования принятия органами публичной власти нормативных актов в интересах организованных преступных групп, причастных к легализации преступных доходов; сложная социально-экономическая обстановка в стране, снижающая эффективность деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению таких преступлений;

(3) *правовые* – наличие пробелов в действующем законодательстве; дублирование правоохранительными органами некоторых заданий по борьбе с отмыванием денег, несогласованность и бессистемность их действий;

(4) *организационные* – недостаточная техническая оснащенность государственных органов и финансовых учреждений; нехватка квалифицированных специалистов; отсутствие последовательности при проведении так называемых антилегализационных мероприятий;

(5) *информационные*, преимущественно связанные с наличием технологий, которые обеспечивают интерактивный доступ любого пользователя к информации и ресурсам, в том числе при проведении финансовых операций;

(6) *исключительность* самой легализации преступных доходов, ее вторичность (придатность) по отношению к основным правонарушениям, что усложняет выявление и расследование таких преступлений [7, с. 110–115].

В.С. Давыдов подчеркивает, что появление легализации преступных доходов как правового феномена в социальной практике стало возможным в связи с определенными объективными и субъективными предпосылками. При этом к *объективным* предпосылкам он относит:

- либерализацию банковской системы, что не позволяет результативно контролировать действия имущественного характера;
- высокий уровень коррумпированности государственных и банковских служащих, снижающий эффективность их контрольно-надзорной деятельности;

- несовершенство механизма юридической ответственности за легализацию преступных доходов;
- наличие высокодоходных сфер преступной деятельности;
- фактор присутствия террористических (экстремистских) организаций и др.

К *субъективным* предпосылкам исследователь относит:

- намерения преступников «выйти из тени», приобрести высокий легальный статус в обществе, получить возможность заняться законным бизнесом без риска преследования со стороны государства;
- потребность организованных преступных групп в беспрепятственном использовании преступных доходов для дальнейшего развития преступной деятельности и собственных нужд «потребителя» [8, с. 13–14].

Продолжая выводы указанного выше исследователя, М.М. Прошунин рассматривает легализацию преступных доходов в следующих аспектах:

(1) *материальном* — как размещение денежных средств и другого имущества в финансовые институты, проведение различных операций с данными активами и в итоге их интегрирование в экономику;

(2) *экономическом* — как переход денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, из теневой в легальную экономику;

(3) *процедурном* — как процесс, с помощью которого маскируются первичное происхождение и реальные собственники средств, полученных в результате совершения преступления, в целях их декриминализации;

(4) *правовом* — как придание правомерного характера владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными преступным путем [9, с. 18].

При этом существует точка зрения на феномен легализации преступных доходов через призму общественной опасности, включающей два аспекта – экономический и юридический. Первый обычно связан с нанесением вреда стратегическим интересам государства, субъектам хозяйствования и др., а второй – проявляется в стимуляции и развитии первичной преступной деятельности (являющейся источником доходов, которые отмываются) и уклонении от ответственности за ее осуществление в случае успешной легализации «грязных» денег [8, с. 14]. Такой подход видится интересным и перспективным в плане научного исследования данной проблематики. В зависимости от того, какую из сторон общественной опасности легализации преступных доходов считать более значимой, можно соответственно делать выводы и об основном и вспомогательном объектах состава преступления. Так, В.М. Алиев и Б.С. Болотский отмечают, что легализация преступных доходов является специфическим системно-структурным феноменом из числа наиболее общественно опасных явлений, обусловленных сложным комплексом различных событий и процессов. При этом

они разделяют основные факторы на три группы: политико-экономические (косвенно влияют на легализацию преступных доходов); социально-правовые (влияют на сферу, в которой непосредственно отмываются доходы); морально-психологические (определяющие соответствующее преступное поведение) [10, с. 46].

Итак, легализация преступных доходов как социальный феномен представляет собой негативное явление, в основе которого лежит процесс сокрытия незаконного происхождения средств, материальных благ (прав собственности), маскировки информации о природе их происхождения, местонахождении, размещении, движении и действительной принадлежности, а также предоставления им в любых формах правомерного вида, когда лицу известно, что эти материальные блага являются доходами, полученными преступным путем, а также другие действия, прямо или косвенно связанные с оформлением правомерности фактических отношений владения, пользования, распоряжения доходами или сокрытием их незаконного происхождения.

В то же время легализация преступных доходов как финансовая категория тесно связана с функционированием теневого капитала и на сегодняшний день представляет собой процесс преобразования криминального капитала в легальный.

Общественная опасность процесса легализации с финансовой точки зрения обусловлена тем, что она связана с вовлечением в сферу легального оборота значительного количества денежных средств, вызывающих нарушение экономического равновесия на макроэкономическом уровне. Это проявляется в нарушении баланса в обществе между доходами и расходами, между инвестициями и сбережениями, между денежной массой и уровнем цен и др. [11, с. 20].

То есть в широком смысле легализация преступных доходов является завершающим этапом трансформации преступности в высокодоходный и эффективный вид незаконного предпринимательства. В процессе этого явления происходит противоположная и крайне опасная для общества концентрация экономической и в дальнейшем политической власти в руках неконтролируемой группы лиц, часто связанных с террористической (экстремистской) деятельностью [12, с. 208–209]. Сегодня легализация преступных доходов по своим социальным последствиям, взаимосвязи с другими преступлениями корыстной направленности представляет собой реальную, постоянно растущую угрозу экономической безопасности государства.

Подытоживая изложенное, отметим, что как социально-экономический феномен легализация преступных доходов возникла вместе с появлением денег и является преступной деятельностью по выведению денежных средств («грязных» денег) из сферы «теневого капитала» и введению их в легальный сектор экономики, т.е. предоставление денежным средствам или какому-либо другому имуществу статуса законной собственности определенного юридического или физического лица.

Сегодня в структуре системы противодействия от-

мыванию доходов и преступности, получающей такие средства, должны проводиться целенаправленные, наступательные, скоординированные и согласованные мероприятия правоохранительных и контролирующих органов, а также действовать реальная и неотвратимая юридическая ответственность за совершение правонарушений в данной сфере.

List of references

1. *Gereev G.T.* Organization-legal provision of fight with criminal incomes legalization (laundering): Thesis ... PhD (Law). M., 2005.
2. *Bible.* Old and New Testament. M.: Bubleiskaya liga, 2008.
3. <http://www.falag.ru/quran/>
4. *Korystin A.E., Tcherniavkyi S.S.* Counteraction to money laundering in Ukraine: legal and organization background: manual. Kiev: KNT, 2009.
5. *Ignatov A.N., Kashkarov A.A.* Corruption in public authorities as systemic phenomenon // Conference materials «Corruption: state of counteraction and directions for optimization of fight». M.: Russian Criminological Association, 2015.
6. *Dmitrov S.O., Kovalenko V.V., Ezhov A.V., Bereznoi A.N.* Finance monitoring in the bank: manual. Sumy: «Universitetskaya kniga», 2008.
7. *Bystrova Yu.V.* Prevention system of legalization (laundering) of money and other property, acquired illegally in the Russian Federation: Thesis ... PhD (Law). M., 2010.
8. *Davidov V.S.* Criminal responsibility for legalization (laundering) of money or other property, acquired illegally: legal regulation in Russia and abroad: Thesis ... PhD (Law). Saint-Pb., 2006.
9. *Proshunin M.M.* Finance monitoring (counteraction to legalization (laundering) of incomes, gained illegally, and terrorism finance): manual / [Edited by S.V. Zapolskyi]. M.: RAP; Statut, 2009.
10. *Aliev V.M., Bolotskyi B.S.* Russian legislation development on counteraction to legalization (laundering) of incomes, gained illegally: several disputing questions // *Gosudarstvo i pravo.* 1999. № 6.
11. *Schetkova Ye.S.* Organizational-legal problems of illegal incomes legalization in the bank system of Russian Federation: Thesis ... PhD (Law). Tyumen, 2005.
12. *Yevsikova Ye.V.* Administrative responsibility for terrorism financing: problems of effective use // Counteraction to extremism and terrorism in Crimean federal district: problems of theory and practice: monograph / edited by S.A. Butkevich. Simferopol: СВ КrU MIA Russia, 2015.

Список литературы

1. *Гереев Г.Т.* Организационно-правовое обеспечение борьбы с легализацией (отмыванием) преступных доходов: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. *Библия.* Ветхий и Новый завет. М.: Библейская лига, 2008.
3. www.falag.ru/quran/
4. *Корыстин А.Е., Чернявский С.С.* Противодействие отмыванию средств в Украине: правовые и орга-

низационные основы: Учеб. пособие. Киев: КНТ, 2009.

5. *Игнатов А.Н., Кашикаров А.А.* Коррупция в органах публичной власти как системное явление // Сб. материалов конф. «Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы». М.: Рос. криминол. ассоциация, 2015.

6. *Дмитров С.О., Коваленко В.В., Ежов А.В., Бережной А.Н.* Финансовый мониторинг в банке: Учеб. пособие. Сумы: Университетская книга, 2008.

7. *Быстрова Ю.В.* Система предупреждения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

8. *Давыдов В.С.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: правовое регулирование в России и за рубежом: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

9. *Прошунин М.М.* Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов,

полученных преступным путем, и финансированию терроризма): Учеб. пособие / Под ред. С.В. Запольского. М.: РАП: Статут, 2009.

10. *Алиев В.М., Болотский Б.С.* Разработка российского законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем: некоторые дискуссионные вопросы // Государство и право. 1999. № 6.

11. *Щеткова Е.С.* Организационно-правовые проблемы противодействия легализации преступных доходов в банковской системе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.

12. *Евсикова Е.В.* Административная ответственность за финансирование терроризма: проблемы эффективности применения // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: Монография / Под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: КФ КрУ МВД России, 2015.

Новые идеи в социологии: Монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 479 с. (Серия «Magister»).

Рассматриваются новые явления и процессы, закономерно и/или спонтанно возникающие идеи, что имеет принципиальное значение для получения нового знания, особенно при осмыслении феномена модернизационных и инновационных практик и их роли в преобразовании общественной жизни страны.

Дается анализ новаторских концепций, касающихся происходящих изменений в самой науке (новые тенденции в развитии социологии, ее будущее, препятствия, возникающие на ее пути и т.д.); на основе социологических исследований раскрываются характеристики современного российского общества (проблемы цивилизационного выбора, клеточной глобализации, стагнации и модернизации социальной структуры, антиномии и др.).

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, а также потребителей социологического знания — руководителей и специалистов всех отраслей национального хозяйства, культуры, науки и образования.

Social factors in the activity of police on prevention of latent extremism in places of compact residence ethnic diasporas

Социальные факторы профилактики латентного экстремизма полицией в местах компактного проживания этнических диаспор

Nikolay Nikolaevich Gusev,
candidate of philosophical Sciences,
associate professor, associate professor
of sociology and politology
of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.05

Annotation. Analyzes social factors that must be considered by the police to prevent latent extremism. Considered the features of their manifestation in places of compact residence of ethnic diaspora. Identifies and describes the groups at risk of latent extremism.

Keywords: latent extremism, ethnic diaspora, social factors of prevention, the police

Аннотация. Анализируются социальные факторы, которые необходимо учитывать полицией для профилактики латентного экстремизма. Раскрываются особенности их проявления в местах компактного проживания этнических диаспор. Выделяются и характеризуются группы риска латентного экстремизма.

Ключевые слова: латентный экстремизм, этнические диаспоры, социальные факторы профилактики, полиция

Рост экстремистских настроений и всевозможных проявлений экстремизма в мире, попытки извне дестабилизировать обстановку в России и ее регионах посредством разжигания экстремистских настроений специфическим образом сочетаются с особенностями и объективными трудностями переживаемого периода развития страны, а также с неизбежными социальными последствиями экономического кризиса.

В современных условиях все большую актуальность приобретает борьба не только с открытым проявлением экстремизма, но и с его истоками и неявной, скрытой формой. Как правило, между появлением причины экстремистского поведения и началом непосредственных акций проходит определенное время, необходимое для осознания сложившейся ситуации, мобилизации ресурсов и проведения организационных мероприятий. Это фаза скрытого существования эк-

стремизма, содержанием которой является накопление экстремистского потенциала.

Главным показателем экстремистского потенциала выступает состояние массового сознания, детерминированное рядом объективных и субъективных факторов, его готовность к переводу массовых общностей из относительно инертного состояния к активным действиям. Экстремизм в любой его форме, но именно как массовое явление представляет наибольшую опасность для общества, его стабильности и единства, что обуславливает непреходящее значение борьбы с ним и его профилактики.

Для успешной работы по профилактике латентного экстремизма необходимо знание его генезиса, сущности и форм. Это предполагает изучение объективных условий и параметров общественного бытия, вызывающих недовольство и чувство нетерпимости у целых социальных общностей и обуславливающих возникновение экстремистских настроений. Представляя собой крайнюю форму радикализма, экстремизм, в том числе латентный, является своеобразной реакцией на социальную действительность с присущими ей социальной дифференциацией и многообразными формами отчуждения, депривации, на невозможность (реальную или мнимую) изменить существующий социум в целом или решить частные задачи легальными и легитимными средствами. Он выступает также в качестве реакции как на дисфункцию социальных институтов, призванных обеспечить социализацию, так и на конкретные действия субъектов власти, зачастую продиктованные объективными обстоятельствами.

В качестве составляющих латентного экстремизма выделяются, во-первых, проявления массового сознания от идей, предрассудков, настроений, предпочтений, составляющих жизненные ориентиры до

мышления экстремистской направленности и соответствующих концептуально оформленных взглядов. Во-вторых, действующие нелегально и полуполюгально так называемые инициативные группы, в том числе организационно оформленные, использующие финансово-экономические и информационные рычаги для соответствующей обработки массового сознания в целях создания социальной базы экстремизма, а также рекрутирования индивидов в свои ряды.

Следует отметить трудности диагностирования латентного экстремизма, обусловленные его скрытым характером и ограничениями инструментария. Как известно, наличие законодательных актов по противодействию экстремизму дает весьма широкую трактовку понятия экстремизма, что открывает возможность на практике использовать и применять ее в политике, идеологическом противоборстве и в обыденной жизни в провокационных целях и для усугубления конфликтных ситуаций.

Следовательно, для диагностирования и профилактики латентного экстремизма важно, учитывая до времени непроявленность экстремистского содержания ментальных форм и деятельности и соответственно его недоказанность, действовать особенно тактично, чтобы не спровоцировать открытой негативной реакции объекта профилактического воздействия.

В связи с этим для проведения профилактической работы целесообразно использовать некую вероятностно-гипотетическую модель, опирающуюся на информацию о факторах и группах риска, а также о представляющих специфический интерес различных проявлениях массового сознания.

В современном российском обществе, являющемся многосоставным, его полиэтничность создает ряд дополнительных проблем, в том числе связанных с возможными проявлениями экстремизма на национальной почве. Его латентность, кроме общих причин, связана со своеобразным «языковым барьером», когда экстремистские взгляды и настроения распространяются на языке отдельного этноса, не выходя за границы общности, а официальные субъекты борьбы с экстремизмом не имеют возможности получать информацию о происходящем непосредственно в силу отсутствия знания языка. Особой закрытостью для выявления экстремистских настроений обладают этнические диаспоры, компактно проживающие на определенной территории. Это, прежде всего, привлекаемые в страну иностранные рабочие, иммигранты и беженцы.

Их закрытость для внешнего мира обусловлена избранной формой компактного проживания представителей своего этноса, что обеспечивает наиболее тесные связи внутри общности, формирование социально групповых признаков и установление четких границ во взаимоотношениях с окружающей социальной средой по принципу «свой — чужой» и нежеланием интегрироваться в социум. Общие интересы, осознаваемые как жизненно важные для этноса, доверительный характер и позитивная эмоциональная составляющая внутри-этнических контактов создают своеобразный кокон,

скрывающий информацию о настроениях и намерениях.

Внутренняя интеграция и сплоченность представителей этнической диаспоры приводят в конечном счете к возникновению организационных форм внутриэтнической социальной кооперации, в том числе и в криминальной сфере. При этом массовые экстремистские настроения в диаспоре играют роль дополнительного весьма эффективного сцепляющего членов фактора. Итогом всех перечисленных процессов внутри диаспоры при ее компактном территориальном расположении является формирование в том или ином виде общины и приобретение ей свойств закрытых и полужакрытых социальных групп, отличающихся особой сплоченностью и внутренней солидарностью. Эти социальные характеристики, приобретаемые этнической диаспорой в целом, важно учитывать в профилактической работе.

Факторами риска латентного экстремизма в местах компактного проживания этнических диаспор, как и национальных меньшинств конкретного региона, выступают особенности социально-психологического восприятия ими отношений с этническим большинством, наличием проблем, представляющихся неразрешимыми в период жизни одного поколения, а также наличием реальных или мнимых ущемлений прав и свобод как данного меньшинства в целом, так и отдельных его представителей.

Сочетание названных факторов может привести к возникновению мотивированной ксенофобии, проявляющейся в «зацикленности» массового этнического сознания на «неразрешимости» собственных проблем в связи с нежеланием общества вне диаспоры способствовать их преодолению. Часто это сопровождается сознательным культивированием экстремистскими группировками специфических гипертрофированных форм национального самосознания, чувств национальной исключительности и превосходства над другими, обиды и желания отмщения.

Следует отметить, что определенная часть коренного населения — этнического большинства — также может быть склонна к экстремистским настроениям. Они могут быть связаны как с немотивированной ксенофобией, так и с проявлениями экстремизма в других этнических группах населения. Особую опасность в этом случае представляет эскалация экстремизма, когда возникает система взаимосвязанных и взаимообусловленных «ответных» настроений и действий, реализуемая в межэтническом конфликте.

Внутри самой этнической диаспоры можно выделить категории населения, открытые для возникновения групп риска латентного экстремизма.

1. Это национальная интеллигенция — не самое массовое, но наиболее влиятельное в этнической среде социальное образование. Оно обладает креативностью, знаниями истории этноса, является активным творцом и носителем национальной культуры и национального самосознания, определяет параметры воспитания и социализации, имеет возможности формирующего влияния на индивидуальное и массовое

сознание и манипулирование им. Эти качества часть национальной интеллигенции может использовать для генерирования экстремистских идей и настроений на основе искаженных трактовок истории и настоящего, иллюзорных представлений о путях и способах решения национальных проблем. Образующую группу риска составляют представители национальной культурной, интеллектуальной и политической элит, работники сферы образования и детских учреждений.

2. Это часть духовенства, ориентированная на радикальную форму той религии, которая исповедуется этнической диаспорой, и соответственно члены такой религиозной общины.

3. Социальную основу групп риска традиционно могут представлять социальные «низы». У них склонность к экстремизму может проявляться в силу негативной оценки собственного настоящего и перспектив на будущее. К ним относятся не только представители низшего класса, но и деклассированные элементы, маргинальные социальные слои, обладающие высоким конфликтным потенциалом и иными предпосылками к участию в криминальной деятельности в целом.

4. Это политические, социальные и культурные организации, которые могут напрямую предназначаться для экстремистской деятельности или использоваться для проведения работы по распространению экстремистских взглядов и настроений среди населения и в конечном счете для руководства открытыми массовыми выступлениями.

5. Особую группу риска составляет молодежь. В силу специфики возрастной психологии, острого неприятия несправедливости в любой форме ее проявления, незавершенности процесса социализации она склонна к эмоциональному восприятию социальной действительности, импульсивности в ее оценках вплоть до крайних позиций и предпочтению быстрых и простых решений сложных социальных проблем. Как социальная общность, включенная в другие группы риска, молодые люди способны быть главной силой организационных процессов и составлять ядро экстремистской организации.

6. Группу риска образуют аудитория в киберпространстве, пользователи Интернета, получающие зачастую специальным образом передаваемую информацию, служащую провокационным целям и вызывающую соответствующие настроения. При этом информация может быть адресной, подаваться на языке данного этноса, что затрудняет оценку ее содержания. Несомненно, что экстремистские силы будут использовать для оперативного привлечения массы людей к участию в собственных акциях, в том числе и так называемые флешмобы.

Профилактическая работа в названных группах риска может быть успешной в том случае, если учитывает их социально-групповые особенности, специфику национальной психологии, социальный и правовой статус их членов.

Главным субъектом предупреждения и противодействия экстремизму, борьбы с ним является Российское

государство. Оно обладает необходимыми полномочиями, ресурсами и средствами, а также возможностью устранять причины. Часть государственных органов специализирована на работу с открытыми проявлениями экстремизма и действует преимущественно «по факту». Так, органы охраны правопорядка ориентированы, прежде всего, на реагирование на правонарушения.

В то же время в деятельности государства важное место занимает социальная профилактика экстремизма, и в первую очередь создание социальных условий, а также настроений массового сознания, минимизирующих возможность возникновения экстремистских настроений и их перехода к активной фазе. Соответственно и правоохранительные органы в целом, органы внутренних дел все больше вынуждены проводить профилактическую работу в интересах предупреждения и снижения вероятности возникновения наиболее острых форм проявления экстремизма.

Многоплановость социальных аспектов жизнедеятельности этнических диаспор в местах компактного проживания обуславливает комплекс разнообразных мероприятий по предупреждению и пресечению экстремизма, осуществляемых подразделениями полиции на основе действующего законодательства с соблюдением прав человека и гражданина. Среди них основными являются:

- активная деятельность по получению наиболее полной информации о состоянии массового сознания этноса, его настроениях, а также о группах риска латентного экстремизма и конфликтной обстановке в целом;
- аналитическая работа по выявлению предпочтений групп риска в распространении экстремистских настроений, тактике и формах конфликтных действий;
- выявление действующих и потенциальных лидеров этнических движений, ориентированных на легитимные формы отстаивания национальных интересов, установление с ними контактов и делового взаимодействия по недопущению экстремистской агитации и пропаганды среди населения;
- выявление действующих лидеров, а также так называемых духовных лидеров этнических движений, организаций и группировок, способных и имеющих возможности (финансовые, материальные, инструментальные, идеологические и др.) вести среди населения агитацию и пропаганду экстремистского содержания;
- проведение агентурной работы в группах риска;
- правовая охрана национального равноправия граждан, прав лиц без гражданства и граждан иностранных государств, находящихся на территории Российской Федерации, в том числе уголовно-правовыми средствами, и информирование граждан, составляющих этническую диаспору, о ходе и результатах такой деятельности;
- осуществление оперативных мероприятий, направленных на недопущение провокаций со

стороны экстремистски настроенных граждан, и пресечение экстремистских выступлений;

- сотрудничество с представителями духовенства различных религиозных конфессий по вопросам противодействия латентному экстремизму и недопущения экстремистских выступлений верующих;
- разъяснительно-профилактическая работа с различными категориями молодежи;
- сотрудничество со средствами массовой информации по вопросам разоблачения политических провокаций, в том числе в превентивном порядке, и др.

В профилактике латентного экстремизма используются разнообразные формы воздействия на этническую диаспору с учетом уровня такого воздействия — на общности, группы, индивида.

Для обеспечения адресности и предметности такой работы в массовой социальной общности, каковой является этническая диаспора, необходимо проведение социологических исследований для выявления в ней настроений, господствующих взглядов и представлений, поведенческих установок, а также их мониторинг с учетом соответствующей оперативной информации в интересах определения тенденций в изменениях экстремистского потенциала.

На основе их данных может быть сформирован широкий комплекс мероприятий, осуществляемых субъектами противодействия экстремизму, с участием полиции, который включает проведение индивидуальных и групповых профилактических бесед на предприятиях и по месту жительства, распространение правовой информации по вопросам противодействия экстремизму, раскрытию его сущности, проявлений и негативных последствий, а также ответственности в соответствии с действующим российским законодательством.

Продолжающийся экономический кризис, затрагивающий многие слои общества, и сохранение вероятности экстремистских выступлений вызывают

необходимость совершенствовать работу полиции по профилактике латентного экстремизма, в том числе в местах компактного проживания этнических диаспор. Как представляется, в этих условиях актуализируется задача подготовки для органов внутренних дел специалистов, прежде всего оперативных сотрудников, дознавателей и участковых инспекторов, обладающих соответствующими компетенциями в диагностике и противодействии, в том числе латентному экстремизму, урегулировании межнациональных конфликтов.

Этому во многом способствовало бы усиление социологической, социально-психологической и конфликтологической составляющих в профессиональной подготовке и переподготовке сотрудников полиции. В вузах системы образования МВД России могут быть подготовлены и реализованы учебные программы по проблемам борьбы с экстремизмом и терроризмом с разработкой комплекса учебных курсов, включающего такие как «Социально-политические факторы противодействия экстремизму и терроризму в современных условиях», «Правовые основы борьбы с экстремизмом и терроризмом в Российской Федерации», «Деятельность органов внутренних дел по противодействию экстремизму в регионах Российской Федерации» и др.

Все более настоятельной становится необходимость расширения практики формирования кадрового состава органов внутренних дел с привлечением представителей всех этносов, компактно проживающих на данной территории, для работы с соответствующими этническими группами. В отношении этнических диаспор это может быть реализовано путем приема на службу в полицию натурализованных граждан – выходцев из данной национальной диаспоры.

Таким образом, профилактика латентного экстремизма в местах компактного проживания этнических диаспор может осуществляться в деятельности полиции тем более успешно, чем полнее учитываются социальные факторы, обуславливающие генезис, сущность, содержание и формы данного общественного явления.

Youth and its stratification indicators in a modern Russian society

Молодежь и ее стратификационные показатели в современном российском обществе

Nikolay Nikolaevich Gusev,
candidate of philosophical Sciences, associate
professor, associate Professor in the Department
of sociology and political science of the Moscow
University of the MIA of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: nikolay.n.gusev@mail.ru

Николай Николаевич Гусев,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя

Margarita Viktorovna Ogneva,
candidate of juridical Science,
senior staff scientist of the Moscow University
of the MIA of Russia named after V.J. Kikot
E-mail: ogneva.margarita@gmail.com

Маргарита Викторовна Огнева,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.06

Annotation. In article the youth as a sociodemographic generality is considered. The characteristic to the most significant signs shown in all spheres of youth life activity is given. The stratification analysis of the youth environment on a complex of the bases of stratification is carried out.

Keywords: youth, sociodemographic generality, social stratum, stratification, social mobility

Аннотация. В статье молодежь рассматривается как социально-демографическая общность. Дается характеристика наиболее существенным образующим общность признакам, проявляемым во всех сферах жизнедеятельности молодежи. Проводится стратификационный анализ молодежной среды по комплексу оснований стратификации.

Ключевые слова: молодежь, социально-демографическая общность, социальный слой, стратификация, социальная мобильность

Возрастающая интенсивность социальных процессов в современном российском обществе, распространение кризисных явлений на все подсистемы социума с особой остротой поставили вопросы преемственности поколений, судьбы социальных новаций и обусловили общественную потребность в исследовании молодежи.

В изучении молодежи накоплен значительный опыт. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на достаточно часто встречающееся отсутствие методологической четкости в определении возрастных границ молодежи, в выделении внутривоколенческих возрастных границ, а также в некой размытости содержания понятия «социальная группа»¹, применяемого к моло-

дежи в целом. При этом оказывается, что на всю совокупность молодых людей распространяются в том числе такие групповые показатели, как совместная деятельность, общность целей, единая система норм, ценностей, образцов поведения, что не соответствует эмпирическим данным. Скорее всего, эти характерные черты свойственны некоторым объединениям молодежи внутри социальной общности. Как представляется, распространение их на всю молодежь недопустимо. Кроме того, в отношении молодежи «не срабатывает» и такой важный групповой признак, как наличие внутригрупповой солидарности на основе социального чувства единства, выражающегося в его осознании «мы – молодежь!». В связи с этим целесообразно рассматривать молодежь в качестве социальной общности, которая объединяет молодых людей на основе более или менее одинаковых условий и образа жизни, общих черт массового сознания. Естественно, «чисто» социальный анализ молодежи без учета возрастных характеристик и сопутствующих им особенностей социального поведения молодых людей будет иметь ограниченный характер. Поэтому адекватным реальности будет употребление по отношению к молодежи в целом понятия «социально-демографическая общность» с указанием на массовый характер данного социального явления.

Оптимальные соотношения социального и демографического подходов предложено С. Фрисом (S. Frith), который рассматривал молодежь как некое социальное образование, которому присущ переход от детства к взрослости и от безответственности к ответственности. Это позволяет трактовать взрослость и в социальном ключе, понимая ее как социальную зрелость, нараста-

ющую в процессе социализации молодых индивидов и завершающуюся приобретением ими самостоятельности и качеств социально зрелого члена социума.

Наличие в обществе явлений экономической, социальной, культурной деприваций в первую очередь сказывается на молодежи как объективно в силу возраста наиболее социально незащищенном слое, изначально находящемся в физической, материальной, культурной и психологической зависимости от родителей, воспитателей и учителей, сверстников и старших.

Выделение этой важной особенности молодежи как социально-демографической общности позволяет характеризовать ее с точки зрения, по крайней мере, трех подходов социального анализа:

- *ресурсного*, выявляющего у молодежи отсутствие собственных материальных ресурсов, собственных социальных гарантий;
- *институционально-функционального*, указывающего на обладание молодежью социальными качествами не в полной мере – недостижение социальной зрелости, недосоциализированность, не всегда адекватное восприятие общественных ролей, стандартизированных образцов поведения и связанных со всем этим протестные настроения и поведение;
- *стратификационного*, позволяющего определить место молодежи в системе социальной стратификации общества, а также выявить ее неоднородность. С его позиций можно рассматривать данные и выводы ресурсного и институционально-функционального подходов. В частности, использовать их для раскрытия черт маргинальности, присущих как молодежи в целом, так и отдельным ее слоям и проявляемых во многих областях жизнедеятельности: уже не дети, но еще не взрослые, уже половозрелые, но не способные обеспечивать семью, уже имеющие образование, но не обладающие практическим опытом и т.п.

На базе обозначенных выше подходов к изучению молодого поколения как специфической социально-демографической общности выделяются ее образующие общность признаки, проявляемые во всех сферах ее жизнедеятельности. Среди них в качестве наиболее существенных можно назвать следующие.

Экономические признаки. Прежде всего это остро выраженная экономическая зависимость. Она связана с отстраненностью от отношений собственности и права принимать в отношении нее самостоятельные решения или со значительными ограничениями в этой области.

Социальные признаки. Они во многом определяют отношения зависимости, которые в социальных науках принято рассматривать в единстве с отношениями господства.

Для молодых людей, только вступающих на путь самостоятельной жизни, это означает господство чуждых экономических сил, которые они застали в данный период своей жизни, на которые не могут повлиять и которым требуется подчиняться. Эти силы персонифи-

цируются в социальных субъектах – родители, начальство, социальная группа.

Социальные признаки определяются также включенностью молодых людей в качестве социального слоя в разнообразные социальные группы — классовые, этнические, профессиональные. В них молодежь проходит групповую социализацию, воспринимает характерные для группы черты, признаки, нормы, ценности, поведенческие стереотипы и воспроизводит их. Тем самым принимается социальный статус группы и ее роли.

Политические признаки молодежи связаны с самоопределением по отношению к государству и политике в целом. При отсутствии или недостаточности собственного опыта политическая социализация осуществляется в первичных формах. Происходит некритичное копирование чужого, действующего авторитетно отношения к политическим институтам и политической деятельности, а также манеры политического поведения. Здесь встречаются зачастую противоположные проявления – от полной пассивности и неприятия политики до идейно-политической ангажированности и авантюризма.

Духовно-нравственные признаки. Эти признаки в значительной степени также обусловлены незавершенностью процесса социализации, усвоения системы культурно-эстетических и нравственных ценностей. В силу небольшого жизненного стажа молодых людей они не могли овладеть ими в полной мере. Многие из этих ценностей существуют для них в виде знаний, принимаются в различной, в зависимости от индивидуальности, степени. При этом сами знания имеют по большей части фрагментарный характер, им еще предстоит сложиться в целостную систему, составляющую интеллектуально-нравственную основу личности.

На их основе формируется так называемая культура внутреннего плана — базовые личностные представления о прекрасном и уродливом, добре и зле, а также основанные на них отношения к окружающему миру, старшим и младшим, сильным и слабым, представителям различного пола, социально зависимым и господствующим. Ее вершину закономерно венчает личная ответственность индивида, характеризующая его социальную зрелость.

Для значительной части молодежи характерным является наличие *клипового сознания*² с присущей ему эклектичностью не до конца сформированной системы ценностей и норм, отсутствием адекватных представлений о многомерной социальной действительности, что не может не порождать явные противоречия во внутреннем мире молодого человека.

Эти противоречия во многом порождаются и воспроизводятся на основе собственного негативного опыта отражения в сознании молодых людей объективных противоречий современного общества. Кроме того, существенную роль здесь играет явный разрыв между нормами и установками, осваиваемыми в детстве, и реальной практикой начинающейся взрослой жизни в условиях аморальных отношений отечествен-

ного нецивилизованного рынка, роста преступности, коррупции во властных структурах, отсутствия культуры досуга, пропаганды насилия в средствах массовой информации, вопиющего социального неравенства.

Социально-психологические признаки молодежи обусловлены ее предписанными и приобретаемыми статусами, а также соответствующими им ролями. Эти признаки являются носителями противоречий, присущих транзитивным социальным образованиям. Среди них можно выделить следующие:

- некритичное восприятие стереотипов мышления и поведения;
- критическое, вплоть до нигилизма, отношение к опыту предшествующих поколений;
- конфликтность, проявляемая на базе разрушения социальной реальностью идеалов, привитых в детстве;
- трудности социальной адаптации при включении в новые социальные группы, особенно в социально-профессиональные;
- конформизм, детерминированный недостатком жизненного опыта и соответствующим стремлением «быть как все»;
- склонность к девиантному поведению в связи с недоосвоением социальных норм и протестными настроениями в отношении неблагоприятной социальной среды, и т.д.

На фоне действия этих признаков развивается когнитивный диссонанс, превращающий молодежь в возможный фактор социальной дестабилизации.

Психологические характеристики молодежной среды. Они выступают своего рода результирующими для всех приведенных выше, дающими на уровне индивида типичные черты всей молодежной социальной общности.

Среди них выделяются следующие основные психологические характеристики:

- субъективная ориентация на успешную жизненную карьеру;
- осознание недостатка ресурсов для правильного практического выстраивания жизненной стратегии;
- наличие личностных установок на будущее и мотивации успешной деятельности;
- неустойчивость мотивации на успех при столкновении с трудностями;
- завышенная самооценка и связанные с ней претензии к окружающим;
- трудности в волевых проявлениях – самоорганизации, самоограничении, самоконтроле и т.п.;
- повышенная внушаемость, ориентация на яркие образцы, склонность к подражательству;
- проявления инфантильности – излишняя доверчивость, наивность, боязнь ответственности;
- рецидивы детской психологии (в сферах мотиваций и реакций);
- «клиповое» сознание (в отличие от детского «мультишно-диснеевского» сознания и в развитие его, когда внутренний мир оказывается как

бы соткан из разнородных представлений, не четко определенных, изменчивых ориентиров) и др.

Деятельностные признаки. К ним относятся незначительный опыт самостоятельной индивидуальной деятельности и работы в коллективе, «команде» или полное отсутствие такового, а также связанных с этим недостатков, проявляющихся во всех элементах деятельностного комплекса: постановка цели, оценка обстановки, принятие решения, знания, умения, навыки, мотивации, установки, выбор средств и методов деятельности и т.д.

Следует отметить, что названные признаки молодежи, как и вся ее жизнь, имеют возрастной физиологический аспект. Он проявляется в наличии у данной возрастной группы высокого гормонального фона, что сказывается на ее социальном поведении.

Приведенный выше комплекс отличительных черт молодежи как социально-демографической общности, конечно, содержит характеристики достаточно общего плана. Речь здесь идет, скорее всего, об определенных типических чертах. Поэтому в молодежной среде всегда будут встречаться исключения как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Кроме того, предложенная «модель» весьма упрощенно характеризует молодежь, и большинство признаков представлено в некоем негативном ключе, в виде набора недостатков, которые могут быть присущи молодым людям на длительном пути взросления и формирования личности. Она лишь предполагает выявление тенденций нарастания позитивных социально и личностно значимых качеств по мере биологического взросления и в процессе социализации.

Молодежь не существует в обществе изолированно, а является включенной в систему социальной стратификации и сама подвержена стратификационным процессам.

В соответствии с разнообразными основаниями выделяются основные виды стратификации молодежи:

- по признаку биологического пола (тендеру) – юноши и девушки (мужчины и женщины);
- по социальной половой принадлежности (гендерному признаку);
- по общим социальным стратификационным основаниям (богатство, власть, престиж, образование);
- по занятости;
- по профессиональной принадлежности;
- по социальному происхождению и т.д.

Каждый из видов стратификации обуславливает особенности социализации молодых людей, позволяет выделять значимые для работы с молодежью групповые черты.

В стратификационной модели молодежи выделяются три слоя:

- (1) верхний слой молодежи образуют молодые люди с высоким уровнем дохода и доступностью большого объема социальных ресурсов;
- (2) средний слой составляют студенты образовательных организаций, школьники старшего возраста

и работающие молодые люди из семей со средним достатком, что отражается на их потребительских моделях поведения;

(3) к низшему социальному слою относится молодежь из социально ущемленных слоев. Ввиду ограниченных социальных возможностей и материальных ресурсов представители низшего социального слоя особенно уязвимы.

Как представляется, интересные результаты дает стратификационный анализ молодежной среды по комплексу оснований стратификации, фиксирующий на данный момент статусно-ролевые особенности отдельных слоев молодого поколения в связи с возможностями их жизненной карьеры. Он позволяет вычленил такие слои в современной российской молодежи, как:

- «золотая молодежь» — слой с высоким предписанным статусом, который может позволить себе жить по принципу «все решено, все включено и все дозволено»;
- «элита» — страта, включающая в себя наиболее успешных молодых людей, имеющих высокие результаты в разнообразных сферах деятельности;
- «знающие себе цену специалисты» — люди, обладающие необходимыми качествами для выстраивания успешной карьеры, и не имеющие, как правило, достаточных условий и возможностей воспользоваться престижными лифтами социальной восходящей мобильности;
- «средняки при деле» — наиболее мощный слой молодежи, представленный, людьми с условно достаточной подготовкой для исполнительских видов деятельности;
- «лузеры» — часть молодежи, лишенная условий и возможностей воспользоваться лифтами социальной восходящей мобильности.

Эти, а также иные социальные слои и группы, существующие в системе молодежной стратификации, могут исследоваться методами прикладной социологии. Изучение их существенных черт, жизненных ориентаций и предпочтений, принимаемых и отвергаемых карьерных стратегий, норм, ценностей, образцов поведения позволяет в каждом конкретном случае на предметной основе создавать социологический портрет каждой молодежной общности.

При анализе социальной стратификации молодежи в современном российском обществе важное значение приобретает исследование данной проблемы на региональном уровне, поскольку существенные отличия в формах организации социального пространства наблюдаются не только между различными регионами, но и в рамках одного региона.

Следует отметить важную особенность молодежи как социальной общности в целом, так и общностей, сложившихся внутри нее, заключающуюся в том, что молодые люди редко склонны к групповой солидарности на основе общих или сходных возрастных показателей. Эта солидарность как основа социального взаимодействия проявляется в рамках данной социальной общности, в том числе в группе, включающей людей иных возрастов. Следовательно, молодежь сознательно или подсознательно стремится к получению важных социальных статусов в более сложной и дифференцированной социальной среде, чем молодежная.

Таким образом, процесс расслоения молодежи в современном российском обществе характеризуется «мозаичностью» социально-слоевого состава молодежи. Социальная дифференциация молодежной среды во многом обуславливает возможности молодых индивидов по практическому выстраиванию жизненной карьеры и использованию вертикальной социальной мобильности. При отсутствии барьеров для социальных достижений можно ожидать высокую социальную мобильность. Вместе с тем существующие между слоями и классами барьеры препятствуют свободному перемещению молодых людей из одной группы в другую в рамках восходящей мобильности.

В современной России на фоне мирового системного экономического кризиса проявляется зависимость социальной мобильности от наличных экономических ресурсов, состояния бизнеса, конъюнктуры рынков, мер, предпринимаемых государством. В этих условиях молодые люди вынуждены выстраивать жизненные планы в ситуации социальной, политической, идеологической неопределенности, а их включение в систему социальной стратификации российского общества детерминируется в значительной степени зависящим от складывающейся ситуации набором факторов.

¹См., например: Добрынин В., Емчура Т. Молодежь как социально-демографическая группа в транзитивном обществе. М.: ИЧРАН, 2004; Ланцова Л.А. Молодежь как социально-демографическая группа (на примере России) // В обществе мысли. СПб., 2008. Вып. 2. С. 141—155; Сергеев П.В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестн. Адыг. гос. ун-та. 2010. № 1. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2010.2/948/sergeev2010_2.pdf (01.03.2013).

²См. подробнее: Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Материалы Всерос. юбил. научн. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. С.Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире». Т. 5: Личность и группа в условиях социальных изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 110—112.

УДК 1

The beginning of the First World War in the perception of russian religious philosophers:

E.N. Trubetskoy, N.O. Berdyaev, N.O. Lossky,
F.A. Stepun.

Начало Первой мировой войны в восприятии
русских религиозных философов Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева,
Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна

Aleksey Igorevich Dzema,
candidate of philosophical Sciences,
associate Professor in the Department
of Humanities, socio-economic and information
legal disciplines, Novorossiysk branch
of Krasnodar University of the Ministry of internal
Affairs of the Russian Federation
E-mail: alexei.dzema@yandex.ru

Алексей Игоревич Дзема,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных, социально-
экономических и информационно-правовых
дисциплин Новороссийского филиала
Краснодарского университета Министерства
внутренних дел РФ

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.07

Annotation. The article discusses the views of Russian religious thinkers, contemporaries of the First World War, on its significance in world history and the mission of Russia as a member of a clash between the European powers. It is pointed out that the perception of the war was ambiguous. Many philosophers of the Silver age believed this war for Russia was spiritually justified and saw a providential sense in it. There were those who responded to the war without enthusiasm or even negatively. The author comes to the conclusion that the question of sense of the sacrifice made by Russia in this war put by the Russian religious philosophers of that period still remains an issue.

Keywords: Russian religious philosophy, the First World War, historical mission, European civilization

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды русских религиозных мыслителей, современников Первой мировой войны, на ее значение в мировой истории и на задачи России как участника столкновения европейских держав. Отмечается, что восприятие войны было неоднозначным. Многие философы Серебряного в. считали эту войну для России духовно оправданной и видели в ней провиденциальный смысл. Были и те, кто отнеслись к войне без энтузиазма и даже негативно. Автор приходит к выводу, что вопрос о смысле жертв, принесенных Россией в этой войне, поставленный русской религиозной мыслью того периода, остается по-прежнему актуальным.

Ключевые слова: русская религиозная философия, Первая мировая война, историческая задача, европейская цивилизация

«Вотще очищаются кровью кровью оскверненные, как если бы кто, в грязь войдя, грязью отмывает»

его бы сочли сумасшедшим, если бы кто из людей заметил, что он так делает. И изваянием этим вот они молятся, как если бы кто беседовал с домами, ни о богах не имея понятия, ни о героях» — изрекал мудрый Гераклит, порицая языческие кровавые жертвоприношения [10, с. 240]. Таким же кровавым языческим действием представлялась Первая мировая война большинству русских религиозных философов.

В их сознании она связывалась с упадком христианских ценностей в Европе и, как следствие, распространением вражды между «языками». Неоязычество породило новые мифы и новых кумиров, требовавших подношений человеческими жизнями. Речь шла, прежде всего, о германском империализме. России предрекалась роль особого жертвователя, а именно жертвоприношительницы в христианском, а не языческом понимании.

Своим жертвенным участием и, несомненно, победой Россия должна была «восстановить христианские корни европейской цивилизации» — так охарактеризовал позицию русских религиозных философов американский историк Кристофер Струп (цит. по: [7]).

В ряду патриотически настроенных мыслителей в России, изначально поддерживавших войну «до победного конца», оказались значительные философы: князь Евгений Николаевич Трубецкой, Владимир Францевич Эрн, Сергей Николаевич Булгаков, Николай Александрович Бердяев, Иван Александрович Ильин и многие другие. Они сходились в том, что эта война для России «духовно оправдана» [5, с. 28], в ней народ обретает свое подлинное единство, эта война освободительная и, как заявит Ильин, будет оставаться «духовно оборонительной», даже если наши войска займут Германию

и «мир присоединит к России польские и славянские земли» [5, с. 30].

В своей работе «Война и мировая задача России» Е.Н. Трубецкой уверенно полагает, что «победа будет наша», и беспокоится лишь о том, чтобы эта победа была не просто победой силы, а победой духовной [9, с. 15—16]. Он говорит об освободительной задаче, которую «навязала нам история», т.е. о защите малых народов и стран от угнетения сильных европейских держав. Эта цель наднациональная и надконфессиональная, следовательно, и задача – универсальная. Выполняя ее, Россия обретает собственный «образ Божий» [9, с. 6]. Таким образом, внешняя политика России имеет религиозную сущность. Мы, несомненно, победим, но наша победа не должна вести к очередному угнетению. Милитаризм Германии обусловлен ее отходом от христианских устоев, секуляризацией, приведшей на деле к неоязычеству. Россия способна сдержать, если не обратить вспять распад европейской культуры. «Не разделение языков, а Пятидесятница должна выражать собой конечную цель наших стремлений» [9, с. 22].

Сравнивая Первую мировую с Русско-японской войной, Трубецкой отмечает, что в 1904—1905 гг. не было воли победить, отсутствовала идея, сам смысл подвига. В войну с Германией Россия, согласно князю, вступила уже без сомнений в ее высокой цели, с ощущением национального единства, которое будет только крепнуть. Сегодня мы знаем, что все это оказалось утраченным к концу участия России в Первой мировой. Большинство перестало понимать, зачем и против кого нужно воевать, возникла «жажда» мира во что бы то ни стало, вместо единства общество расколосось, перестала существовать империя. Романтика подвига, без которой Трубецкой не мыслил победы, разбилась о реалии окопной войны. Война, духовный смысл которой он воспевал, принесла России не «образ Божий», а две революции и Гражданскую войну, которая и унесла жизнь Е.Н. Трубецкого.

Николай Бердяев, которому было суждено пережить две мировые войны, должен был признаться: «С горьким чувством перечитывал я страницы сборника статей, написанных за время войны до революции. Великой России уже нет, и нет стоявших перед ней мировых задач, которые я старался по-своему осмыслить. Война внутренне разложилась и потеряла свой смысл». По мнению Бердяева, дело не в том, что он заблуждался. Вина за происшедшее лежит на тех, кто эту войну вел. «Не вера, не идея изменилась, но мир и люди изменили этой вере и этой идее. И от этого меняются суждения о мировых соотношениях» [3].

За какие же идеи было впоследствии «горько» Бердяеву? Резюмируем позицию Бердяева на начальный период войны в нескольких тезисах.

1. Война имеет провиденциальный характер и нуждается в религиозно-символическом истолковании.
2. Война – рефлексия на зло. Она есть имманентная кара и имманентное искупление.
3. Суть Первой мировой войны в борьбе славянско-го и германского духа.

4. Задача русских из-за особенностей их менталитета (характера) — содействовать утверждению всечеловеческого единства и преодолению европоцентризма. Отсюда у Бердяева сравнительный анализ менталитетов воюющих сторон [2].

5. Первая мировая война должна вестись до победы русского оружия.

Реальный ход войны внес коррективы во взгляды философа, и его мысли приобрели новый тон и несколько иную направленность.

«Война, — напишет он в 1939 г., — не имеет смысла... Единственная цель войны есть победа над врагом... Можно ставить вопрос о причинах войны и о задачах, которые она ставит перед людьми и народами» [1, с. 14]. Ответственность за судьбу России в военный период, за решение ею исторической задачи Бердяев возлагает на государство и церковь, которые не смогли наладить диалог с народом, следствием чего оказались поражение и революция. Просчеты государства привели к ослаблению военно-патриотического пыла, а пассивность церкви – к упадку религиозной энергии.

Бердяев обращает внимание на новый облик войны [4]. Конфликт, в который втянулась Россия, требовал от нее небывалого напряжения. Это была война, составляющими которой стали ОМП, техника, тотальность, обезличенность, стирание граней между тылом и фронтом, связь промышленного капитализма и секуляризованного милитаризма, утратившего евангельские ценности. Война, делает вывод Бердяев, своими ужасами обнажила глубину противоречия между уровнем духовно-нравственного и технического развития общества.

Боевое настроение, охватившее общество в начале войны, психологически понятно. Ее ожидали как что-то фатальное и вместе с тем надеялись на скорую победу в течение нескольких месяцев. Между тем не все представители русской религиозной мысли разделяли представления о провиденциальной миссии России. Для определенной группы интеллигенции война казалась важным политически, но все же не первостепенным духовным явлением. «Россия так громадна, что даже и в этот тяжелый период войны многие общественные деятельности продолжались почти нормально» [6, с. 184], — скажет в «Воспоминаниях» Николай Онуфриевич Лосский о 1915—1916 гг. Начало войны застигло его на юге Швеции, где он находился с семьей на отдыхе. Тяготы возвращения им подробно описаны. Затем, оказавшись дома, Лосский легко включается в привычный, можно сказать, «мирный» распорядок научной жизни, на который война не накладывает практически никакого отпечатка вплоть до революционной ситуации 1917 г. Хотя справедливости ради отметим, что партия кадетов, в которую Лосский вступил еще в 1905 г., в целом поддерживала политику правительства в Первой мировой войне.

По свидетельству Лосского, было много признаков того, что война между Германией и Россией неизбежна и к началу войны общественное сознание было подготовленным. Накануне войны были ярко выра-

жены антигерманские настроения. В этом отношении интересны два случая, рассказанные Н.О. Лосским в его воспоминаниях. Осенью 1913 г., в празднование трехсотлетия династии Романовых, немцы обвесили германского орла на фасаде своего посольства яркими электрическими лампочками, причем красными были выделены его клюв и когти как «символические изображения того, как Германия будет терзать Россию», что, по словам Лосского, «глубоко возмутило нас своей дерзостью» [6, с. 178].

Вот другой случай: два немца вне очереди протикиваются к трамваю, и Николай Онуфриевич, видя, что они очень торопятся, уступает им место перед собой. И тут один немец бросает другому: «Только бы не бороться». Лосский резюмирует: «Миролюбие и мягкость русского народа вызывали в них не симпатию, а презрение» [6, с. 178].

Таким образом, на конфликт политических интересов двух крупных континентальных монархий Европы того времени (прежде всего, речь идет о сербском вопросе) накладывалось противостояние национальных характеров. Это вполне закономерно, ведь характер народов, по мнению Лосского и других русских религиозных философов, прямо связан с их историческими судьбами. (Эту идею разовьет Бердяев в своей военной публицистике.)

В начале военных действий русскому оружию действительно сопутствовал успех. «Воинские части были охвачены патриотическим энтузиазмом... Но вскоре оказалось, — продолжает Лосский, — что по вине Сухомлинова русская армия не была обеспечена снарядами и другими военными припасами» [6, с. 184]. В результате последовали поражения и отступления.

На наш взгляд, вина Сухомлинова здесь отнюдь не определяющая. Россия оказалась не готова к затяжной войне в силу многих объективных причин, в том числе из-за недостаточного развития промышленности. Лосский, впрочем, говорит о своих личных, субъективных воспоминаниях и не делает попыток глубокого анализа Первой мировой.

Другой выдающийся русский религиозный философ — Федор Августович Степун, непосредственно участвовавший в боевых действиях, в апреле 1915 г. делится с читателем своего письма следующим впечатлением о войне: «Пребывая в постоянном созерцании ее, я не могу не видеть, что о свободном приятии нашими солдатами в свою жизнь наджизненной идеи войны и жертвы могут говорить только самые неисправимые фанатики, или самые отъявленные лицемеры и мерзавцы» [8, с. 97].

А ведь 1914—1915 гг. — самый разгар деятельности отечественных идеологов войны. Именно тогда издаются «Смысл войны» и «Войну и мировую задачу России» Е. Трубецкого, «Духовный смысл войны» И. Ильина (его Степун иронично назовет «препаратором смысла войны» [8, с. 243]), «Душу России» Н. Бердяева. Печатаются работы Эрна, Розанова, Франка.

Из своего опыта прапорщик-артиллерист Степун сделал заключение об абсолютной бессмысленности

этой войны, чьей единственно адекватной формой постижения является безумие [8, с. 264].

Подведем итоги. Русская религиозно-философская мысль не была однородной в своей реакции на войну. Те, кто увидел в ней предначертанную свыше миссию России, предложили свой подход к ее осмыслению, который опирался:

- а) на религиозные схемы;
- б) на идею взаимосвязи национального характера и судьбы народа в общемировом значении;
- в) на нравственный принцип, согласно которому Россия должна поступиться своими узконациональными интересами во имя универсальных, христианских задач, что позволит ей, победив, стать «центром союза народов в целях общей их безопасности» [9, с. 17].

Увлеченные воспеванием духовного предназначения России в мировой истории, философы утратили трезвое и взвешенное восприятие действительности. Их взгляды были детерминированы религиозными построениями и потому тенденциозными, их прогнозы не сбылись. Христианской миссии, предвосхищенной ими, Россия не выполнила, хотя жертвенности было предостаточно.

Однако важно не переусердствовать в отрицательных оценках. Со стороны Трубецкого, Бердяева, Ильина и других звучали ценные предостережения и замечания, чья правда нашла подтверждение в истории XX в. Это они предрекали, что победа, результатом которой будет угнетение побежденной Германии, неминуемо приведет к новой войне в Европе. Они же настаивали на том, что прочный мир в Европе невозможен без участия России.

Русские религиозные философы были, конечно, не единственными, кто предложил теоретическое (философско-историческое) толкование Первой мировой войны. В столкновении европейских держав подтверждение собственного учения об агрессивной сущности капитализма видели марксисты. Для них эта война была кровопролитием, развязанным капиталистическими индустриальными странами, посылающими сражаться и убивать друг друга представителей эксплуатируемых классов. Русские марксисты понимали, что миллионные жертвы русских отдаются не во имя возвращения Европе христианского мира, а используются союзниками в своих буржуазных целях.

Свой подход к анализу и прогнозированию политических конфликтов предлагает зарождающаяся на заре XX в. геополитика — наука о принципах динамической взаимосвязи потенциала государства и его пространственных границ. Труды ее основоположников, немцев и англичан, — Фридриха Ратцеля, Хэлфорда Маккиндера, Альфреда Мэхена — были известны еще до начала Первой мировой. Но геополитические интересы, надо думать, казались нашим религиозным философам слишком мелкой категорией. Так, Е. Н. Трубецкой подчеркивал отсутствие со стороны России заинтересованности в увеличении территории, поскольку мы итак обладаем безграничными владениями [9, с. 8], стало быть, наши задачи — целиком нравственные.

Несмотря на множество теоретических расхождений, прагматические по характеру школы марксизма и геополитики оказались ближе к пониманию сути войны и точнее выразили «дух времени», чем религиозные идеалисты. Но, пожалуй, самым трудным и волнующим вопросом о 1914—1918 гг. для отечественной общественной мысли остается вопрос о смысле жертвы, принесенной Россией; вопрос, который был сформулирован русскими религиозными философами в самом начале войны и приобретший поистине трагическую сложность и глубину в свете ее последствий.

List of references

1. *Berdyayev N.A.* War and eschatology. Path. No. 61 (October 1939-March 1940).
2. *Berdyayev N.A.* The Soul of Russia. Moscow: The Partnership Sytin Printing House, 1915. Series «War and culture».
3. *Berdyayev N.A.* The Fate of Russia. http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_0.html
4. *Berdyayev N.A.* Futurism in war (Journalism during the First world war). М.: Канон +, 2004.
5. *Ilyin I.A.* the Spiritual meaning of the war. Collected works: In 10 vol 9-10. Moscow: Russian book, 1999.
6. *Lossky N.O.* Memoirs - life and a philosophical path, Munich, 1968.
7. *Smirnova O.* 100 years ago Russia has joined to «the forgotten war» [The Russian BBC service], 09.01.2014. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/08/140714_war_begins_russia_ww1

8. *Stepun F.A.* From letters of the ensign-gunner, Prague, 1926.

9. *Trubeckoj E.N.* The War and world mission of Russia, М., 1915.

10. *Fragments of early Greek philosophers.* Part 1, М., 1989.

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Война и эсхатология // Путь. № 61 (октябрь 1939 — март 1940).
2. *Бердяев Н.А.* Душа России. М.: Тип. т-ва Сытина, 1915. (Сер. «Война и культура»).
3. *Бердяев Н.А.* Судьба России // http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_0.html
4. *Бердяев Н.А.* Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон +, 2004.
5. *Ильин И.А.* Духовный смысл войны // Собр. соч.: В 10 т. Т. 9—10. М.: Русская книга, 1999.
6. *Лосский Н.О.* Воспоминания — жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968.
7. *Смирнова О.* 100 лет назад Россия вступила в «забытую войну» // Русская служба Би-би-си. 1 августа 2014. http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/08/140714_war_begins_russia_ww1
8. *Степун Ф.А.* Из писем прапорщика-артиллери-ста. Прага: Пламя, 1926.
9. *Трубецкой Е.Н.* Война и мировая задача России М.: Тип. т-ва Сытина, 1915. (Сер. «Война и культура»).
10. *Фрагменты ранних греческих философов.* Ч. 1. М.: Наука, 1989.

The unity and struggle of opposites – the government and the intellectuals

Единство и борьба противоположностей – власть и интеллигенция

Dmitri Anatolievich Zhyravlev,
candidate of political sciences,
CEO of Institute of Regional Problems
E-mail: dmitri1963@mail.ru

Дмитрий Анатольевич Журавлев,
кандидат политических наук,
генеральный директор
Института региональных проблем

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.08

Annotation. The article describes a vicious cycle of conflict between the authorities and intellectuals. The analysis on the causes of conflict, the findings of historical retrospective. Recommendations on the amelioration of conflict in the present historical phase.

Keywords: history, crisis, government, intellectuals, reforms, sacralization

Аннотация. В статье описывается замкнутый цикл конфликта между властями и интеллигенцией. Сделан анализ о причинах конфликта, сделаны выводы из исторической ретроспективы. Даны рекомендации по нивелированию конфликта на современном историческом этапе.

Ключевые слова: история, кризис, власть, интеллигенция, реформы, сакрализация

Российскую историю, начиная с XIX в. можно представить как период взаимного недоверия, непонимания и в конечном счете конфликта между государством и обществом. То, что этот конфликт был одинаково остр и при правителях-консерваторах, и при реформаторах, показывает, что основная проблема кроется не в тактических ошибках власти или, как может показаться, в нежелании власти идти навстречу обществу. Причина этого конфликта глубже. Так, наиболее остро он проявился при Александре II, который сделал попытку реформирования с опорой на общественное мнение, говоря современным языком. Действительно, на первом этапе реформы вызвали положительный общественный отклик.

Исторически сложилось так, что Россия – это страна, где государство является стержневым образованием общества: вокруг власти общество формируется и властью организуется. Даже частная жизнь в некоторой степени зависит от государства. Поэтому государство часто воспринимается российским обществом не рационально, а как некое сакральное явление. Подобное отношение распространяется и на людей, этому государству служащих: человек, принадлежащий государственной власти, есть высший человек, обладающий особыми правами и особыми обязанностями. Такое представление общества о власти в течение веков слу-

жило укреплению этой власти, но оно же стало и причиной того конфликта, о котором мы говорили выше.

Сакрализация власти стала работать против нее, когда в обществе появился широкий слой образованных людей, не принадлежащих к государственному аппарату. Начиная с Петра I российская власть активно насаждала в стране просвещение. Без образованных людей нельзя было создать ни современную армию, ни современную промышленность и т.д. Но образовательная система, особенно ее университетский сегмент, не была жестко привязана к государственному аппарату. В XVIII в. эта связь осуществлялась через требование обязательной службы для всех дворян (в это время именно дворяне в основном обучались в высших учебных заведениях). После Указа о вольности дворянской связь между образованием и службой была разорвана. Появилась целая прослойка образованных, но не служащих людей. И чем дальше, тем большее число выпускников высших учебных заведений стали этой возможностью пользоваться.

Одни не находили себе соответствующего образованию места, другие просто не собирались посвящать свою жизнь государственной службе. Частный сектор поглотил значительное число образованных людей, в первую очередь специалистов — металлургов, путейцев, статистиков. Кроме того, во второй половине XIX в. появилась еще две группы лиц, принципиально не собирающихся связывать свою жизнь с государственной службой. Это были дети купцов и промышленников, которые по окончании учебы продолжали дело своих отцов (ярчайшим представителем этой группы стал Савва Морозов), и та часть разночинцев, которая выбрала себе свободные профессии — от адвоката и журналиста до писателя и художника. В результате в указанный период истории в России сложился широкий слой материально состоявшихся образованных людей, никак не связанных с системой государственной власти.

Почему это стало причиной конфликта? К примеру, такое же положение было почти во всех развитых странах. Но конфликта, подобного российскому, там не возникло. Получившие образование люди продолжали сакрализировать образ государства. Ярчайшей

иллюстрацией этого является позиция «революционеров-демократов», которые критикуя власть, не рассматривали ее как обычный механизм, а как исчадие ада, т.е. не десакрализировали власть, а лишь меняли знак в ее сакральной оценке. И здесь, по нашему мнению, возникало противоречие.

Простой человек, воспринимая власть как божественный институт, принимал как аксиому, что власть обладает высшими атрибутами – она всемогуща, всеведуща и непогрешима, т.е. любые ее действия верны.

Образованный человек формулировал для себя эти атрибуты как требования к государству: государство должно быть всемогущим всеведущим и непогрешимым. Если оно не таково, то это плохо, неправильно устроено государство, а значит, его надобно перестроить. Любое государство этим требованиям соответствовать не может. В результате, обожествляя Российское государство вообще, образованное общество негативно относилось к конкретной форме этого государства. Тут мы находим еще одно противоречие. Наиболее ярко оно проявлялось в отношении общества к российскому чиновнику. Именно чиновник был олицетворением конкретных проявлений государства. Сосредоточение негативного отношения на чиновнике позволяло в некотором смысле оправдать государство, сняв с него ответственность и переложив на служащего.

Тезис был прост: Россия — великая держава, но чиновник в ней плох – он не профессионален и свекорыстен. Но такая форма превращала мировоззренческое противоречие русского образованного общества в личностный конфликт с властью. Несоответствие конкретного чиновника абсолютным требованиям было очевидно. Российский чиновник был не хуже и не лучше чиновника любой другой страны. Но всемогущим, всеведущим и непогрешимым он явно не был. И у общества возникал вопрос: по какому праву он – чиновник — монопольно владеет правом доступа и воздействия на государство – причастность к святому? Тем более что само государство еще при Александре I, введя экзамен на чин, определило в качестве главного критерия оценки чиновника уровень образования. А у многих граждан уровень образования был выше, чем у среднего чиновника.

Более того, это были люди состоявшиеся: нажившие состояние, управляющие большими коллективами, добившиеся определенных успехов в различных областях, и они находились в некотором диссонансе, в определении своего места во властной иерархии. Они исходили из того, что образование и заслуги делают их более достойными занимать приближенное к сакральному государству место. Поэтому свое ущемленное по отношению к чиновничеству место эти люди воспринимали не просто как социальную проблему, а как личное оскорбление и готовы были бороться бескомпромиссно и даже во вред собственной выгоде (русская образованная буржуазия финансировала революционеров, которые устраивали забастовки на их фабриках и заводах). При этом поскольку это были люди состоявшиеся, то менять свою социальную роль

они не собирались. Они стремились получить доступ к государственной власти, оставаясь промышленниками, адвокатами, писателями. Поэтому разрешение конфликта они видели в создании системы представительной власти, через которую они могли бы реализовать свою позицию «соли земли русской». И в ходе этой бескомпромиссной борьбы удалось создать русский парламент – Государственную думу. Но тут появилась еще одна проблема – особой конструктивной роли новый орган не играл. Знаменитая фраза Столыпина «Им нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия»¹ была обращена не к думским радикалам, а к центристскому думскому большинству – кадетам. И это вполне закономерное развитие событий. Главное, что умеет делать интеллигенция, — это думать и говорить. Умея думать, интеллигенция вскрывала ошибки власти, а умея говорить, вела пропаганду этих ошибок. И поэтому главным методом борьбы с властью была даже не поддержка революционеров, а критика власти.

Получив парламентскую трибуну, интеллигенция превратила критику в метод взаимодействия власти представительной с властью исполнительной. В результате никаких практически применимых для управления страной проектов Дума так и не выработала. Интеллигенция видела причину этого в том, что у Думы слишком мало власти. Монархия не позволяет реализоваться ее благородным начинаниям. И она превратила Думу в средство борьбы с монархией. Возможности для критики власти возросли многократно. А при сакральном отношении к власти ее массивная критика с высокой государственной трибуны может привести не к улучшению деятельности органов власти, а к дискредитации власти как таковой.

В какой-то момент дискредитация дошла до того, что выказывать лояльное отношение к властям стало неприличным. Власть потеряла всякую опору в обществе. Первый же серьезный заговор неожиданно для самих заговорщиков перерос в революцию. Власть попала прямо в руки интеллигенции. И когда последняя сосредоточила в своих руках и представительную и исполнительную власть, стало очевидно, что интеллигенция не может эффективно осуществлять управление не потому, что ей мешала в этом монархия, а потому, что она к этому не способна. Любые реформы Временного правительства приводили к деградации и развалу объекта трансформации.

И по-другому быть не могло. Интеллигенция обладала стратегическим мышлением, могла определить сущность идущих в стране процессов; но при этом не обладала знанием управленческой процедуры, поскольку не видела необходимости уделять внимание конкретному управлению. Помимо прочего, имеющиеся у нее знания и навыки были разрознены и не структурны. То, что делает интеллигента интеллигентом, не позволяло ему быть эффективным чиновником.

Временное правительство последовательно развалило местное самоуправление, органы внутренних дел, финансовую систему и армию, и все это в условиях войны. В результате этого оно потеряло всякую власть.

В результате власть захватили большевики – небольшая, но четко организованная и точно знающая, чего она хочет, группа людей. То, что эта малочисленная, слабо связанная с Россией, эмигрантская, по сути, группа смогла захватить власть, доказывает, что никакой власти уже не было. Правда, парадокс состоит в том, что сами большевики в основном были интеллигентами², но это были интеллигенты-авантюристы. Они были столь же эффективными управленцами, как и их «временные» предшественники, но зато они были способны захватить власть и, пусть и с огромными затратами ресурсов и потерями, удержать ее.

В результате двух революций погибла не только монархия – дореволюционное государство, но и дореволюционная интеллигенция. В результате революции и Гражданской войны люди обнищали, а социальная структура общества деградировала. А интеллигенция является необходимым элементом лишь сложной социальной структуры и лишь в ней может существовать. Она исчезла – вымерла как биологический вид в меняющихся экологических условиях.

В раннем СССР интеллигенции как значимого независимого от власти слоя образованных людей не было. Спустя время снова появилась образованная прослойка, но в условиях жесткого государственного контроля и, что еще важнее, жесткого государственного распределения материальных благ. Независимые как массовое явление не появились. Единственным местом, где в раннем СССР сохранилась интеллигенция, — это сам государственный аппарат. Ленинская гвардия была представлена политическими писателями и пламенными ораторами – классическими интеллигентами, вознесенными революцией во власть. Очень немногие из них стали эффективными управленцами (Молотов, Микоян). Выстраивание эффективно работающей государственной машины с необходимостью требовало вытеснения ленинской гвардии из системы власти. Что и было сделано в ходе «великой чистки» конца 1930-х годов (хотя сводить «чистку» только к этому нельзя).

Число образованных людей в Советском Союзе росло всю его историю. Но вот интеллигенция, вернее, относительно независимый от власти социально значимый слой образованных людей возник лишь в период «оттепели» (единицы независимых, конечно, были всегда). И тут мы наблюдаем возрождение старого конфликта. Представители интеллигенции вновь ощутили недостаточное внимание власти к собственным заслугам и умениям. Решение проблемы они увидели в усилении своего влияния на власть, т.е. создании демократических механизмов. Недаром диссидентское движение возникло именно в 1960-е годы³. Попытка власти спастись, идя на поводу у интеллигенции, через вовлечение последней в управление страной и предоставление ей свободы критики привело к закономерной деградации власти. Она все еще оставалась сакральной, и всякая законная, разрешенная критика наносила ей невосполнимый ущерб. Пострадали все те же сферы, что в феврале — октябре 1917-го: вертикаль власти, органы пресечения, армия, финансы и

сфера обеспечения населения. Власть снова из института божественного стала институтом дьявольским и при первом же серьезном потрясении погибла. Если не рассматривать события 1991 г. с этой точки зрения, то эти события выглядят совершенно фантастическими и нелогичными: огромная еще вчера суперэффективная государственная машина не только не смогла подавить минимальное сопротивление, но даже защитит сама себя. В результате революции 1991 г. исчезло Советское государство. Гайдаровские реформы снова привели к деградации социальной структуры и социальной смерти значительной части советской интеллигенции. Но существенную часть новой власти составляли как раз интеллигенты.

И снова власть интеллигенции показала свою неэффективность. Причины неэффективности интеллигентской власти были те же, что и в 1917 г. Снова шли пламенные дискуссии и принимались законы, декларации. Такие законы было невозможно выполнить, те, кто их писали, искренне не понимали, что необходимо для этого. В основе их лежали не практические расчеты, а абстрактные принципы. Управленческих действий практически не предпринималось, или они были крайне неудачными. Поэтому с крахом старой системы экономической и политической кризис только усилился. На фоне кризиса возник конфликт ветвей власти 1993 г. И хотя ключевыми игроками оставались интеллигенты, однако в результате не президент просто победил парламент, а чиновничество победило интеллигенцию и начало вытеснение ее из власти. Выстраивание вертикали и отмена региональных выборов лишь завершили этот процесс. Крах нового варианта интеллигентской власти был столь же закономерен, как и крах Временного правительства.

Сегодня мы присутствуем при третьем витке вышеописанного конфликта. Власть снова находится у чиновников. Культурная элита, как и несколько веков назад, снова считает себя обойденной при распределении привилегий. Ввиду ограниченности возможностей для критики процесс находится лишь в самом начале, но он уже идет. Подтверждением этому может служить то, что снова ругать власть в интеллигентской среде стало модно. Третий круг конфликта между властью и интеллигенцией начался.

В заключение мы можем сделать некоторые выводы. Сакрализация власти при наличии широкого круга образованных людей, независимых от этой власти, приводит к тому, что этими людьми к власти выдвигаются требования, соответствующее ее сакральной роли, – быть всемогущей и всеведущей. Поскольку никакая человеческая власть таких требований выполнить не может, общество признает эту власть негодной организованной и требует себе права перестроить это государство. Если государство негодное, то аппарат управления не имеет права на монопольное владение властью. Интеллигенция, обладая знаниями и способностью к стратегическому мышлению, имеет, по собственному мнению, право стать центром этой власти, а чиновничество должно стать ее службой. Любая дру-

гая форма управления не справедлива и воспринимается культурной элитой как личное оскорбление. Возникает конфликт между интеллигенцией и властью, в результате которого происходит деградация общества с последующей гибелью и государства, и интеллигенции. Через некоторое время оппоненты возрождаются. Так как причины конфликта сохраняются, то снова разгорается конфликт, который ведет общество к краху.

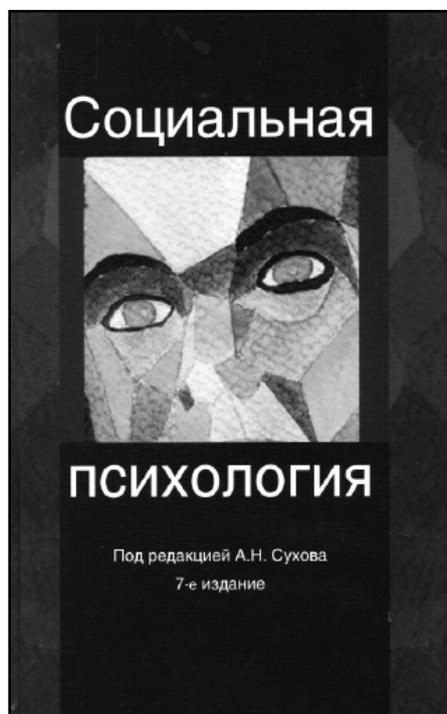
Нам видится выход из замкнутого цикла конфликта. Взаимодействие интеллигенции и власти не должно быть иерархическим, оно должно быть равноправным. В этом взаимодействии каждая из сторон должна заниматься тем, к чему она пригодна, – интеллигенция стратегическим анализом, выявлением проблем и поиском их решения, а государственный аппарат — непосредственным управлением. Но для того чтобы это

было именно взаимодействие, необходим механизм, гарантирующий, что культурная элита будет услышана аппаратом и ее предложения будут реализованы, в свою очередь, аппарат также будет понят и получит поддержку. Такой механизм позволит интеллигенции реализовать свою извечную мечту быть солью земли и не утруждать себя управленческими мелочами.

¹Из речи П.А.Столыпина 10 марта 1907 г. // Государственная Дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год: Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. С. 433—445.

²Лихачев Д.С. О русской интеллигенции // Лихачев Д.С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 15.

³См.: Скутнев А.В. Протестное движение в СССР в 1945—1985 гг.: эмиграция и диссидентское движение. Киров, 2011.

Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Н. Сухов и др.; под ред. А.Н. Сухова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 615 с.

С современных позиций излагаются социально-психологическая теория и основные направления прикладной социальной психологии. Рассматриваются социально-психологические теории личности, система отношений и общения, социальная напряженность и конфликты, природа социальных влияний, дается характеристика социальных институтов и общностей, раскрываются основы социально-психологической диагностики, воздействия и консультирования.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным специальностям. Книга может быть интересна и полезна психологам, социологам, юристам, социальным работникам, преподавателям вузов.

Civilizational identity of Russia in a multipolar world

Цивилизационная идентичность России в многополярном мире

Andrey Lvovich Zolkin,
doctor of philosophical Sciences,
associate Professor of philosophy of the
Moscow University of the MIA of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: az20042004@mail.ru

Андрей Львович Золкин,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.09

Annotation. The article is devoted to the philosophical analysis of the concept of civilization identity. Examines the philosophical foundations of the existence of a multipolar world. Develop the idea of multiplicity of cultures in contemporary events.

Keywords: civilization, culture, Eurasianism, multipolarity, sovereignty

Аннотация. Статья посвящена философскому анализу понятия цивилизационной идентичности. Рассматриваются философские основания существования многополярного мира. Развиваются идеи множественности культур прим. тельно к современности.

Ключевые слова: цивилизация, культура, евразийство, многополярность, суверенитет

Традиционная для русской философии полемика славянофилов и западников в настоящее время претерпела существенные изменения. Если прежде речь шла лишь о самоопределении России по отношению к Западу как к лидеру мирового развития, то в настоящее время речь должна идти уже не об «особенностях», а о поиске полноценной метафизической альтернативы западному универсализму.

Скоро исполнится 100 лет с момента выхода в свет произведения Освальда Шпенглера «Закат Запада» (в России известно как «Закат Европы»). Несмотря на то что за это время Запад пережил множество кризисов, в настоящее время возникает ощущение того, что высказанные в этой книге прогнозы начинают сбываться.

В этой ситуации Россия стремится сохранить политический суверенитет в условиях информационной войны. Сегодня все более очевидно, что государственный суверенитет должен быть расширен до цивилизационного суверенитета, который предполагает определенную картину всего мирового порядка.

Современная доктрина глобализации во многом является империалистической и расистской по своей сути. В настоящее время на повестке дня стоит проблема укрепления цивилизационного суверенитета России через построение многополярного мира. По-

сле этого можно говорить о пути к новому планетарному единству через процесс диалога культур и цивилизаций.

В построении теории многополярности и отстаивании цивилизационного суверенитета России целесообразно воспользоваться идеями русских евразийцев. В частности, Николай Сергеевич Трубецкой в своей книге «Европа и человечество»¹ выстраивает модель интерпретации современного миропорядка, основываясь на формуле: «Европа против человечества», где «Европа» и «человечество» выступают в качестве антиподов. Человечество – это совокупность традиционных обществ, Европа же есть агрессивная аномалия, стремящаяся навязать остальным странам особенности локального исторического развития как нечто универсальное. Н.С. Трубецкой доказывает, что претензии западной (романогерманской) культуры на универсализм несостоятельны и голословны. В силу этого неевропейские народы, т.е. собственно все человечество, оказываются в состоянии жертв, так как полная европеизация невозможна по определению, а ее элементы лишь раскалывают народы, заставляют смотреть на себя чужими глазами, подрывают и разлагают консолидирующий смысл культурной традиции. С.Н. Трубецкой считал, что с этим нельзя мириться, и предлагал продумать варианты ответа человечества на вызов Европы.

Для этого необходимо осознать, что европейская культура не представляет собой универсальную культуру всего человечества, она есть создание ограниченной группы народов, имевших общую историю. Европейская культура ничем не совершеннее, не «выше» всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой, ибо «высших» и «низших» культур и народов вообще нет, а есть лишь культуры и народы более или менее похожие друг на друга.

Важнейшей идеей Н.С. Трубецкого стала идея того, что развитие не тождественно вестернизации культуры, поскольку при таких условиях неевропейским народам приходится совершенно отказаться от самостоятельного культурного творчества, жить отраженным светом Европы, обрекать себя на фатальное отставание в развитии.

Современная философия многополярности, опираясь на идеи евразийцев, должна отбросить веру:

- в универсальность и исключительность западных ценностей, в то, что западные общества прошли в своей истории единственно возможный путь, который предстоит пройти всем остальным странам;
- в то, что безграничное техническое, экономическое и материальное развитие и есть ответ на самые насущные нужды всего человечества;
- в то, что люди всех культур, религий, цивилизаций и этносов принципиально такие же, как люди Запада, и управляются теми же антропологическими мотивами;
- в безусловное превосходство капитализма над другими социально-политическими формациями;
- в безальтернативность рыночной экономики;
- в то, что либеральная демократия является единственно приемлемой формой политической организации общества;
- в индивидуальную свободу и индивидуальную идентичность как высшую ценность человеческого бытия;
- в либерализм как в исторически неизбежную, приоритетную и оптимальную идеологию.

Философия многополярности основана:

- на главном принципе свободы общества следовать своим историческим путем в любом направлении и создавать любые социально-политические и социокультурные формы;
- на отвержении всех форм расизма, в том числе расизма культурного, экономического, технологического, цивилизационного и т.д.;
- на признании множественности высших жизненных ценностей, покушение на которые должно повлечь за собой санкции всех политических и стратегических инстанций, признающих многополярный миропорядок;
- на понимании того, что в мире складывается революционная обстановка, поскольку Запад не может управлять миром по-старому, а страны не хотят жить по-старому, возрастает политическая активность всех субъектов международного права;
- на понимании особой роли России в мировом историческом процессе, на особом значении русской культуры в единстве ее религиозных и светских аспектов.

Теория множественности культур, первоначально сформулированная русским ученым Н.Я. Данилевским, а затем развитая О.Шпенглером и А. Тойнби, должна быть использована как методологический фундамент понимания многополярного мира². Следует учитывать, что многополярность цивилизаций не тождественна разнообразию культурных традиций. Помимо религиозных различий, своеобразия фольклора или достижений в искусстве, существенная асимметрия наблюдается и в сфере политико-правовой жизни и практики государственного строительства. Как ни привлекательны

либеральные мифы о конце государства, но уже сейчас становится ясным, что дилемма идеализированного рынка и демонизированного исторического государства является ложной. Российская государственность и правовая традиция имеют свои исторические особенности сравнительно с западноевропейской политико-правовой и культурной традицией.

Так, русский философ И.Ильин подчеркивал, что даже теория права не может рассматриваться как формальная дисциплина, а представляет собой способ познания человеком и народом своей исторической судьбы³. Уже русские консерваторы XIX в. осознали специфику политико-правового развития России⁴. Разумеется, не все в их учениях можно принимать на веру. Да это и не нужно. Однако идея цивилизационного суверенитета России получила определенное освещение в их трудах⁵.

Русская философская традиция стремилась глубоко осмыслить проблему соотношения человека и общества, преодолевая индивидуалистические иллюзии либерализма и подчеркивая, что в становление индивидуальной нравственности важным этапом становится «переход к ориентациям на определенное место в обществе, сопрягаемое с системой обязанностей, моральным авторитетом и непосредственно воспринимаемым социальным порядком»⁶. И конечно, проблема цивилизационного суверенитета России не должна сводиться к романтической идеализации и прямолинейной апологетике существующих политико-правовых институтов⁷.

Русская философия в целом, а особенно философия русского зарубежья, глубоко осмыслила специфику политико-правового развития России, отвергнув идею универсального значения западноевропейских политико-правовых представлений. Непонимание цивилизационных особенностей развития России, идеализация западноевропейских политико-правовых институтов приводят к многим странностям российского нигилизма. Так, А.В. Чертищев пишет, что «специфической чертой русского нигилизма, в отличие от западного идеалистического, является его рационалистический характер, культ «знания»»⁸.

Это положение можно понимать таким образом, что рационализм мнимо универсализирует определенный порядок вещей, характерный для одной локальной цивилизации (Запад), но неприменимый для другой (Россия). Абстрактные построения, созданные на основе обобщения локального исторического опыта, при попытке применения в другой системе исторических координат приводят лишь к крушению социально-политической системы, к хаосу, нигилизму и разочарованию. «И дважды за один век, – справедливо отмечает М.М. Марченя, – Россия заплатила за непонимание собственной природы и механизма возникновения и развития общенародной смуты распадом исторически сложившейся имперской государственности: сначала царской, затем и советской»⁹. Непонимание законов функционирования социальной системы постоянно будет порождать социальную нестабильность, чреватую угрозой экстремизма¹⁰.

Многополярность грядущего мироустройства предполагает глубокое осознание определенной асимметрии в развитии цивилизаций, но не должно приветствоваться как возникновение различных форм цивилизационного расизма. «В настоящее время, – пишет Н.В. Галанина, – несмотря на ориентацию на многополярность мирового пространства, все большие массы людей овладевают новым мышлением, которое отдает приоритет общечеловеческим ценностям и нормам над этническими, государственными, групповыми, исходя из идеи самосохранения человечества как вида»¹¹.

Этот биосферный и ноосферный контекст общечеловеческого развития должен быть сохранен, а западноцентристский универсализм, который долгое время отождествлял себя с общечеловеческими ценностями, пересмотрен. Путь к культурному единству человечества в среднесрочной перспективе может мыслиться только через диалог цивилизаций, а не через распространение западноевропейских культурных принципов на все человечество.

Многие современные российские ученые связывают эту единую культуру с идеей ноосферы В.И. Вернадского. Однако реализация этих идей потребует времени, и можно согласиться с Г.В. Шашуриной в том, что, «прежде чем сформировать новое, «ноосферное» мышление, человечество должно пройти достаточно длительный период»¹².

Разработка идеи «ноосферного» единства человечества предполагает кардинальные изменения в нашем понимании мироздания в целом, причем фундаментальным основанием диалога культур является преодоление манипулирования сознанием, которое стало структурной характеристикой западной культуры. Поэтому требуется вдумчивое отношение иным трактовкам духовной деятельности, характерным для разных цивилизаций. Актуальность сегодняшнего дня имеет эпохальную перспективу: обнаружение новых моделей цивилизационного развития, отличных от западного пути.

Для обеспечения устойчивого развития обновленная российская цивилизация должна опираться на синтез таких неотъемлемых ценностей российского общества, как:

- 1) социальная справедливость;
- 2) всеобщая ответственность, и в первую очередь ответственность государства перед гражданами как доминанта общественной жизни;
- 3) честность;
- 4) патриотизм;
- 5) права личности в той степени, в которой они не подрывают и не ущемляют общих прав;
- 6) позитивно ориентированная терпимость, уважение различий ценностей и образа жизни представителей различных народов и культур.

Патриотическое воспитание молодежи должно иметь фундаментальный характер как в научном, так и в этическом аспекте, оно не может ограничиваться лишь адаптацией к существующим, возможно, временным особенностям социально-политического развития.

В рамках такой парадигмы должна быть выработана концепция устойчивого развития страны. Глобальных и разрушительных катаклизмов можно избежать лишь на основе возрожденной, а во многом и заново созданной нами российской цивилизации. Цивилизационный выбор становится одной из важнейших задач России на современном этапе ее исторического развития¹³. Оздоровление, модернизация и достижение успешного развития России требует воплощения в жизнь базовых ценностей российского общества и их синтеза, объединения в единую, четко осознаваемую и ясно выражаемую концепцию.

¹ Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.

² Золкин А.Л. Духовные основания права в философии И.А. Ильина // Философские исследования и современность. М., 2015. Вып. 4. С. 78–92.

³ Золкин А.Л. Эволюция философских воззрений И.А. Ильина и проблема методологии теории права // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 5. С. 183–186. С. 183.

⁴ Золкин А.Л. Философия права российского консерватизма // Философские исследования и современность. Вып. 3. М., 2014. С. 91–101.

⁵ Золкин А.Л. Право и социальная этика в философии русского консерватизма // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 9. С. 234–238.

⁶ Грядовой Д.И., Стрелкова Н.В. Проблема первоосновы морали (смысл вопроса о происхождении морали) // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015. С. 70–77.

⁷ Медушевская Н.Ф. Понятие правового времени в контексте естественно-правового и позитивистского правопонимания // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015. С. 146–154.

⁸ Чертищев А.В. К философскому осмыслению особенностей русского нигилизма // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015. С. 223–248.

⁹ Марченя П.П. Смутные поиски России: Смута в контексте россиеведения // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 9. С. 213–215.

¹⁰ Бельский В.Ю. Терроризм как инструмент глобализации и способ упразднения цивилизационных идентичностей // Краснодар: IV Столыпинские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи». 2015. С. 46–52.

¹¹ Галанина Н.В. Самоуправление как механизм социальной организации // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015. С. 59–70.

¹² Шашурина Г.В. Современный взгляд на ноосферу: путь к единой культуре // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015. С. 255–270.

¹³ Бельский В.Ю. О цивилизационном проекте современной России // Уфа: VII Рос. филос. конгр.: «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений»: Тез. докл. 2015. С. 131.

УДК 1

Understanding the process of the phenomenon of cultural shock in the context of modern migration processes

Осмысление процесса развития культурного шока в контексте современных миграционных процессов

Anna Alexeevna Konoplyova,
PhD Philosophy,
associate Professor of the Department of
Humanitarian and Social-Economic
disciplines of the Crimean branch of the
Krasnodar University of the MIA of Russia
E-mail: konoplyova.artcrimea@gmail.com

Анна Алексеевна Коноплева,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Крымского филиала Краснодарского
университета МВД России

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.10

Annotation. Development of the cultural shock in modern society is related to intensification of the migration processes. Cultural shock is formed as a result of cultures' counteraction and directly depends on external political and economic factors as well as internal peculiarities of the partners of communication, and in particular, sensitivity of culture. On the basis of the analysis made the multi-variant scheme of the development of cultural shock phenomenon is suggested.

Keywords: culture, migration, cultural shock, cross-cultural interactions, cultural sensitivity

Аннотация. Развитие культурного шока в современном обществе связано с интенсификацией миграционных процессов. Культурный шок формируется в результате взаимодействия культур и напрямую зависит как от внешних политических и экономических факторов, так и от внутренних особенностей участников коммуникации, а именно чувствительности культуры. На основании проведенного анализа предлагается поливариативная схема развития явления культурного шока.

Ключевые слова: культура, миграция, культурный шок, межкультурные взаимодействия, культурная чувствительность

Человек как социальное существо немислим без коммуникации с себе подобными. Удовлетворяя естественную потребность в общении, он вынужден преодолевать расстояния и границы. И в мире инновационных технологий, казалось бы, для коммуникации не должно быть преград – ни реальных, ни виртуальных. Однако в современном обществе, в котором и сегодня в силу естественных причин присутствует разделение людей на «своих» и «чужих», признана неуспешной политика «плавильного котла» мультикультурализма, мобильность населения постоянно возрастает, и набирает темпы неконтролируемая миграция. Вследствие этого государства трансформируются в поликультурные сообщества с нестабильной системой межкультур-

ных взаимодействий, в пределах которых гармоничные контакты постепенно становятся утопией из-за разжигания конфликтов между так называемым коренным населением и мигрантами [1].

Очевидно, что, кроме естественных для человека процессов, связанных с инстинктом самосохранения, противоречия на фоне культурных особенностей детерминированы и политическими и экономическими конфликтами. Таким образом, задача современных специалистов в области философии культуры, этнопсихологии и культурологии заключается в реализации попытки поиска пути разрешения существующих и предупреждения развития новых разногласий на почве культурных особенностей.

Исследование проблем взаимодействия культур нельзя назвать новым направлением философской мысли. У ее истоков стоят такие известные философы, культурологи, этнографы, культурные антропологи, как М. Бахтин, Ф. Боас, А. Кребер, М. Мид, Р. Редфилд, Э. Сепир, А. Тойнби, Л. Уайт, С. Хантингтон, Э. Холл, А. Шоркин, О. Шпенглер и др. Исследователи подвергали анализу те или иные аспекты взаимопроникновения культурных паттернов и традиций, анализировали причины установления межкультурных контактов, изучали возникновение конфликтных ситуаций, а также возможные уровни взаимодействий.

Цель данного исследования состоит в философском рассмотрении явления *культурного шока* сквозь призму миграционных процессов. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

- изучение явления культурного шока;
- описание механизма и возможных вариантов его проявления и развития;
- рассмотрение специфики межкультурных взаимодействий в контексте активизации миграции.

На основании идей К. Ясперса, А. Шоркина, М. Бахтина, Ф. Боаса, Д. Мацумото мы можем полагать, что под межкультурными взаимодействиями подразумевается процесс установления контактов (вынужден-

ный или случайный, сознательный или безотчетный), при котором происходит обоюдное воздействие систем паттернов, реализующееся под влиянием внешних и внутренних факторов [2, с. 47—48].

Одной из важнейших характеристик, которая оказывает воздействие на эффективность процессов коммуникации, является сенситивность культуры, т.е. восприимчивость и чувствительность по отношению к воздействиям со стороны оппонента. Именно культурная чувствительность обеспечивает восприятие, понимание, воспроизведение и интерпретацию культурных особенностей. Опираясь на работы известного исследователя межкультурной коммуникации М. Беннетта, *межкультурную сенситивность* можно определить, как «конструкцию реальности, все более способную примирять культурные различия, которые составляют развитие» [3, с. 310]. Исследователь анализирует данное явление с позиций развития «этноцентризма и этнорелятивизма, простирающегося от полного отрицания культурных различий до признания и одобрения их и способности сохранять свое «Я» на грани этих различий, сливаясь с независимыми культурными реальностями и отделяясь от них, когда это необходимо» [3, с. 310].

Степень чувствительности позволяет говорить о предрасположенности носителей культуры к развитию ксенофобских убеждений, формирующих основу для культурного шока, который наиболее ярко проявляется в результате миграции. Большинство современных миграционных процессов в Западную Европу (в частности, потоки беженцев, направляющихся в страны Европейского Союза из стран Ближнего Востока) имеют искусственный характер и связаны с жизненной необходимостью. Это говорит о том, что ни жители европейских государств, ни беженцы в силу внезапности смены места жительства не могут быть готовыми к взаимодействию, и поэтому культурный шок становится не только неизбежным, но и имеет обостренную форму.

Культурный шок является одной из стадий развития межкультурной чувствительности. Встречающиеся культуры изначально вынуждены контактировать, преодолевая барьеры. Препятствия обусловлены недостаточной осведомленностью в области чужой культуры, высокой степенью подверженности стереотипам, ярко выраженными культурными или религиозными отличиями. На данном этапе участники взаимодействия тщательно контролируют информацию, поступающую об оппоненте, и осуществляют первые осторожные попытки установления контакта. Представителям культур свойственно любопытство и переживание чувства неопределенности в отношениях с чужой культурой.

Далее культуры сталкиваются с ярко выраженными различиями, испытывают стресс в результате решения проблем, связанных с непониманием другой культуры [4]. На этом этапе участники взаимодействия начинают ощущать тревогу, испытывают культурный шок. Интеракция рискует быть прерванной либо выведенной на новый этап – этап амортизации. Таким образом, культурный шок завершается *бифрукцией*, после которой сенситивность приобретает отчетливо выраженный

либо конструктивный, либо деструктивный характер. Доминирование страха и опасения приводит к разрушению наметившегося контакта.

Преодоление культурного шока открывает возможность конструктивного межкультурного взаимодействия, которое предусматривает переход к этапам амортизации и реагирования. Во время амортизации культура, получив достаточный объем информации, постепенно снижает напряженность, возникшую ранее. Культура постепенно перестает сопротивляться, начинает уверенно общаться с другой культурой, выявлять ее уникальность.

В процессе реагирования культуры испытывают интерес и желание сократить дистанцию между сторонами коммуникации до минимума. Развивается способность чувствовать себя на месте другого, возникает эмпатия, сочувствие, сопереживание [5, с.114—115]. Переход на данный этап свидетельствует о позитивной сенситивности.

При развитии межкультурной чувствительности процесс взаимодействия будет проходить быстрее и эффективнее. В случае ее ослабления культуры становятся менее чуткими, им присуща межкультурная асенситивность, в результате развития которой процесс коммуникации проходит по иной схеме, где после прохождения культурой этапов дистанционности и напряженности возможно затруднение контактов и даже их полное прекращение. В итоге сопротивления или защиты культуры пытаются ограничить взаимодействие, испытывают желание уйти от контакта. На данном этапе чувствительность очень высока, но деструктивна, в результате чего культуры ощущают неприязнь и агрессию по отношению к оппоненту, склонны к эгоцентризму.

Или же вероятен другой сценарий развития межкультурной коммуникации. У контактирующих культур полностью исчезает желание взаимодействовать, возникает безразличие, культура становится неспособной оценить уникальность других культур, контактирующие стороны проявляют невнимание и даже неприязнь. На данном этапе происходит развитие асенситивности в культуре.

Необходимо отметить, что предложенная нами схема развития культурного шока как следствия высокого уровня чувствительности, свойственного культуре, задает только главные русла развития сенситивности и может дополняться и уточняться в зависимости от конкретных условий и факторов. Например, культура западной цивилизации отличается открытостью и высокой коммуникативной способностью в силу своих исторических и географических особенностей, ввиду этого шоковое состояние у них вероятно лишь в крайних ситуациях. Что же касается представителей восточной цивилизации, то ее особенность состоит в большей сосредоточенности на сохранении собственных традиций и жизненных укладов, поэтому культурный шок приобретает более радикальные формы.

Примечательно то, что в ситуации с миграцией сирийских беженцев в страны Европейского Союза

культурный шок испытывают обе стороны. При этом в силу наличия существенных культурных и цивилизационных различий, самого характера миграционного процесса и, как следствие, неготовности двух сторон к взаимодействию культурный шок придает контактам деструктивные формы.

В целом на процесс формирования культурного шока влияют специфические качества, имеющие яркое выражение или проявляющиеся интенсивнее других (религиозные взгляды, фенотипические особенности, язык и др.). Кроме того, восприятие зависит от целей, которые преследуют контактирующие стороны. Причинами возникновения и усиления неприязни и причинной отказа от контакта могут быть:

- недостаточная развитость культуры и низкая готовность к восприятию представителей других культур, которые в таких условиях воспринимаются как веяние враждебных, опасных, чужих культур;
- существование в обществе негативных настроений о представителях другой культуры, чье существование может стать угрозой для родной культуры;
- распространение негативных стереотипических взглядов о представителях той или иной культуры (например, активно распространяющиеся негативные стереотипы о мусульманах исключительно как представителях радикальных движений).

Исследователи выделяют два типа формирования стереотипных взглядов: сознательный и стихийный, которые дополняют друг друга, а иногда и конкурируют. В ходе *сознательной* избирательности происходит целенаправленный отказ от установления положительного или отрицательного контакта (например, заблаговременное обвинение представителей какой-либо этнической группы в нанесении вреда). Во время *стихийного* происходит автоматическое, инстинктивное, бессознательное разделение на «своих» и «чужих» (независимо от субъективных взглядов, исходя только из данных обстоятельств). Именно на базе вышеупомянутых процессов происходит формирование такого негативного явления, как расовая, этническая, религиозная или другие формы дискриминации.

Таким образом, одной из наиболее важных преград на пути приобщения мигранта к культурным особенностям государства, в которое он мигрировал, является культурный шок. Интенсивность данного явления проявляется в зависимости от уровня развития культуры, историко-географических условий взаимодействия культур, от целей коммуникации, от количества и следствий контактов, уже устанавливающихся ранее, и др.

Одним из способов выхода из культурного шока является «частичная ассимиляция» [6, с. 17—18.], т.е. процесс отказа от ряда традиций и убеждений своей культуры в целях приобщения к «инокультурной среде». В условиях современных интенсивных миграционных процессов остается до конца непонятным, будут ли это мигранты или граждане европейских государств.

List of references

1. *Boyko A.V.* Deviation in the context of modern migration processes // materials of VIII All-Russian with international participation scientific-practical conference, December 5, 2014, Krasnodar: Krasnodar university of the Interior ministry of Russia, 2014.
2. *Konoplyova A.A.* Specific character of cross-cultural interactions under globalization conditions: Thesis. ... PhD (Philosophy). Lugansk, 2012.
3. *Matzumoto D.* Psychology and culture. Saint-Peterburg.: Prime-Euroznak, 2002.
4. *Tchudina-Shmidt N.V.* Influence of valuables on reduction of extreme behavior level. Historical, philosophical, political and judicial sciences, culture study and study of art. *Voprosy teoryi i praktiki*. 2015. № 9-2 (59).
5. *Korshunova I.G.* How to use the reflexive approach in the training of future professionals (pedagogical aspect). *Innovative science*. 2015. V. 2. № 4.
6. *Ionin L.G.* Sociology of culture. <http://www.countries.ru/library/terms/cultshok.htm>
7. *Lebedeva N.M.* Social-psychological problems of the acculturation of ethnic groups. *Ethnic psychology and society*. M.: MAKSPress, 1997.
8. *Belsky V.Y., Kamalova L.I.* The Marginalized status of the intelligentsia. Monograph. Scientific publication «The Intelligentsia: yesterday and today (comparative analysis)». Simferopol: IT «Ariall», 2014.

Список литературы

1. *Бойко А.В.* Девиантность в контексте современных миграционных процессов // Материалы VIII Всероссий. с междунар. участием науч.-практ. конф., 5 декабря 2014 г. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2014.
2. *Коноплева А.А.* Специфика кросс-культурных взаимодействий в условиях глобализации: Дис. ... канд. филос. наук. Луганск, 2012.
3. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
4. *Чудина-Шмидт Н.В.* Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59).
5. *Коршунова И.Г.* Способы применения рефлексивного подхода в профессиональной подготовке будущих специалистов (педагогический аспект). *Инновационная наука*. 2015. Т. 2. № 4.
6. *Ионин Л.Г.* Социология культуры // <http://www.countries.ru/library/terms/cultshok.htm>
7. *Лебедева Н.М.* Социально-психологические проблемы аккультурации этнических групп. Этническая психология и общество. М.: МАКС Пресс, 1997.
8. *Бельский В.Ю., Кемалова Л.И.* Маргинальный статус интеллигенции: Монография: Науч. изд. «Интеллигенция: вчера и сегодня (сравнительный анализ)». Симферополь: ИТ «Ариал», 2014.

On the stability of the political system of modern Russia

Об устойчивости политической системы современной России

Alexander Pavlovich Kochetkov,
 doctor of philosophical Sciences,
 Professor of the Department of Russian politics
 of at the faculty of political science
 of the Moscow state University M.V. Lomonosov
E-mail: apkoch@mail.ru

Александр Павлович Кочетков,
 доктор философских наук, профессор кафедры
 российской политики факультета политологии
 Московского государственного университета
 им. М. В. Ломоносова

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.11

Annotation. The analysis allows coming to the conclusion that although today Russia's political system has a certain resistance, without making some changes in public policy the degree of its stability in the near term would be significantly reduced and will approach dangerous levels of destabilization of Russian society. The author proposes a number of measures aimed at strengthening the stability of modern Russian political system.

Keywords: political system, stability, power, elite, balance, civil society, and political support

Аннотация. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что хотя сегодня политическая система России имеет определенную устойчивость, без внесения ряда коррективов в государственную политику степень ее устойчивости в ближайшей перспективе значительно уменьшится и подойдет к опасной черте дестабилизации российского общества. Автор предлагает ряд мер, направленных на укрепление устойчивости современной российской политической системы.

Ключевые слова: политическая система, устойчивость, власть, элиты, баланс, гражданское общество, политическая поддержка

Проблема устойчивости политических систем — одна из важнейших в политической науке, так как политическая система постоянно является объектом для политического анализа, подвергается всестороннему воздействию разнообразных факторов, которые прямо или косвенно отражаются на ее устойчивости.

Понятие «политическая система» включает комплекс государственных и негосударственных институтов, осуществляющих деятельность, связанную с функционированием государственной власти. В политической науке существуют различные концептуальные подходы к проблеме устойчивости политических систем. Кратко рассмотрим некоторых из них.

По мнению американского политолога Эндрю Хейвуда, «государство должно иметь возможность поддерживать свое собственное существование и вместе с тем функционирование той или иной политической системы внутри себя. Здесь поэтому в первую очередь следует говорить о том, сколь прочна данная политическая система, сколь сильны ее исторические корни, от всего

этого зависит способность государства сдерживать или разрешать возникающие в обществе конфликты»¹.

Д. Истон отождествляет устойчивость политической системы с качеством функционирования конкретной политической системы, которая обеспечивает достаточную поддержку режима и власти со стороны общества, т.е. ее политическую поддержку².

Взяв за основу системный подход Д. Истона, И.Е. Дискин и В.В. Федоров считают, что устойчивость политической системы означает ее равновесие, баланс на «входе» и на «выходе», т.е. соответствие политических решений и действий требованиям общества. Нарушение данного баланса в виде недостаточного или, наоборот, чрезмерного реагирования на общественные запросы порождает нестабильность политической системы³.

С.А. Никоненко считает политическую партию основным институтом политической системы общества, связующим звеном между гражданами и государством, обеспечивающим ее целостность и устойчивость⁴.

По мнению И.В. Котлярова, для обеспечения стабильного и устойчивого развития политической системы необходимо использование особой подсистемы, регулирующей властные отношения в обществе в целом и в разных его сегментах⁵.

С.И. Бойко рассматривает зависимость устойчивости политической системы от оценки гражданами власти и отдельных политических партий в ходе избирательных кампаний⁶.

Как следует из изложенного выше, концептуальные подходы к проблеме устойчивости политической системы чрезвычайно разнообразны. Однако, по нашему мнению, к данной проблеме надо подходить, опираясь на наследие классиков греческой философии (Платона, Аристотеля и др.), которые пытались решить ее путем поиска разумного баланса в деятельности государства. Поскольку Российская Федерация в официальных документах и государственной политике признается демократическим государством, то критерии устойчивости ее политической системы должны определять устойчивость демократической политической системы.

Интересные регуляторы устойчивости демократической политической системы предлагает О.Е. Гришин⁷. Отталкиваясь от них, проанализируем устойчивость политической системы современной России.

1. *Частичная или полная смена правительственной команды как демократическая практика ротации элит. Демократизация деятельности правительства.* Подобная ротация элит используется как нормальная практика в ряде демократических стран (например, в Италии). В России этого не происходит, несмотря на то что правительство предпринимает ряд мер, осуществление которых не направлено на укрепление российской экономики: стимулирует вывод капитала за границу; размещает наши резервы в долларовых активах (при этом есть серьезные шансы не получить эти деньги назад); недостаточно активно проводит политику импортозамещения; мало что делает для модернизации российской экономики.

В то же время предприняты конкретные действия по демократизации деятельности правительства. В 2012 г. появились новые площадки взаимодействия государства и гражданского общества (институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей, система «Открытого правительства»).

22 февраля 2012 г. было подписано постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил проведения общественного обсуждения проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», которое оформило порядок проведения общественного обсуждения правительственных законопроектов с использованием сети Интернет⁸. Согласно этим Правилам, документ должен появляться в сети Интернет в течение двух дней после поступления в соответствующий департамент министерства, а отзывы о нем включаются в отчет для дальнейшего рассмотрения правительством.

Элементом открытости органов государственной власти является система электронного правительства, которая позволяет гражданам получать государственные услуги в электронном виде. Центральным звеном системы электронного правительства в России является официальный «Портал государственных услуг» (<http://www.gosuslugi.ru/>). Только в октябре 2012 г. количество пользователей портала достигло 15 млн человек, а более 3 млн пользователей зарегистрировали на портале свои личные кабинеты⁹.

2. *Трансформация законодательства (например, Уголовного Кодекса, избирательных установлений и т.п.), направленная на смягчение положений, относящихся к недемократическим системам (определенные гарантии гражданских свобод, возможность выражать свои взгляды, разрешение собраний и т.д.).*

В последние годы правительство инициировало ряд законов, направленных на либерализацию законодательства: Закон о политических партиях, возвращены прямые выборы губернаторов, проведена реформа Совета Федерации. 20 июля 2009 г. были приняты поправки в Закон «О некоммерческих организациях», в соответствии с которыми упрощается порядок регистрации НКО, а также процедура контроля за их деятельностью. В 2010 г. был принят Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ори-

ентированных некоммерческих организаций». Согласно этому закону, совокупный объем финансовой поддержки институтов гражданского общества в России со стороны государства составил в 2014 г. около 10 млрд руб.¹⁰ До сих пор таких средств на поддержку НКО не выделялось.

Предполагалось, что эти шаги должны привести к повышению общественно-политической активности и конкуренции, расширению публичной сферы, расширить поддержку гражданского общества.

В то же время принят ряд законов, которые можно расценить как рецидивы авторитаризма. Так, например, Закон о митингах упорядочивает деятельность всех участников митингов и многократно увеличивает штрафы за нарушение законодательства (с 2 тыс. до 300 тыс. руб. для граждан и с 50 тыс. до 600 тыс. руб. для должностных лиц). Кто и каким образом будет устанавливать эти штрафы и факты нарушений из закона, не ясно. По закону региональные власти теперь имеют право определять единые, специально отведенные или приспособленные места для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений. На практике это может привести к тому, что организаторы митингов, других общественно-политических мероприятий не будут иметь даже возможность обсуждать с региональными властями, где им можно собираться, а где это будет запрещено.

Также у ряда экспертов вызвал возражения Закон об «иностранцах агентах», так как, по их мнению, он может быть использован против правозащитных организаций и большинство из них вовсе прекратят свое существование.

3. *Наличие оппозиции, как гаранта развития демократического процесса.* Парламентская оппозиция в лице КПрФ, «Справедливой России» является системной оппозицией и действует только в соответствии с негласно установленными «правилами игры». Несистемной оппозиции сделать что-то действительно весомое, что повлияло бы на политику власти, чрезвычайно сложно в силу ряда обстоятельств (от формальных придинок со стороны власти к организации мероприятий несистемной оппозиции до уголовного преследования ее конкретных действий).

4. *Формирование новых элит через механизмы их демократического рекрутирования.* Так, на смену демократам-реформаторам приходят консерваторы, либералы или левые (как в Польше), что способствует равновесию политической системы. Как показывает российская действительность, к власти не допускаются (например, в составе коалиционного правительства) даже представители системной оппозиции. В этих условиях трудно говорить о формировании новых правящих элит.

5. *Активное участие общества в избирательном процессе (прозрачные и справедливые выборы).* Процесс носит противоречивый характер. С одной стороны, предприняты усилия по контролю со стороны общественности за ходом проведения выборов на из-

бирательных участках, упрощена процедура допуска различных партий к выборам, с другой — фальсификации результатов выборов приобретают порой более изощренный характер. Не удастся нейтрализовать действие и так называемого административного ресурса.

6. *Развитие реального гражданского общества (независимых от государства объединений граждан, политических партий и т.д.).* Основу гражданского общества в нашей стране составляют различные негосударственные общественные организации (прежде всего, НКО). В октябре 2015 г. Министерством юстиции РФ было зарегистрировано 227 тыс. 196 НКО (в 2014 г. было 435 тыс. НКО)¹¹.

В России существует многопартийная система, официально ведут свою деятельность 77 политических партий¹². Мнение граждан иногда учитывается при решении значимых экономических, социальных и государственных проблем. В результате гражданских действий в последние годы скорректирована миграционная политика, усовершенствовано законодательство о российском гражданстве. Были приняты Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» и Федеральный закон «О создании системы общественного контроля в местах заключения», инициирована реформа милиции и пенитенциарной системы, введены суды присяжных, институт Уполномоченного по правам ребенка, начался процесс гуманизации уголовно-процессуальной политики. Совместными действиями многих общественных организаций удалось остановить проект строительства «башни» Газпрома, который мог нанести непоправимый вред архитектурному облику Санкт-Петербурга; удалось также отстоять многие памятники архитектуры в различных городах России.

Вместе с тем существует ряд сложностей и препятствий на пути развития гражданского общества в России. Среди них:

- невысокий уровень гражданской культуры российских граждан;
- недостаточное влияние гражданского общества на решение важнейших проблем общественного развития в нашей стране;
- нежелание значительной части правящей элиты «конкурировать» на равных с независимыми негосударственными структурами в вопросах определения повестки социального, политического и экономического развития общества;
- низкая социально-политическая активность большинства российских граждан;
- дефицит доверия людей друг к другу и структурам гражданского общества, что мешает гражданской самоорганизации общества.

7. *Независимость СМИ.* Ситуация со СМИ также неоднозначна. С одной стороны, продолжают выходить статьи в газетах или телепередачи, в которых политика тех, кто находится у власти, подвергаются критике. С другой стороны, в условиях обострения конфронтации с Западом в связи с событиями на Украине и Сирии

совершенно очевидно, что власть усиливает контроль на СМИ, пытается даже вводить определенные ограничения на пользование Интернетом.

8. *Развитие самоуправления как института гражданской активности и децентрализации государственного управления.* Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ создана правовая основа формирования системы, которая действовала бы на всей территории страны и предоставляла возможность финансового обеспечения нужд местного самоуправления, включая его первый уровень – свыше 14 500 новых сельских муниципальных образований. Однако в действительности передачи полномочий в полном объеме не зафиксировано нигде, в том числе и в тех субъектах Федерации, где Федеральный закон вступил в действие в полном объеме.

Причина в том, что, следуя в русле Европейской хартии местного самоуправления, российский законодатель отказался от его базиса – принципа субсидиарности, когда на вышестоящие уровни передаются лишь те вопросы, которые не могут быть решены на нижних уровнях.

Кроме того, по подсчетам экспертов, «цена» реализации Федерального закона должна была бы составить около 300 млрд руб. В настоящее время не выделено и 1/3 данной суммы. Есть позитивные и негативные примеры развития самоуправления в регионах. Так, в Новосибирской области наукоград Кольцово благодаря поддержке областной администрации получил статус городского округа и успешно развивается, имея профицитный бюджет. В то время, например, Москва фактически выведена из сферы действия Закона о местном самоуправлении, там выстроена жесткая управленческая вертикаль, органы самоуправления превратились в придаток московской мэрии.

9. *Реальное правосудие.* В постсоветской России не удалось создать действенную систему правосудия. У общества есть серьезные претензии к деятельности судебной системы, в которой процветают бюрократизм и волокита, а нередко и коррупция. Криминальные деяния крупных чиновников, как правило, не доводятся до суда, жуликоватые олигархи обычно выходят сухими из воды, если только не вступали, как Б. Березовский или М. Ходорковский, в прямую конфронтацию с высшей властью.

В то же время наметилась положительная динамика в совершении гражданами тяжких преступлений. Так, если в 2003 г. Россия потеряла в результате убийств, самоубийств, травм, отравлений и несчастных случаев 330 тыс. человек, то в 2015 г. — 137,1 тыс. человек, т.е. почти в три раза меньше¹³.

10. *Наличие действенных механизмов борьбы с коррупцией.* Не создано действенных механизмов борьбы с коррупцией, хотя формально борьба с ней ведется постоянно. Периодически в СМИ появляется информация о разоблачении тех или иных коррумпированных чиновников. Только за первые шесть месяцев 2015 г. в России было возбуждено около 11,5 тыс. дел коррупци-

онной направленности, в суд направлено около 6,5 тыс. По официальным данным Следственного комитета РФ, ущерб от коррупционных преступлений в России составляет около 40 млрд руб. в год. При этом отрицается причастность к коррупции высокопоставленных государственных чиновников¹⁴.

11. В рамках концепции политической поддержки Д. Истоном и целым рядом его последователей выделяется уровень так называемой *диффузной поддержки*, распространяющейся, прежде всего, на политический режим. Важнейшими компонентами диффузной поддержки выступают:

- доверие, которое возникает в силу удовлетворения политических акторов теми процессами, посредством которых управляется страна, правилами политической игры, формирующимися в рамках того или иного политического сообщества;
- легитимность — вера в правомерность существующего порядка вещей.

Исходя из этих критериев, как считает Н.П. Медведев, авторитет сегодняшней власти России в целом можно определить на уровне так называемой сомнительной поддержки. Отсюда ориентация на конкретные личности (в частности, личности руководителя государства)¹⁵. Поэтому в течение обозримого будущего фактор харизматического политического лидерства в России по-прежнему будет иметь ключевое значение.

Все перечисленное выше не может не сказываться на устойчивости политической системы России. Однако, несмотря на ряд фактов, негативно сказывающихся на устойчивости политической системы современной России, она сохраняет определенный потенциал устойчивости и стабильности. Почему? Во-первых, значительная часть граждан современной России в силу доминирования неизжитых архетипов патронажного мышления, особенностей складывающейся корпоративной этики или иных причин прочно связана с соответствующими элитными группами, имеют смутные представления о роли, особенностях и порядке функционирования реальной демократической политической системы страны, а также о собственном месте в рамках данной системы. Как следствие, формирование их политических предпочтений практически полностью контролируется и направляются теми или иными элитными группами¹⁶.

Отсюда современную российскую политическую систему поддерживают не только элиты, но и контролируемые ими социальные группы (клиентела).

Во-вторых, поддержку власти обеспечивают такие внешнеполитические кампании, как присоединение Крыма и действия России в Сирии как великой военной державы. Однако огромные военные расходы при во многом отсталой и неэффективной экономике наряду с сомнительными перспективами победных результатов этих кампаний делают данный фактор поддержки в стратегическом плане недостаточно устойчивым.

В целом можно сделать вывод, что, хотя политическая система России сегодня имеет определенную

устойчивость, без внесения ряда коррективов в государственную политику при весьма вероятном ухудшении экономической ситуации степень устойчивости политической системы в ближайшей перспективе значительно уменьшится и подойдет к опасной черте дестабилизации российского общества.

Для укрепления устойчивости современной российской политической системы необходимо:

- обеспечение реальной ротации правящей политической элиты;
- укрепление правопорядка и исполнительской дисциплины;
- проведение социальной политики, прежде всего, в интересах основной части российских граждан;
- завершение процесса формирования влиятельного и эффективного гражданского общества, обеспечение реального взаимоконтроля власти и гражданского общества;
- вовлечения во власть других, помимо «Единой России», политических партий.

¹⁴Хейвуд Э. Функционирование политической системы // Политология. Пер. с англ. // Под ред. проф. Г.Г. Водолазова и доцента В.Ю. Бельского. М., 2005. С. 502—503.

¹⁵Easton D. System Analysis of Political Life. N.Y., 1965. P. 52.

¹⁶Дискин И.Е., Федоров В.В. Респонсивность современной российской политической системы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 4—11.

¹⁷Никоненко С.А. Политические партии как институт политической организации гражданского общества // Вестн. ПГУ. Гуманит. науки. История и политология. 2011. № 10 (102). С. 278—282.

¹⁸Котляров И.В. Политическая система Беларуси: теоретическое регулирование и социологическое осмысление // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 41—54.

¹⁹Бойко С.И. Стабильность vs амбивалентность: варианты политических алгоритмов // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2013. № 1(102). С. 108—118.

²⁰Гришин О.Е. Устойчивость политической системы: понятие, подходы, регуляторы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1.

²¹<http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18121>

²²Установка Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 159 г. Москва // Российская газета. <http://www.rg.ru/2012/03/02/obsuzhdenie-dok.html>

²³Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Общественная палата Российской Федерации. М., 2012. С. 46. <http://www.oprf.ru>

²⁴Итоговый пресс-релиз V Съезда некоммерческих организаций России. 2014 // <http://www.gosgrant.ru/materials/post2014.php>

²⁵Некоммерческие организации в России // 2015. <http://tass.ru/info/671635>

²⁶Список зарегистрированных политических партий // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. <http://minjust.ru>

²⁷Кива А. Китайский авторитаризм и российская «демократия». Что лучше для народа и государства? 2003 // <http://www.democracy.ru/article.php?id=477>; Росстат отчитался по демографической ситуации в РФ. 2015 // <http://kset.kz/news/view/589594&from=137012738>

²⁸Маркин назвал ежегодный ущерб от коррупции в России. 2015 // <http://lenta.ru/news/2015/07/23/corruption/>

²⁹Медведев Н.П. Стабильность политической системы: теория и российская практика. 2007 // <http://psibook.com/philosophy/stabilnost-politicheskoy-sistemy-teoriya-i-rossiyskaya-praktika.html>

³⁰Там же.

УДК 1

Tolerance in the light of classical and contemporary philosophical ideas: from ethics to ontology and epistemology

Толерантность в свете классических и современных философских воззрений: от этики к онтологии и гносеологии

Igor Anatolevich Kushnarenko,
doctor of philosophia Sciences,
Professor of the Department
of Professional Ethics and Aesthetic Culture
E-mail: office@unity-dana.ru

Игорь Анатольевич Кушнаренко,
доктор философских наук,
профессор кафедры профессиональной этики
и эстетической культуры

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.12

Annotation. The phenomenon of tolerance is considered in the context of the philosophical category of the Other within the methodological tradition developed in the works of MM Bakhtin, J.-P. Sartre, Boris Popova. It is shown that the topology of the human being is given the space indissoluble bond and contradictory interaction of Me and Other. It was found that tolerance is an attribute of personality and characterizes human relations is not only ethical, but primarily in the ontological and epistemological aspects.

Keywords: tolerance, I, Other, existential, shame, being, truth, rationality

Аннотация. Феномен толерантности рассмотрен в контексте философской категории Другого в рамках методологической традиции, развитой в работах М.М. Бахтина, Ж.-П. Сартра, Б.Н. Попова. Показано, что топология пространства человеческого бытия задается нерасторжимой связью и противоречивым взаимодействием Я и Другого. Установлено, что толерантность является атрибутом личности и характеризует человеческие отношения не только в этическом, но главным образом в онтологическом и гносеологическом аспектах.

Ключевые слова: толерантность, Я, Другой, экзистенциал, стыд, бытие, истина, рациональность

Пристальный интерес научного сообщества и широких политических кругов к проблеме толерантности – не дань моде, а выражение объективных потребностей общества. Проявляясь в той или иной степени на протяжении всей истории цивилизации, оформившись в эпоху беспощадных европейских протестантско-католических войн, идея толерантности затем обосновалась в ряду интеллектуальных ценностей, а в третьем тысячелетии, характеризующемся обострением социальных, межкультурных, межэтнических и межконфессиональных противоречий, наполнилась новым практическим содержанием – как средство выживания и устойчивого безопасного развития индивида и человечества в целом.

Укореняясь в научной традиции, термин «*толерантность*» обрел широкое полидисциплинарное зву-

чание. Он встречается даже в математическом анализе: толерантными называются такие функции, которые хотя бы в одной точке принимают одинаковые значения и таким образом оказываются неразличимыми. Физическая система, находящаяся под воздействием внешнего фактора, толерантна до тех пор, пока указанный фактор не произведет какого-либо изменения в ее структуре. Для биологических систем толерантность определяется той мерой воздействия внешнего фактора, которая не вызывает сопротивление ему¹. Получается, что систему следует считать толерантной, пока она ничем себя не обнаруживает в ответ на внешние возмущения. Более того, в медицинско-биологическом смысле под толерантностью понимают даже полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т.е. потерю или снижение организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение.

Соответственно в российской психологии и педагогике толерантность понимается по меньшей мере трояким образом:

- как отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию²;
- как наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной³;
- как частный случай ценностного отношения человека к другому человеку наряду с такими феноменами, как гуманность и альтруизм⁴.

Многозначность понятия «толерантность» делает его довольно абстрактным и общим, малодоступным для строгого научного исследования, а также для разработки прикладных методик. Поэтому следует зафиксировать такую его интерпретацию, которой можно будет ограничиться в рамках дальнейшего анализа.

С этой целью обратимся к этимологии термина. Понятие «толерантность» происходит от латинского глагола *tolero*, который означает переносить, выдерживать, терпеть. В европейских языках это понятие приобрело различные смысловые оттенки.

Например, в английском языке оно употребляется в качестве существительного «терпимость» и в качестве глагола «терпеть»⁵. При этом данный глагол употребляется только тогда, когда он является синонимом глагола «допускать» (другие точки зрения, мнения, позиции и т.п.) и не используется в случаях претерпевания чего-либо (например, боли), безропотно подчинения чему-либо (терпеть оскорбления). Говоря о терпимости как о свойстве человеческой личности, англичане употребляют прилагательное *tolerant*, что свидетельствует о необходимости различать слова «терпимый» и «терпеливый».

В немецком языке⁶ глагол «терпеть» и существительное «терпимость» — слова не однокоренные, причем понятие «терпимость» в этом языке употребляется только в отношении человека к человеку.

В русском языке аналогом слова «толерантность» является существительное «терпимость», которое означает умение человека без вражды, миролюбиво относиться к чужому мнению, характеру и т.п.⁷

Приведенные истолкования термина «толерантность» объединяет одно принципиальное свойство: когда про человека говорят, что он толерантный, то это свойство обнаруживается только в отношениях с другими и описывает само качество этих отношений. То есть толерантность характеризует человека с точки зрения его способности жить в человеческом общежитии. Тем самым толерантность не может являться фактом самосознания личности и удостоверяться в ходе рефлексии или самоанализа. Она проявляется в сфере поступков, практически-деятельных позиций человека. А поступки объективируют внутренние мотивы и помыслы индивида, ставят его в определенное отношение к другим людям. Следовательно, есть все основания для того, чтобы поставить толерантность в один ряд с такими базовыми категориями этической науки, как долг, справедливость, достоинство, совесть и др.

Однако если рассматривать проблему толерантности в контексте фундаментальной философской категории Другого, можно прийти к выводу, что рамками одной только моральной философии методологическое значение толерантности далеко не исчерпывается. Эта категория по праву может претендовать на статус не только междисциплинарной, но и общенаучной.

В классической философской литературе Другой понимается как способ обоснования онтологии мира необходимого, а не случайного. Тема Другого возникла в античной философии, которая проводила различие между Другим и Иным. Другой — это такой же, как ты, но не ты. А Иной — это не такой, как ты, и существующий на основаниях, которые сложились, исключая твое в них участие. Иными словами, классическая философия пытается обосновать существование Другого по аналогии, когда восприятие своего тела и своего Я переносится на Другого.

В современной трактовке, наоборот, Другой — этот тот, в основание действий которого нельзя положить свое Я. Поэтому с Другим связывают самопроизвольные события, не вытекающие из предшествующих со-

стояний. Другого нельзя получить простым желанием или предположением. В нем показывает себя случайность фактичности, а не следствие некой необходимости. Такое обращение к Другому и составляет различие между классической и современной философией.

«Я — единственный из себя исхожу, а всех *других* нахожу — в этом глубокая онтологически-событийная равнозначность», — рассуждает М.М. Бахтин⁸. Другой предшествует всякому Я, расчищает для него поле, дает ему возможность появиться и обладать лицом. Другой наделяет нас способностью видеть, ограничивая нас, давая нам перцептивный горизонт. Если бы не было Другого, то никто ничего не увидел бы. Или есть Другой, и мы не все видим, но все-таки видим, или нет Другого, и мы не видим ничего.

Акцентируя разнозначность переживаний Я и Другого, постулируя существование двух этих ценностных центров жизни, соотнесенных между собой, но одновременно принципиально различных, Бахтин, считает Б.Н. Попов, создавал такой способ построения мысли, который не зависит ни от традиции, ни от религиозной веры. В нем истина предстает как истина вне зависимости от того, что думалось до тебя и будет мыслиться после тебя, но она зависит от того, что думает Другой. На стороне каждого человека есть частица истины и ответственность за эту частицу. И хотя очевидным представляется утверждение, что складывание частей истины дает только часть истины, Бахтин уверен в ином: складывание частных истин незаместимого Я и Другого и дает полную истину⁹.

Ярким приверженцем экзистенциально-феноменологической интерпретации Другого выступает Жан-Поль Сартр. Философа прежде всего интересует конкретный человек, это исходная, базисная реальность, по отношению к которой собственно социальное бытие имеет производный, вторичный характер. «Другого встречают, его не конституируют», — замечает мыслитель¹⁰. Для конституирования нужна необходимость, а для встречи — случайность. Поэтому не в теории, а «именно в повседневности является нам Другой»¹¹.

Прежде всего, на Другого указывает не сознание, а тело человека. Другой — не проблема сознания, а проблема существования. Аргументация Сартра проста. Ни один человек не видел свое сердце, свой мозг. Их видит кто-то другой — врач, прохожий, родственник. Мое тело открывает другие тела. Но мне оно открывает себя только в боли. Итак, сознание предназначено для себя. Оно может замкнуться в солипсизме. Но тело обращено к Другому, оно для Другого, и поэтому оно не может изолироваться.

Помимо тела на бытие Другого указывает стыд. Стыдно перед Другим. Другой конституирует мое бытие, говорит Сартр. Другой ставит меня в положение рассматриваемого. Это тот, кто смотрит на меня. «Таким же образом, как мое сознание, постигаемое посредством *cogito*, несомненно, свидетельствует о самом себе и своем существовании, некоторые акты сознания, например «сознание стыда», свидетельствуют для *cogito* несомненно как о себе, так и о существовании

другого»¹². Поскольку человек не может испытывать стыда перед предметами, лишенными самосознания, постольку эта эмоция свидетельствует о том, что наряду с данным Я существуют другие Я. Стыд же всегда вызывается взглядом Другого: «Стыд... является признанием того, что я есть тот объект, на который смотрит Другой и судит его»¹³. По Сартру, именно взгляд открывает нам существование Другого. Другое Я, превращая меня в объект рассмотрения, отчуждает тем самым мой мир и мои возможности, привносит в мой мир долю непредвиденного, того, «чего я не хотел». Если я в качестве самосознающего индивида знаю себя как свободное бытие, то это происходит потому, что я знаю себя, так сказать, изнутри, непосредственно воспринимая себя в своем существовании. Другой же с необходимостью знает меня лишь извне. Поэтому для «внешнего» взгляда Другого я предстаю в качестве моего тела, которое существует в окружении неодушевленных вещей и представляет собой, подобно им, некоторую фиксированную определенность, т.е. несвободное бытие. Тем самым Другой своим взглядом лишает меня специфически человеческого способа существования, отчуждая мое свободное бытие. Сартр считает, что взгляд Другого отчуждает мое бытие не только тогда, когда он устремлен непосредственно на меня, но и тогда, когда он обращен на мир. Дело в том, что взгляд Другого конституирует особый, своеобразный мир, отличный от того мира, который конституирован моим взглядом. «Появление Другого в мире соответствует фиксированному перемещению всего универсума, смещению центра мира, подрывающему снизу централизацию, которую я в то же время провожу»¹⁴. Это означает, что взгляд Другого разрушает мой мир, дезинтегрирует, «крадет» его.

Будучи свободным бытием, я не могу спокойно и безропотно относиться к отчуждению моей свободы Другим. Поскольку же я стремлюсь вернуть себе свободу, отчуждаемую взглядом Другого, с моей стороны возможны два основных типа отношений к Другому. Во-первых, я могу попытаться ассимилировать бытие Другого, т.е. слить его со своим бытием, чтобы его взгляд стал моим собственным взглядом. Во-вторых, я могу стремиться к тому, чтобы полностью уничтожить субъективность Другого, превратив его в чистый объект, у которого не может быть никакого взгляда. Разновидностью первого типа отношений является стремление ассимилироваться в Другом, растворив свое бытие в его бытии. Эти типы моих отношений к Другому являются вместе с тем основными типами отношений Другого ко мне, поскольку Другой есть другое Я, по отношению к которому мое собственное бытие выступает как Другое. Итак, единственная связь, возможная между двумя индивидами, оказывается связью взаимного отрицания. «Для существования Другого недостаточно, чтобы я отрицал из себя Другого, но необходимо еще, чтобы Другой отрицал меня из себя одновременно с моим собственным отрицанием. Оно является фактичностью бытия-для-других»¹⁵. Взаимное отрицание с неизбежностью приводит к конфликту. Именно он,

по Сартру, и составляет «первоначальный смысл бытия-для-другого»¹⁶. Все конкретные отношения с Другим являются лишь воплощением этого неустрашимого и «фундаментального» конфликта: происходит постоянное движение от Другого-объекта к Другому-субъекту, и «мы никогда конкретно не можем занять положение равенства, т.е. положения, где признание свободы Другого влекло бы за собой признание Другим нашей свободы»¹⁷.

Вражда, конфликт, отчуждение неизбежны; они проистекают из структуры «бытия-для-себя», из самого существования. «С тех пор как я существую, я устанавливаю фактическую границу свободе Другого: я есть эта граница, и каждый из моих проектов проводит эту границу вокруг Другого»¹⁸. Любой «проект», любое поведение, даже самое терпимое, выполняет роль посягательства на свободу Другого. Отсюда, по Сартру, происходит понятие вины и греха: «первородный грех и есть мое появление в мире, где существует Другой, и какими бы ни были мои последующие отношения с Другим, они будут только вариациями на первоначальную тему моей виновности»¹⁹.

Значит, Другой необходим каждому для самосознания, для конституирования своего внутреннего мира. Ведь «только поскольку каждый человек противопоставляется Другому, он есть абсолютно для себя; он утверждает против Другого и по отношению к Другому свое право быть индивидуальностью»²⁰.

По логике Сартра, присутствие Другого позволяет отказаться от понимания человека как субстанции. То есть человек никогда не завершен – он есть несамостоятельное, абсолютно пересматриваемое нечто. В то же время Другой – это выход из сферы субъективности. Но в отношениях между Я и Другим постоянно происходит конфликт, борьба, в которой и конституируются важнейшие экзистенциалы: вина, грех, страх, стыд. Со стороны Другого, по Сартру, возникает угроза превращения человека в объект, отчуждения свободы индивида: «Другой присутствует для меня повсюду, как то, посредством кого я становлюсь объектом»²¹. Напротив, Бахтин видел в Другом путь, ведущий к диалогу. Это различие кроется, пожалуй, на уровне цивилизационной ментальности. Ведь если в русском языке слова «друг» и «другой» — однокоренные, то в языках народов Западной Европы они не имеют ничего общего.

Насколько успешным может быть усилие уклониться или заслониться от установленной Сартром неумолимой «объективирующей» способности Другого? Вспомним евангельское: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее. Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а самого себя погубить или повредить себе?»²² Тем самым известный тезис о невозможности жить в обществе и быть свободным от него – это запрет, оказывается, не столько социальный, сколько антропологический и онтологический: индивид может реализоваться в человеческом качестве исключительно при наличии Другого. Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что топология пространства

человеческого (в истинном смысле этого слова) бытия задается нерасторжимой связью и полным противоречий взаимодействием Я и Другого.

Возвращаясь в свете вышеизложенного к проблеме толерантности, приходим к достаточно ожидаемому выводу, что толерантность – понятие многокачественное и системное, характеризующее человека и человеческие отношения по крайней мере с онтологической, гносеологической и этической сторон.

В первую очередь толерантность как принятие, допущение Другого – это не столько акт доброй воли, т.е. нечто желательное, но не обязательное, сколько неотъемлемое органическое качество человеческой природы, то, без чего человек не может состояться как таковой. «Я без Другого... имеет нулевой уровень субъективности. Говоря проще, личность сливается с природным началом, человеческое и культурное растворяется»²³.

То есть *ксенофоб* – это даже и не в полной мере человек. Сознательная демонстрация ксенофобии, являясь насилием прежде всего над самим собой, является не более чем позой, попыткой внешним образом представить себя находящимся в дочеловеческом состоянии. Ксенофобная стратегия поведения внутренне онтологически и логически противоречива, подобно поклонению злу в экзотических сатанинских культах.

Как последовательный поборник зла должен медленно обратить его на себя как на самый близкий объект и принять меры к самоуничтожению, так и индивид, не приемлющий субъектности и неповторимости Другого, с неотвратимостью бумеранга сам оказывается неконституированным. Можно сказать, что человек как индивид самосознающий, рефлексирующий и познающий окружающий мир – это одновременно и индивид толерантный. Таким образом, *толерантность для человека – свойство жизненно необходимое, атрибутивное, вопрос не количества, а качества, а точнее, видимо, меры*.

Толерантность не только определяет направление и качество познавательных процессов, но и задает саму их возможность. Акт познания сам по себе, без потенциальной обращенности познающего к Другому, без неявного присутствия последнего, оказывается не более чем актом восприятия. Работа сознания есть объективирующее постижение субъективных впечатлений. Э. Гуссерль считает, что научная «идеальность из своего изначального внутриличностного истока, в котором она представляет собой образование в пространстве души первого изобретателя, достигает своей идеальной объективности... посредством языка, в котором она обретает, так сказать, свою языковую плотность»²⁴. Тем самым «язык и сознание человеческого сообщества выступают солидарными возможностями, уже данными в тот момент, когда возникает возможность науки»²⁵. Эти рассуждения имеют смысл, только если мы исходим из предположения об интеллектуальной сопоставимости Я и Другого, которое является одним из значений понятия «толерантность».

В трактовке Гуссерля чтение сообщения Другим должно быть активным «послепониманием», в против-

ном случае смысл его остается мертвым. Смысл должен быть «реактивирован»: мы, читающие Другие, должны повторить активность того сознания, которое когда-то конструировало смысл. Речь идет не о конкретном сознании – например, понять, что делалось в голове Пифагора. Гуссерль имеет в виду, что чтение должно быть вновь созданием смысла. Поскольку смысл не может сохраняться в рамках отдельного сознания, он должен откладываться, осаждаться, чтобы потом быть вновь активно послепонятым²⁶.

При этом толерантность находит свое место в структуре как классической, так и неклассической научной рациональности. В классическом понимании рациональность обосновывала саму возможность диалога с Другим, ибо если что-либо рационально, то я могу передать это Другому. Но в мире, отвечающем принципам классической рациональности, нет необходимости для того, чтобы в нем рождалось новое. Тем не менее оно рождается, но без необходимости – если бы таковая была, то не было бы новаций и мир был бы полностью завершен. То есть классическое естествознание, отделив человека от природы, создало онтологию природы, полная завершенность которой складывается до человека и без человека.

Наоборот, согласно неклассической парадигме, действительный мир спонтанно творится, т.е. оставляет место для законопорождающей случайности и самостоятельности Я и Других. Человек из постороннего наблюдателя, изучающего мир, превращается в действующего субъекта. Более того, квантовая механика убедительно показала принципиальную невозможность отделить исследователя от объекта исследования. Тем самым, исключив из своего словаря такие понятия, как «Абсолютное знание» и «Абсолютный Наблюдатель», который в принципе не может родиться в нашей непрерывно изменяющейся Вселенной, мы неизбежно приходим к представлению о множественности пониманий, поскольку каждое из них связано с неповторимыми особенностями конкретных наблюдателей – разумов²⁷.

Этот факт, на этот раз в рамках неклассической рациональности, утверждает идею толерантности как признания самостоятельной и самоценной гносеологической позиции Другого.

Наконец, не будь Другого как носителя представлений и ценностей, отличных от наших собственных, человеческое общество просто не реализовалось бы как таковое – оно представляло бы собой только видовую популяцию. Нетождественный мне Другой превращает мои действия в поступки, порождая тем самым всеохватывающую ткань моральных отношений.

Одновременно субъектность Другого неотчуждаема, мы не можем превратить его по отношению к себе только в объект, не утратив при этом собственной субъектности. Поэтому интерпретированная в этической традиции установка на толерантность оказывается эквивалентной категорическому императиву Канта: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к

цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»²⁸.

Направляется вывод, что человек, рассмотренный в онтологическом, гносеологическом и этическом аспектах, изначально толерантен уже в силу того, что он – Человек, толерантность заключена в самой человеческой природе. Точнее, он настолько человек, насколько он толерантен. Изложенное позволяет сформулировать следующее определение **толерантности**: *это атрибутивное свойство человека, характеризующее его отношение к Другому как равносубъектной личности, индивидуальность которой, проявляемая в рамках нравственного императива, детерминирует качество его собственного бытия и познания.*

¹См.: Развитие толерантности кадров управления: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. А.А.Деркача. М., 2005. С. 5—6.

²См.: Анищев А.Я., Шитлов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. М., 2002.

³См.: Идентичность и толерантность: Сб. ст. / Отв. ред. Н.М. Лебедева. М., 2002.

⁴См., напр.: Валитова, Р.Р. Толерантность: порок или добродетель // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 21—39.

⁵См.: Словарь иностранных слов / Ред. В.Л. Пчелкина. М., 1989. С. 544.

⁶Там же.

⁷См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1983. С. 707.

⁸Бахтин М.М. Философия поступка. М., 1966. С. 159.

⁹См.: Попов Б.Н. Другой в современной философии. М., 2001. С. 29.

¹⁰Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 273.

¹¹Там же. С. 277.

¹²Там же. С. 295.

¹³См.: Можейко М. Введение в философию. Минск, 2000. С. 32.

¹⁴Сартр Ж.-П. Указ. соч. М., 2000. С. 279.

¹⁵Там же. С. 322.

¹⁶Там же. С. 379.

¹⁷Там же. С. 421.

¹⁸Там же. С. 422.

¹⁹Там же. С. 423.

²⁰Там же. С. 548.

²¹Там же. С. 302.

²²Евангелие от Луки, 9:24-5.

²³Дворникова Е.И. Проблемы воспитания толерантной личности через формирование культурной идентичности // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): Сб. науч.-метод. ст. М.; Воронеж, 2003. С. 54.

²⁴Гуссерль Э. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М., 1996. С. 216.

²⁵Там же. С. 95.

²⁶См.: Попов Б.Н. Другой в современной философии. М., 2001. С. 131.

²⁷См.: Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 54—57.

²⁸Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4(1). С. 270.

Социология: Учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки бакалавров и магистров «Социология» (040100) / Тощенко, Жан Терентьевич. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 607 с. (Серия «Cogito ergo sum»).

В четвертом издании учебника в соответствии с третьим Государственным образовательным стандартом по социологии развиты и дополнены принципиальные положения авторской концепции социологии жизни, которая базируется на раскрытии фундаментальных и прикладных проблем общественного сознания и социальной практики в условиях реальной социальной среды. Дан анализ основных социальных явлений и процессов экономической, социальной, политической и культурной сфер общества. Представлен богатый эмпирический материал, помогающий понять сложность, неоднозначность и противоречивость происходящих изменений и определить пути и средства управления ими. Для бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Социология», аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, знакомящих с основами социологии студентов социальных, гуманитарных, естественно-научных и технических специальностей в рамках основной общеобразовательной подготовки.

Postmodern as the apologia of the antiquity and the reaction

Постмодерн как апология архаики и реакции

Vladimir Anatolevich Lepelin
E-mail: office@unity-dana.ru

Владимир Анатольевич Лепехин

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.13

Annotation. The article discusses the relation of postmodernism, tradition and archaism in several interrelated contexts: contemporary culture, geopolitics, and modernization processes.

Keywords: postmodern, postmodernism, modernization, revolution, tradition, antiquity, deconstruction, development, devolution

Аннотация. В статье рассматривается соотношение постмодерна, традиции и архаики в нескольких взаимосвязанных контекстах: современной культуры, геополитики и модернизационных процессов.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, модернизация, революция, традиция, архаика, деконструкция, развитие, деволуция

Известно, что у термина «революция» множество определений. Но наиболее точное – в русском языке, поскольку в России это понятие, не имея аутентичного аналога в словаре русских слов, обозначает конкретные события 1917 г. и некоторые вытекающие из этих событий процессы вроде «научно-технической революции».

Возможно, именно в силу имманентной многозначности данной категории или не-строгого терминологического к ней отношения на Западе и Востоке от России «революциями» за рубежом часто называются события и явления самого разного свойства – от банальных государственных переворотов до откровенных деволуций.

Еще более не-строго и противоречиво, на наш взгляд, относятся в мировом гуманитарном мейнстриме (в особенности в западных странах) к понятиям «модерн», «постмодерн», «постмодернизм» и «модернизация».

Несмотря на этимологию этих терминов, имеющих в своем основании слово *modern*, что значит «новейший», «современный», в русском языке данные термины имеют дополнительные смыслы и самые разные коннотации. К примеру, под «модернизацией» в России понимается не только осовременивание и обновление, но также преобразования, преображение и вообще некие «качественные, системные и заведомо позитивные перемены»¹.

Симптоматично, кстати, что если понятия «модерн» и «постмодерн» давно стали доминантой ведущих западных культурологических дискурсов, не собирающихся сдавать свои позиции и в XXI в., то, например, в сфере экономической к понятию «модернизация» те

же западные экономисты относятся весьма осторожно, предпочитая – в контексте обсуждения передовых моделей экономического развития – использовать категорию «реформы».

Еще более осторожно и неоднозначно относятся к термину «модернизация» евроамериканские политики и политологи – куда более осторожно и неоднозначно, чем даже к более жесткому и ответственному понятию «революция». (Политическая модернизация, как и модернизация в экономике, предполагает наличие конкретных действий и не менее конкретных результатов, под революцию же можно списать любое протестное выступление некоторого количества масс, заканчивающееся даже не сменой власти, но сменой фигур во власти).

Наконец, западные, а вслед за ними и российские социологи, говоря об изменениях в социальных системах, но, видимо, не желая (большей частью подсознательно) реальных, системных и содержательных перемен, предпочитают использовать термин «трансформация».

Чем объясняются различия в использовании термина «модерн» и иных, производных от него и близких к нему по смыслу понятий в тех или иных специальных контекстах? Только ли целесообразностью акцентуации тех или иных (отраслевых) особенностей названных понятий?

С точки зрения автора настоящей статьи, эти различия связаны, прежде всего, с исторически обусловленными особенностями антропофактора в тех или иных цивилизационных системах (о чем автор настоящей статьи пишет в ряде работ)², а также со спецификой современных западных рынков – в сфере культуры, науки, образования, экономики, политики и пр.

Так, рынки культурного продукта требуют относиться к сфере модерна или постмодерна все, что – не относясь к классике – не просто имеет отношение к массовой культуре, но настойчиво ищет массового покупателя. По этой причине термин «постмодерн» почти тождественен понятию «мода»: постмодерн объявляется модой, ну а все модное и как бы нетрадиционное объявляется по возможности постмодернистским.

В такой ситуации любой культурный продукт, включая, к примеру, «самую объективную» информацию, производимую, допустим, независимыми или государственными СМИ, проходит через своего рода предпродажную подготовку: когда на каждый текст,

видеосюжет или ньюс так или иначе наносится пост-модернистский глянец, способствующий росту потребительской стоимости товара.

Надо ли объяснять, что даже некоторая определенность стилей и наличие вполне внятных культурных образцов в пространстве постмодерна подчинены в большей степени рыночной конъюнктуре, чем критериям качества, высокому художественному вкусу и тем более задаче собственно «осовременивания» культуры, т.е. культурной эмансипации общества?

Постмодерн – это яркая и броская упаковка для любого культурного, интеллектуального или социополитического товара, как того требуют законы глобального рынка. И лишь горстке интеллектуалов приходит в голову говорить о разделении рассматриваемого нами феномена на «постмодернизм сопротивления» и «постмодернизм реакции».

В связи со сказанным главный вопрос, который возникает при столкновении с произведениями и явлениями, соответствующими стилю и духу постмодерна, становится вопрос: насколько соотносится последний с такими, в частности, понятиями, как «осовременивание», «обновление», «развитие» и «прогресс»?

Чтобы понять, насколько актуален данный вопрос, приведу несколько определений постмодернизма из статьи В.С. Малахова «Постмодернизм»³ с авторскими к ним комментариями.

В.С. Малахов:

Постмодернизм представляет собой скорее умонастроение, интеллектуальный стиль. Как тип ментальности постмодернизм – это гиперрефлексия, возникшая в условиях религиозно-философского вакуума, дискредитации идеологических концептов, тотального релятивизма, перепроизводства предметов сиюминутного потребления. Как творческая установка постмодернизм являет максимум интеллектуально-игрового, *эвристического, рефлексивного, деструктивного и минимум смыслообразующего*.

В.А. Лепехин:

а) с моей точки зрения, подобное определение в равной степени характерно для постмодерна во всех сферах общественной жизни: в искусстве, литературе, философии и вообще – в науке, экономике, политике, гражданских активностях, etc.;

б) ключевыми в вышеприведенном пассаже являются слова «вакуум», «дискредитация», «перепроизводство», «деструктивный» — понятия, никак не связанные с прогрессивным развитием, но, напротив, противостоящие ему.

В.С. Малахов:

Из рассуждений Бодрийара о гиперреальности в работе этического можно сделать вывод, что суть постмодернизма – кокетство. «Имманентная сила соблазна, – пишет он, – все и вся отторгнуть, отклонить от истины и вернуть в игру видимостей». Сила образа – это секрет, который в действительности лишен того, что могло бы быть раскрыто, – *какого-либо смысла и содержания. Соблазн такого искусства – в намеках на якобы существующую здесь тайну..* Образ хаотического сверх-

сложного мира – отправной момент современной художественной культуры; постмодернизм – изображение мира, о котором нет знания.

В.А. Лепехин:

В данном случае ключевыми словами и словосочетаниями следует считать «отклонить от истины», «лишен содержания», «хаотическое», «нет знания» - и эти понятия никак не отнесешь к категории (определяющей суть подлинной «модернизации») «качественные и позитивные изменения», которые должны быть свойственны концептам, призванным прийти на смену предшествующим в качестве более развитых и совершенных.

Можно привести еще множество расхожих определений постмодернизма, единых в главном – в том, что сегодня это такое направление в культуре, политике, экономике и т.п., которое вопреки этимологии термина «модерн» ну никак не вяжется с понятиями «обновление» и «развитие». Постмодерн, по сути, противостоит модерну как стилю (форме), но еще больше он противостоит модернизации как содержательному процессу. Более того, он призван подменить содержание конкретных процессов (в частности, процесса реального развития) формой, действие — текстом, явление, процесс или объект – его образом, коннотат – денотатом.

Приставка «пост» («после») в данном случае означает ровно то, что означает: такое состояние общества, которое исследователь всего-навсего фиксирует как новый временной отрезок.

Это состояние – ПОСЛЕ модерна — связано не с новым витком развития (повторением пройденного на более высокой ступени развития), что часто имеется в виду под приставкой «пост», а всего лишь с тем, что следует за модерном, причем не в его развитие, но скорее (если исходить из приведенных выше определений) — в его отрицание.

И раз так, то современный постмодерн суть время вне развития, вне ориентиров и горизонтов и, следовательно, вне позитивного (не рыночного) целеполагания, вне как бы открытых правил, понятных рамок, легитимных стандартов, заданного функционала, утвержденных критериев и т.п.

Идем дальше: по факту эпоха постмодерна — это время деконструкций, демотиваций и девальваций. Желательно всего, во всем и тотально. Это время хаоса, стыдливо называемого иногда плюрализмом; однако же с учетом того, что плюрализм всегда предлагает наличие определенных рамок (установленных демиургами постмодерна), в которых осуществляется взаимодействие некоего множества субъектностей и концептуальностей, постмодерн предполагает весьма ограниченный хаос⁴ – ограниченный хотя бы критериями самого постмодерна. В частности, критериями и правилами его визуализации. Ясно ведь, что, к примеру, Энди Уорхолл – не просто один из представителей постмодерна. По оценкам XXI в., его произведения – образец постмодернистской «классики»: ярко, броско, схематично, небрежно и дорого.

Словом, можно утверждать, что существует как минимум пара категорий, придающих постмодерну и

постмодернизму осязаемость и фиксируемую определенность. Категории, подчиняющие себе всю логику мейнстримального «осовременивания». И они звучат так – «не скучно» и «дорого».

«Не скучно» — одна из ключевых рыночных категорий, проистекающая из правила 1 любого маркетинга: продукт должен быть интересен потребителю. Правила маркетинга основаны на опыте продаж, свидетельствующем, что поиск истины заведомо скучен, объективность по определению банальна, а реальность, как правило, обыденна. Иное дело – интеллектуальные и иные игры, «ломка стереотипов», погружение в гиперреальное и потустороннее, виртуальное и аморальное, запредельное и запретное, необычное и скандальное. Иное дело — смакование (а значит, и оправдание) всевозможных патологий, а то и уродств.

Что же касается категории «дорого», то здесь нужно понимать следующее: постмодернизм как стиль во имя стиля и инструмент установления моды на все продвигаемое (постмодерн превращен в инструмент брендинга реальности) сориентирован, как бы кто-то не утверждал иное, прежде всего на капитализацию производимого приверженцами постмодерна продукта.

Идеальный образец такого продукта – последний фильм Бондианы «007: Спектр», в котором вполне классическая история (борьба хороших парней с плохими) сопровождается доведенной до совершенства постмодернистской стилистикой, когда главный герой – «мистер глянец» — идет на дело непременно в самых модных и дорогих костюмах, а главная идея фильма (что бросается в глаза уже с первого кадра) — уже не борьба с мировым злом, а product placement⁵.

Заметим, что подчеркнутая деструктивность и нарочитая брутальность постмодерна заставляют его критиков навешивать на него всевозможные ярлыки и возводить до уровня универсально-массового стиля (к примеру, в искусстве – поп-арта) и даже поп-идеологии. После чего объявляется, что постмодернизм – это гиперрефлексия и сверхфрустрация, тотальный нигилизм и релятивизм, эклектика и алогичность, вторичность и фрагментарность, поверхностность и временность, необязательность и неопределенность, избыточность и одновременно недостаточность, сарказм и пофигизм, внесистемность и контркультурность, квазиэлитарность (гламур) и культивируемая бессодержательность при одновременной гипертекстуальности и увлечении разного рода визуализациями (глянец), а также снова – ХАОТИЧНОСТЬ и «переворачиваемость всего с ног на голову и обратно».

Интеллектуалы и приверженцы такого взгляда на постмодернизм, согласно которому в нем имеется-таки толика «постмодерна сопротивления», придумали «концептуальное искусство» и соответственно «креативную политику», «бизнес в стиле фанк», «калифорнийскую идеологию» и прочие чуть более «продвинутые» направления и жанры постмодерна.

Как бы там ни было, все названные выше определения постмодернизма вполне соответствуют образу данного феномена. Однако, как и всякий постмодерни-

стский образ, образ самого постмодерна лишен естественности. Постмодернизм – искусственная конструкция, в которой нет никакой иной рефлексии, кроме фальшивой, в ней нет никакой иной концептуальности, кроме постмодернистской; нет в ней и внесистемности, поскольку даже хаос сегодня сверхсистемен.

Время постмодерна совершенно естественным образом (такова политическая – прозападная, транслатантская – изнанка постмодернизма) становится временем подмен и провокаций, кризисов и распадов, расколов и конфликтов, фактически — преддверием и предпосылкой тотальных катастроф и аннигиляции всего человеческого.

И какое отношение постмодернистские «интеллектуальные игры» и прочие деконструкции имеют к предлагаемому Западом миру демоявлениям «модернизаций» и «революций»? Какое они имеют отношение к реальному социальному прогрессу и развитию человечества как таковому? Тем более что за постмодернизмом западная цивилизация пока что не видит ничего, кроме ПОСТ-ПОСТмодерна – как в лучшем случае пролонгации нынешнего состояния общества, не развивающегося и собственно модернизирующегося, а всего лишь трансформирующегося (адаптирующегося) под новую логику управления миром⁶.

Чтобы представить себе в полной мере возможные последствия навязываемого всем и вся постмодернистского меню (от которого мир, к сожалению, пока что не в состоянии отказаться), следует разобраться в том, что мы имеем на другом полюсе всякого развития.

Думается, что в качестве нежелательной и заведомо проигрышной альтернативы «осовремениванию», «развитию», «модернизации» и пр. нынешние законодатели социокультурных, политических и иных мод подают АРХАИКУ, часто выдавая за нее здоровые традиционалистские феномены и одновременно культивируя всамделишные архаизмы и реакцию там, где называют модернизационные процессы. Такова логика постмодерна, предполагающая, повторяем, бесконечное множество подмен, с тем чтобы в конечном счете невозможно было различить, где террористы, а где сепаратисты, где Господь, а где дьявол, где демократия, а где олигархия.

Архаика – это, как известно, не просто то, что предшествует классике. В обыденной жизни под архаикой понимается нечто, что «отстало от жизни» и не соответствует представлениям о новейшем и перспективном. С точки же зрения постмодернистов, архаика – любая традиция, отказ от которой и есть прогресс как движение вперед, к неким вершинам развития человечества.

Думается, традиционное (нуждающееся в сохранении даже в процессе модернизации) нужно отличать от архаичного как феномена, объективно нуждающегося в том, чтобы его оставили в покое: общество само разберется, что с ним делать.

К примеру, в современном православии наверняка можно найти какие-то архаичные с точки зрения светского (и особенно западного, предельно секуляризованного) человека черты и артефакты. Однако же

объективно и в целом, например, Русская православная церковь – один из важнейших институтов русско-российской традиционной культуры, вне всякого сомнения нуждающийся в сохранении и даже упрочении во всей своей имманентности. Утверждение же обратного – один из ключевых тезисов современного постмодернизма как способа предельно деструктивного и шизофренического отношения ко всему конструктивному и целостному.

Традиция суть важнейшая составляющая любой национальной культуры, и уход тех или иных традиций (а тем более их искусственное упразднение) равносильен концу культуры в той или иной стране как таковой. В этом смысле сворачивание, например, православной культуры в России будет означать – ни больше, ни меньше – аннигиляцию русско-российской культуры путем ее растворения в постмодернизме со всеми его (см. выше) прелестями. В особенности это касается этики – уж поскольку большинство граждан России – хотят они того или нет – живут в системе координат и регуляторов (мораль и правовая система), сформированных на основе и в контексте библейских ценностей.

Архаика (если под ней понимать то, что явно устарело и мешает развитию) – такие элементы традиционной культуры, которые противостоят не только прогрессу, но и собственно традиции, ибо накладывают на последнюю тень ретроградства. Традиция же не противостоит развитию. Только на основе традиции и возможен подлинный прогресс – подобно тому как из зерна вырастает колос, дающий новые зерна. В то время как архаика – те зерна, которые в силу тех или иных причин уже не способны прорасти.

«Законы шариата», внедряемые сегодня в качестве основного регулятора повседневной жизни в ряде исламских стран через такие явно постмодернистские проекты, как «Исламский халифат», призваны деконструировать (через погружение в реакцию) традиционные для ближневосточных и любых других стран системы права ради того, чтобы в мире доминировала в итоге только одна система права – американская. Подобные силлогизмы характерны и для других сфер общественного бытия, подвергающихся глобализации.

Структура названного силлогизма в геополитическом разрезе выглядит, с нашей точки зрения, следующим образом:

- на *первом этапе* включения тех или иных суверенных стран в орбиту глобализации в общественном устройстве этих стран под лозунгами, к примеру, национально-освободительного движения усиленно воспроизводится политическая, социокультурная и экономическая архаика (радикальный исламизм, национализм, сектантство, родо-племенные отношения, теневые бизнесы, квазишариат, «народные» люстрации и пр.);
- на *втором этапе* усилиями альянса охлократии (как воплощения социальной архаики) и олигархии (как социального базиса постмодерна) происходит уничтожение традиционной культуры и национальных систем управления (а

также индустриальных производств, суверенных политических и гражданских институтов, независимых СМИ, а также национальных, религиозных и социальных идентичностей);

- ну и на *третьем этапе* «зарвавшаяся охлократия» загоняется в рамки новой глобальной диктатуры «с человеческим лицом».

Но вернемся к рассмотрению традиции и архаики.

Самым наглядным примером того, как соотносятся традиция, архаика и реальный прогресс, является русский язык – его эволюция.

В современном русском языке немало заимствованных или просто измененных слов, а в условиях научно-технического прогресса их становится все больше. Тем не менее основная конструкция русского языка – его корни и принципы словообразования остаются неизменными.

Полагаем, что именно так и должны соотноситься между собой традиция и модерн: традиции (как совокупность цивилизационных сущностей любого народа) – тот остов, который определяет статичность любой культурной конструкции; подлинная же модернизация (языка и любых других элементов культуры) призвана дополнять или корректировать эту конструкцию в соответствии с разного рода жизненными обстоятельствами.

Во времена ордынской зависимости русский язык пополнился многочисленными тюркизмами, во время петровской модернизации – германизмами, сегодня он наполняется англицизмами. И от этого русский язык не стал менее русским, став лишь более гибким, насыщенным и конкурентоспособным.

Обратный пример – когда опора общества на традиции подменяется архаизацией тех или иных процессов, а реальное развитие (подлинная модернизация) замещается постмодернизмом в том значении, которое мы раскрыли выше. Так, лингвисты наверняка могут привести в качестве примера такой подмены некоторые современные квазизыки, когда оба процесса – фиксация слов-архаизмов при одновременном внедрении заимствованных слов – ведут к деконструкции естественной логики «реформируемого» языка, превращая его в феномен, требующий постоянного искусственного стимулирования.

Заметим, что само понятие «традиция» обретает смысл только в случае развития общества, когда происходит идентификация тех или иных культурных образцов по шкале «традиционное – современное». Как бы мы понимали, к примеру, что некоторые национальные праздники – та традиция, которую необходимо сохранить, если бы не возникло угрозы их нивелирования в ситуации советской или постсоветской «модернизации».

С нашей точки зрения, вне связи с понятием «развитие» традиционные образцы и явления культуры могут становиться архаизмами, консервирующими общество в его не только домодернистском, но и в доклассическом состоянии.

К примеру, двуязычие в ряде постсоветских стран – пример сочетания традиции и современности,

в то время как отказ той или иной страны СНГ от русского языка без замены его каким-то другим языком межнационального общения цивилизационного уровня ведет к архаизации в названной стране языковой и в целом культурной сферы.

Так обстоит дело в языке, проникновение в структуру и содержание которого в России (несмотря на отдельные попытки подобного в петровское, а затем и в раннесоветское время) не стали столь масштабными, чтобы лишить его самобытной основы. Между тем в России, являющейся не просто государством, но, по сути, уникальной цивилизацией, прошедшей через несколько модернизаций, в принципе почти отсутствуют архаизмы в культурной и какой-либо иной сфере. Иное дело – засилье в последние несколько десятилетий постмодернизма, не только разрушающего пространство традиции, но и нивелирующего предпосылки к осуществлению реальной модернизации.

Постмодернизм, становящийся синонимом контрразвития и системной деградации, по сути, предопределяет новую АРХАИЗАЦИЮ подопытных обществ (см. выше), когда в них в тех или иных сферах жиз-

недеятельности происходит такая примитивизация (посредством, в частности, консьюмеризации) процессов и отношений, что впору говорить о контрразвитии, контрмодернизации и контрреволюции.

¹Определения понятия «модернизация» См.: *Тамак В.А.* Законы модернизации. М.: Новости, 2010.

²*Лепехин В.А.* Обоснование актуальности антропологического похода в исследовании русско-российской цивилизации // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 12. С. 274—278; см. также: *Лепехин В.А.* Антропоцентрический мир как антитеза глобальным утопиям: Докл. на Междунар. конф. «Пятое Зиновьевские чтения «Русская трагедия и Русская мечта» 27 октября 2014 г. // Url: <http://zinoviev.info>

³*Малахов В.С.* Постмодернизм. // Энциклопедия Кругосвет. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/POSTMODERNIZM.html

⁴ Об управляемом хаосе см.: *Лепехин В.А.* Владимир Путин: теория хаоса // http://rusnext.ru/recent_opinions/1449957985

⁵«Мистер глянец» — авторское определение главного героя Бондианы.

⁶По мнению автора статьи, на смену постмодерну идет идеология «трансгуманизма». Об этом см.: *Лепехин В.А.* Как и от чего погибнет человечество // http://rusnext.ru/recent_opinions/1442590403

Социология: Учебник для студентов вузов / под ред. В.К. Батурина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 487 с. (Серия «Золотой фонд российских учебников»).

Рассматриваются основополагающие концепции, теории, методологические подходы, понятия современной социологии в ее историческом и логическом развитии. Особое внимание уделяется анализу фундаментальных проблем развития современного общества средствами и методами социологической науки.

Для более глубокого усвоения теоретический материал сопровождается анализом актуальных проблем развития современного общества.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, а также для всех интересующихся социологией и решением проблем развития современного общества.

Education reform end the socio-cultural vektor of Russia's modernization

Реформа образования и социально-культурный вектор российской модернизации

Dmitry Georgievitch Lotchakov,
PhD in Philosophy, docent of the Department of
Sociology and Political Science at the Moscow
University of MIA of Russia
named after V. J. Kikot,
E-mail: office@unity-dana.ru

Дмитрий Георгиевич Лощаков,
кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России им.
В. Я. Кикотя,

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.14

Annotation. This article analyzes the reform of Russian education from the perspective of compatibility of Russian and Western systems of values in the conditions of the modern globalization processes.

Keywords: education reform, modernization, globalization, westernization, Russian modernization, cultural paradigm

Аннотация. Рассматривается реформа российского образования под углом зрения совместимости отечественной и западной систем жизненных ценностей в условиях глобализационных процессов.

Ключевые слова: реформа образования, модернизация, глобализация, вестернизация, российская модернизация, культурная парадигма

Процессы интеграции и глобализации в современном мире сопровождаются стандартизацией и унификацией основных сфер жизни общества: производства, законодательства, систем управления, подготовки кадров в национально-государственных, региональных и международных рамках. Проводимая в России реформа образования находится в русле обозначенных процессов и имеет целью интеграцию России в единое общеевропейское образовательное пространство, а в перспективе и в мировое образовательное сообщество.

Преимущества и возможности глобализации очевидны, но также очевидно и то, что максимальную пользу из этих преимуществ извлекают сегодня те страны, которые первыми прошли процесс модернизации, т.е. перешли от общества традиционного к современному индустриальному.

Страны, не успевшие завершить модернизацию к началу интенсивных глобализационных процессов, неизбежно вовлекаются в общий поток интеграции нередко на условиях узкой специализации, часто в ущерб их общему социальному развитию. Поскольку современная Россия не принадлежит к числу стран, входящих в мейнстрим глобализационных процессов, вопрос о способе включения в эти процессы является для нее весьма актуальным.

«Для российского общества, как и для многих других стран второго и третьего эшелона, необходимым условием доступа ко всем возможностям международной интеграции является определенный уровень унификации и стандартизации основных сфер их жизнедеятельности по западному образцу. Для системы образования этот образец задан «Болонским процессом», и как бы мы ни относились к происходящим в этой сфере преобразованиям – другого пути у России нет, — международная интеграция на сегодняшний день является непреложным фактом».

Так или примерно так представляют себе наши либералы-реформаторы постановку вопроса в логической цепочке «реформа образования – модернизация – глобализация». Эта логика кажется самоочевидной и безальтернативной, особенно если верить в то, что вектор глобализации имеет общечеловеческую направленность и призван найти свое завершение в «большой дружной семье» всех стран и народов, каждый из которых на равных пользуется возможностями и преимуществами этого объединенного сообщества.

Однако при более внимательном взгляде на проблему можно заметить, что глобализация, несмотря на свои планетарные масштабы, не является общечеловеческой по своему социальному содержанию. Она есть следствие процессов, зародившихся и протекающих в рамках техногенной цивилизации западного типа. В современном международном разделении труда достаточно ясно прослеживается иерархия стран и регионов, одни из которых являются собственниками высоких технологий, а другие — поставщиками природных ресурсов и дешевой квалифицированной рабочей силы.

Какое место предназначено России в этой иерархии и чем за это придется платить? Очевидно, что модернизация российского общества невозможна без реконструкции системы профессиональной подготовки кадров, равно как его материально-технической базы, социальной инфраструктуры и других сфер жизни. «Болонский процесс», нацеленный на создание системы универсального образования на европейском

континенте, естественным образом исходит из своих собственных, западных традиций и наработок в этой области, которые в большинстве своем значительно расходятся с российскими образовательными традициями и самой системой жизненных ценностей.

Попытки сопряжения западной и отечественной систем ценностей уже предпринимались в ходе нашей истории — они сопровождали неоднократные российские модернизации, ориентиром которых всегда выступали западные порядки. Часть этих попыток была успешной — Россия приближалась и даже вставала на один уровень с развитыми западными странами по таким важным показателям, как объем промышленного производства, научный, военный, образовательный потенциал. Вместе с тем очевидно также и то, что результаты этих модернизаций всегда носили половинчатый, незавершенный характер и никогда «не дотягивали» до западного образца.

Реформы постсоветского периода по глубине и масштабу социальных сдвигов, были одними из самых радикальных, но и они не стали исключением из правила — экономическая и политическая демократия упорно не хотят прививаться на российской почве, превращаясь в подобие ритуальных действий, под прикрытием которых происходят совсем иные процессы.

На протяжении веков, начиная с реформ Петра I, реформаторы и революционеры пытались внедрить в российском обществе западные ценности и образцы поведения и каждый раз наталкивались на их массовое неприятие, отторжение. В чем причина такого «исторического однообразия»? Одни по сложившейся либеральной традиции видят ее в отсталости и консервативности России, в силу которых наша страна обречена на так называемое «догоняющее развитие». Другие — в том, что реформы были сориентированы не на те составляющие западной культуры, в то время как «заимствовать надо только лучшее и передовое». Третьи выражают сомнение в самой совместимости этих систем культурных ценностей. Не пытаясь включаться в эту полемику, посмотрим на методологические основания обозначенных позиций.

Первые две позиции восходят к метафизическому рационализму XVII—XVIII вв. с его линейной моделью мировой истории. С тех пор человечество ушло далеко вперед — на смену механическим представлениям об обществе пришло его системное видение, а линейные модели истории уступили место более сложным нелинейным представлениям. Однако стереотипы прошлого продолжают жить в умах ученых и политиков. Многие из них продолжают убеждать население в том, что «не стоит изобретать велосипед», раз западные страны уже нашли решение этих проблем, или рассуждают о том, что следует взять из западной культуры, а что брать не следует.

Теория модернизации, сформировавшаяся в западной науке уже в XX в., так и осталась в рамках линейных представлений о мировой истории. Она проделала определенную эволюцию от своей первоначальной формы — «вестернизации», но всецело осталась проза-

падно ориентированной. Эволюция теории модернизации коснулась путей, способов модернизации, но почти не затронула ее целей — они рисуют некую усредненную модель современного западного общества. Но является ли западная культурная парадигма столь универсальной и исторически неизбежной?

С точки зрения современных представлений каждой исторической эпохе, общественному строю, народу, типу культуры присуща своя социально-культурная система жизненных ценностей (культурная парадигма), которая определяет основные способы взаимодействия людей с миром и обеспечивает целостность и динамику общественного воспроизводства. Данная система жизненных координат определяет общее отношение людей к миру (жизни, смерти, природе, труду, другим людям), которое затем трансформируется в мотивы их поведения¹. Глубинные уровни этой системы являются определяющими, но они чаще всего скрыты явно не артикулированы, что легко создает иллюзию их отсутствия или неразвитости и рождает соблазн привнести что-то новое и разумное из других стран или культур.

Российская и западная системы жизненных ценностей имеют разные культурно-исторические корни — православие и протестантизм реализуют разные типы отношений к миру, к Богу, к государству и другим людям, но каждая из этих систем представляет собой целостное образование, все составляющие которого взаимно увязаны и предполагают друг друга.

Каковы же условия и механизмы совместимости или несовместимости культурных парадигм? Что происходит, когда в рамках одной социально-культурной системы совмещаются элементы различных культурно-исторических типов? Каковы пределы такого совмещения и его возможные социальные последствия?

Согласно теории инноваций, главным фильтром на пути внедрения новшеств является их совместимость с существующей культурой. Если новшества вступают в конфликт с действующей культурой, они либо просто отвергаются обществом, либо, уступая давлению, принимаются вместе с их конфликтными чертами, которые время от времени вызывают протест, что делает нововведения неустойчивыми. Так было, например, в период реформ Петра I, когда европейские обычаи и традиции силой внедрялись в российскую повседневную жизнь.

Однако возможна и иная ситуация, когда заимствованная извне система ценностей с течением времени перерождается и, сохраняя внешнюю форму, наполняется иным содержанием, характерным для традиционной культуры данного общества. Что-то похожее произошло в процессе адаптации теории К.Маркса на российской почве. Классический марксизм был продуктом чисто западной культуры (рационализм, экономическая и иная целесообразность и т.п.). По характеру и способам решаемых задач он явно не соответствовал исторической ситуации в крестьянской стране, стремившейся освободиться от остатков крепостного права. Но западный марксизм был адаптирован к иным историческим условиям и российским культурным традициям и стал

выполнять функции социального мифа в руках новой радикальной политической группировки, в роли которой в те времена выступали большевики².

Изучение структуры и взаимодействия культурных парадигм в масштабе мировой истории началось сравнительно недавно. В России наиболее плодотворным в этом отношении стал XIX в., когда мыслящая часть общества решала вопрос о выборе пути развития. Полемика западников и славянофилов первой трети столетия положила начало сравнительному исследованию западной и восточной (т.е. российской) систем ценностей, и уже в 1871 г. появляется фундаментальный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», предложившего первую нелинейную модель мировой истории³.

В советское время проблема противостояния российской и западной систем культурных ценностей была переведена в плоскость идеологической полемики по поводу преимуществ социалистического общественно-го строя перед капиталистическим и советского образа жизни перед буржуазным.

Сегодня проблема совместимости российской и западной систем жизненных ценностей вновь обрела актуальность. Опыт радикальных российских реформ последних десятилетий не только наглядно продемонстрировал конфликтный характер многих западных новшеств, но и заставил задуматься о возможности более драматического развития событий.

Способны ли культурные ценности, привнесенные извне на чуждую им культурно-историческую почву, привести к деградации общества? В общем виде ответ на этот вопрос звучит утвердительно. Любая культура представляет собой целостное образование, и как целостный организм взаимодействует со всеми нововведениями, отторгая их или «переваривая» в соответствии со своим культурно-историческим кодом. Однако нормальное пищеварение требует времени, т.е. предполагает эволюционные процессы. Если же культурные новации внедряются радикальными методами и общество переводится на «принудительное питание» продуктами чужой культуры, неизбежны социальные болезни и кризисы. Будучи перенесены на иную культурную почву, эти новшества могут потерять «человеческое лицо» и способны оказывать деструктивное влияние на все уровни общественной системы.

Симптомы такого деструктивного влияния мы наблюдаем на протяжении всего периода новейших российских реформ⁴. Российское население вопреки пропагандистским мифам никогда особенно не любило свое государство и не упускало возможности пожить за его счет. В советские времена стремление граждан «перехитрить систему»⁵ приобрело широкие масштабы в период застоя. Оно проявлялось в разных формах: от мелкого воровства по месту работы и поиска лазеек в существующем законодательстве до преднамеренных и организованных противоправных действий. Однако в советское время это явление не наносило критического ущерба социальному строю. «Двойное сознание» и повышенное внимание к формальной стороне поведения, которое было типичным и для широких масс на-

селения, и для самой партийно-хозяйственной элиты, обеспечивало необходимую социальную стабильность.

С началом радикальных реформ 1990-х гг. ситуация резко изменилась. Внедрение явочным порядком западных моделей в сфере экономики и политики, с одной стороны, открыло новые возможности для выхода российского общества из политического и экономического кризиса, но с другой — резко увеличило цену за злоупотребления этими новыми возможностями. Неудивительно, что в 1990-е гг. в условиях приватизации и развития рыночных отношений «паразитическая новация» расцвела пышным цветом и стала представлять реальную угрозу общественной системе. Значительная доля активного населения старалась достичь своих личных целей не «благодаря», а «вопреки» системе, по принципу «хапнул – и бежать». Большинство предпринимателей открывали дело с расчетом на быструю прибыль, а не на долговременные вложения; массы людей, включая учащихся и пенсионеров, были вовлечены во все виды незаконной торговли, контрабанды, уклонения от налогов и других гражданских обязанностей.

Радикальные реформы оказали свое разлагающее влияние и на саму «систему» — на российскую политическую и финансовую элиту, которая начиная с 1990-х гг. неоднократно и демонстративно использовала новые возможности рынка и демократии в своих узкокорпоративных интересах. Утрата населением своих сбережений, антинародный характер ваучерной приватизации и дефолт 1998 г. — наиболее яркие тому подтверждения.

Российское общество уже испытало на себе возможности западной рыночной экономики и политической демократии. Теперь на очереди прозападная реформа системы образования, которая должна затронуть еще более глубинные, фундаментальные основы российского менталитета. Стоит ли здесь ждать положительного результата или нам опять предстоит пережить «разочарование в прогрессе», а точнее, в его западном варианте?

Первые результаты реформы российского образования не очень обнадеживают. Модульная система обучения, с одной стороны, способствовала усилению практической, профессиональной направленности учебного процесса, но с другой — привела к резкому сужению, а местами и исключению его социального содержания. Последняя тенденция как-то не очень монтируется с официально провозглашенным курсом на модернизацию, предполагающим наличие в обществе активной массы людей, способных мыслить широко, нестандартно и с учетом интересов социума.

Наложение западной двухуровневой квалификации высшего образования (бакалавр / магистр) на традиционную российскую (дипломированный специалист) привело к тому, что диплом бакалавра воспринимается в российском обществе не столько как самостоятельный образовательный статус, сколько как этап незавершенного образовательного процесса. Первые выпуски бакалавров и сами чувствуют себя «недоучками», и воспринимаются таковыми работодателями. Стоило ли ломать сложившиеся и отработанные многими поко-

лениями отечественные образовательные традиции во имя таких же, но выросших в рамках другой, во многом отличной от России западной культуры?

Фундаментальные истоки западной системы ценностей, связанные с принципами гуманизма и нормами протестантской этики, сегодня во многом оказались забыты, во всяком случае, перестали быть всеобщими, оставаясь на декларативном уровне. Современная система западных ценностей является откровенно корпоративной – гарантии высокого уровня жизни и гражданских свобод в отношении своего населения сопровождаются игнорированием таких же прав и свобод других народов. Современная западная система образования пронизана духом прагматизма и инструментализма и нацелена на подготовку узкопрофильной рабочей силы, которая все больше показывает свою ограниченность в условиях ускорения темпов общественного развития.

В отличие от западного индивидуализма и прагматизма российское общество всегда держалось на коллективности (общинности, соборности), которая в трудные времена объединяла в одно целое все слои населения и социальные институты общества. Система российского образования и в дореволюционный, и в советский периоды отличалась широким профилем и была нацелена не только на формирование профессиональных знаний и навыков, но и на развитие личности, способной ощущать себя частью социума. К сожалению события последнего столетия оказали на эти качества разрушительное воздействие. На протяжении XX в. российская система ценностей претерпела два радикальных исторических слома⁶: в начале XX в., при переходе от дореволюционной России к советской, и в ходе реформ 1990-х гг.

В результате вот уже четверть в. российское общество пребывает в состоянии социальной аномии. Несовпадение базовых жизненных ценностей у разных слоев населения приводит к тому, что процессы кооперации и сотрудничества, столь необходимые для модернизации страны, не являются сегодня доминирующими⁷.

Сможет ли западная система ценностей заполнить этот мировоззренческий вакуум и сыграть роль общенационального российского интегратора? Весь опыт российской истории говорит об обратном: Россия обречена искать свой собственный путь развития – ее культурный генотип слишком своеобразен. Не внешние заимствования, а возрождение отечественной системы базовых жизненных ценностей является ключевым звеном решения всех российских проблем, включая реформу системы образования.

¹Этот механизм более ста лет назад был обстоятельно исследован М. Вебером.

²Механизм этого идеологического превращения хорошо описан Н.А. Бердяевым в его книге «Истоки и смысл русского коммунизма».

³Проблемы совместимости западной и отечественной систем культурных ценностей так или иначе затрагивались представителями всех общественно-политических течений XIX в., включая представителей первой волны русской эмиграции.

⁴См.: *Латин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9.

⁵Это явление получило в литературе название «паразитическая новация». См., например: *Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1995. С. 308—309.

⁶См.: *Рыбкина Р.В.* Социальные корни криминализации российского общества // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 74—76.

⁷См.: *Яницкий О.Н.* Социальные ограничения модернизации России // Социологические исследования. 2010. № 7.

Crisis of the conception of de-ideologization and the ideological basis of modern forms of extremism

Кризис концепции деидеологизации и идеологическая основа современных форм экстремизма

Igor Vladimirovich Lyagushkin,
candidate of Philosophical Sciences
associate Professor (docent) of the
Sociology and Political science Department
at the Moscow University of the MIA of Russia
named after V.J. Kikot
E-mail: ingmarl@mail.ru

Игорь Владимирович Лягушкин,
кандидат философских наук,
доцент кафедры
социологии и политологии
Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.15

Annotation. The process of de-ideologization and the displacement of political and religious ideologies with political technology has not led to the disappearance of ideology as a phenomenon. The existence of ideologies with a large mobilization potential causes a significant success of the extremists, claims the status of the ultimate extreme minority. The consideration of ideology as a multilevel phenomenon (ideals, normative ethics, dynamic stereotypes, ideological socialization) is productive to succeed in the ideological struggle.

Keywords: ideology, political ideology, religious ideology, ideologization, ideal, normative ethics, ideological socialization, extremism, ultimate extreme minority

Аннотация. Процесс деидеологизации и вытеснения политических и религиозных идеологий политическими технологиями не привел к исчезновению идеологии как явления. Наличие идеологий с большим мобилизационным потенциалом обуславливает значительные успехи экстремистов, претендующих на статус предельного меньшинства. Продуктивным представляется рассмотрение идеологии как многоуровневого явления (идеалы, нормативная этика, динамические стереотипы, идеологическая социализация) для достижения успеха в идеологической борьбе.

Ключевые слова: идеология, политическая идеология, религиозная идеология, деидеологизация, идеал, нормативная этика, идеологическая социализация, экстремизм, предельное меньшинство

Кризис идеологии обсуждается учеными, философами, политическим и общественными деятелями на протяжении уже не одного поколения исследователей. После Второй мировой войны Р.К.Ф. Арон выступал с позиции деидеологизации, полагая, что научное мировоззрение должно вытеснить партийные идеологии.

Философские и научные основы концепции деидеологизации были впервые разработаны в нашей стране. В 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма»

(№ 11—12) вышла статья известного советского историка и философа В.В. Адоратского «Об идеологии», в которой впервые было выдвинуто теоретическое обоснование концепции деидеологизации. Сам термин «деидеологизация» автором статьи не употреблялся. Под идеологией он понимал извращенное отражение действительности. «Продукты своего мышления, свои идеи человек принимает за самостоятельные сущности. Ему кажется, что эти порождения ума определяют собою всю действительность, тогда как на самом деле они являются бессознательно неправильными отражениями действительно существующих общественных отношений»¹.

Высшей формой и высшей стадией развития идеологии В.В. Адоратский считал идеалистическую философию, в частности объективный идеализм. Старая философия как высшая форма идеологии, по его мнению, подготовила все необходимое для своего собственного отрицания. Отжившей идеологической форме он противопоставляет материалистическую диалектику, метод диалектического материализма. «Метод диалектического материализма как раз и представляет собой тот аппарат, который разрушает идеологическую аберрацию и делает возможным настоящее научное теоретическое познание»². Наука и материалистическая диалектика побеждают идеологию и иллюзорные формы общественного сознания.

Успехи избирательных и политических технологов также поколебали уверенность сторонников идеологического подхода. Лозунг «Технология побеждает идеологию» был не только брошен в массы, но и с радостью и вдохновением подхвачен как политическими технологами, так и политиками и общественными деятелями.

Необходимо обратиться к определению политической идеологии и сделать несколько важных замечаний. Политические идеологии появляются в XVI в. и сразу начинают конкурировать с идеологиями религиозными. В 1514 г. старец Псковского Елеазарова монастыря в письме к наместнику великого князя Московского Ва-

силы Васильевича во Пскове Мисюрю Мунехину формулирует знаменитую идеологему «Москва – Третий Рим», которая во время правления царя Бориса Годунова станет доминирующей и продержится свыше трехсот лет. Первая европейская политическая идеологема «Кто добрый герцог – тому и Брабант!» появится в Нидерландах позже.

Успех политических идеологий стал явным после становления Вестфальской системы, а кризис наметился в контексте кризиса современной государственности и после появления новых политических технологий.

Понятие идеологии было введено в философский и научный оборот в конце XVIII – начале XIX в. французским философом, публицистом и общественным деятелем А.Л.К. Дестютом де Траси в его работе «Основы идеологии» (в другом переводе – «Элементы идеологии»). По его мнению, идеология есть наука о том, как сознание производит идеи из ощущений. Помимо ощущений, в качестве источников идей выступают память, способность к суждению и воля. Некоторые идеи могут овладевать массами и становиться важным элементом политической борьбы.

К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» считали идеологию разновидностью иллюзорного, «ложного» общественного сознания, в котором объективная реальность отражалась с точностью до классовых интересов, что приводило к созданию в сознании людей искаженной картины мира.

Автор настоящей работы полагает необходимым рассматривать идеологию в качестве многоуровневого явления. В узком смысле идеология предстает как совокупность элементов философских концепций, научных теорий, мифов, иллюзий, художественных произведений и элементов обыденного сознания, которые складываются у человеческих индивидов в отражение, не всегда адекватное, объективного мира. Для феноменологического описания А.А. Зиновьев даже вводит понятие идеосферы. Идеосферу общества, по его мнению, составляют люди, группы, организации, которые профессионально занимаются идеологией. Они и создают идеологическое поле³.

В широком смысле идеология включает социальный идеал, систему нормативной этики, динамический стереотип социально приемлемого поведения и механизм социальной реализации, которым является идеологическая социализация.

В.Н. Кузнецов считает, что идеологическая социализация – это «реальный динамичный процесс участия конкретного человека в идеологических практиках в период детства, юности, зрелости и старости с принятием и поддержкой одной или нескольких идеологических теорий (идеологий)»⁴. Идеологическая социализация является важной составной частью и условием политической социализации личности и формирования политического сознания.

Р.Г. Яновский и А.П. Носков считают, что «процесс формирования политического сознания личности можно представить как взаимодействие двух семиотических систем: обыденных политических знаний, имеющихся у

личности, и знаний теоретических, которые политическая партия вносит в массовое движение. В ходе этого взаимодействия формируются промежуточные системы, которые через ряд этапов, усложняясь, превращаются в систему политических знаний. На основе этих знаний складываются политические убеждения, определяющие политическую деятельность представителя той или иной социальной группы»⁵.

Обыденное политическое сознание личности отражает повседневный политический опыт и включает в себя знание о политической системе данного общества, социальной структуре, государстве и отдельных его элементах, правовой системе и т.д. «Знания эти возникают как на основе собственного опыта, так и на основе опыта других людей, переданного личности... К обыденному политическому сознанию относятся также, например, традиции борьбы угнетенных масс за свое освобождение, традиции отрицания определенных институтов эксплуататорского общества (полиции и т.п.), некоторые традиции, характерные для данной конкретной социальной группы. Сюда входят традиции, ритуалы, почитание героев. Вся эта система направлена на формирование конформизма — осознания личности себя членом социальной группы или общества в целом. У каждой группы эта система своя, причем субъект власти данного общества стремится навязать массам такие нормы, которые обеспечивали бы ему как минимум пассивность масс, а как максимум – активную поддержку большей части населения»⁶.

Л.П. Альтюссер считал, что «ни один класс не может удержать государственную власть длительное время без своей доминирующей идеологии посредством идеологических аппаратов государства»⁷.

Возможны деформации процесса идеологической социализации. Одним из ее вариантов является описанный советским и российским социологом Ж.Т. Тощенко «кентавр-эффект». Сущность его заключается в том, что один индивид может быть носителем разных идеологий.

Существенную роль идеология играет в формировании политического экстремизма. Экстремистскими с необходимостью оказываются идеологии, социальный идеал которых является утопическим. Чем более оторван социальный идеал от реальности, тем более экстремистской является идеология, которой он присущ.

Следует различать политические и религиозные идеологии. Примером некорректного смешения рядом исследователей политической и религиозной идеологии является рассмотрение идеологии панисламизма. Автор настаивает на том, что панисламизм является политической идеологией. Но верно и то, что ряд специалистов используют и «кентавр-эффект», и религиозные взгляды ряда личностей в своих политических целях, в том числе и преднамеренно создавая предпосылки деформации идеологической социализации молодежи и маргинальных социальных групп.

По иронии судьбы именно во многом именно идеологическая борьба обусловила и поддерживала настороженное отношение к исламу в Европе. Знаменитая пьеса Ф.М.А. Вольтера «Фанатизм, или Пророк Магомет» лег-

ла в основу идеологического противостояния «политическому исламу» и панисламизму на уровне идеологической социализации.

Итак, на уровне всеобщего условиями возникновения экстремизма является утопический характер социального идеала. На уровне особенного источником экстремизма является претензия социальной группы на статус предельного меньшинства. На поведенческом уровне, на уровне единичного, возможно проявление экстремизма как следствие идеологического противостояния, так и проявление индуцированного экстремизма.

Природа индуцированного экстремизма проста и сложна одновременно. Понимание трудностей идеологического противостояния привело специалистов к стремлению решить вопрос победы в идеологическом противостоянии, избегая идеологического противостояния. То есть, не поднимая одно знамя против другого знамени, сделать так, чтобы люди сами шли под нужные специалистам знамена.

В качестве методологической основы технологий распространения индуцирования экстремизма может быть использована теория референтных групп. Основу данной теории заложил выдающийся американский социолог Р. Мертон в своем исследовании «Американский солдат» в 1943 г.

У любого индивида возможно выделить следующие основные референтные группы: идеальную, нормативную, компаративную и присутствия. В результате проведения специальных информационных операций возможно воздействовать на идеальную и нормативную референтные группы представителей целевой аудитории, минуя сложное и затратное идеологическое противостояние.

Не нужно спора о социальных идеалах — нужно только замаскировать вводимый в индивидуальное сознание объект под элемент идеальной референтной группы. Назовите террористическую оккупационную группировку исламским государством – и малообразованные мусульмане, для которых давно остановлены любые социальные лифты, не задумываясь отреагируют на это. Исламское – значит, соответствующее догматам и воплощающее социальный идеал. Государство – значит, высшая из известных на сегодняшний день форм социальной организации, которая в исторической перспективе лучше анархии. У представителей целевой аудитории поражена идеальная референтная группа. Специалисты уже внесли в нее выгодные им изменения.

Предложите бесплатную игру «Симулятор Джихада» — и играющие в нее привыкнут к мысли о том, что убивать людей интересно и безопасно. У них поражена нормативная референтная группа, которая задает стандарты, нормы и правила поведения. В рассмотренном случае людей приучили к тому, что убийство идейно чуждых людей – норма и проявление доблести.

Поразить компаративную референтную группу можно введением термина «пояс шахида», назвав террориста-смертника, коварного убийцу мучеником за веру – шахидом, и объекты воздействия начнут сравни-

вать себя с подлинными борцами за веру, видя пример самоубийцы-террориста.

Казалось бы, налицо преимущество технологов перед идеологами. Но за каждым успехом технологов всегда стоит заказ социальной группы, обладающей мощной политической или религиозной идеологией. Идеологи умело используют современные политические технологии. За успешным применением технологий воздействия стоит идеологическая борьба.

Наиболее успешной для идеологического противостояния является идеология определенных социальных групп, имеющих общий идентифицирующий признак. Этим признаком является обладание статусом предельного меньшинства или претензия на таковой.

Под предельным меньшинством автор понимает социальную группу, идеологи которой явно или косвенно заявляют претензию на исключительность в обеспечении их прав и свобод. Объективно предельным меньшинством является лишь молодежь в силу того, что социализация ряда представителей данной социально-демографической группы в основном не завершена. В связи с этим существуют специфические молодежные проблемы, обществом осознается необходимость проведения специфической молодежной политики.

Иные социальные группы имеют шанс достичь статуса предельного меньшинства лишь благодаря усилиям идеологов или иных специально подготовленных людей. Если у молодежи статус предельной социальной группы является предписанным, то у других социальных групп он может быть исключительно достигаемым. Любая социальная группа, являющаяся предельным меньшинством или стремящаяся к достижению такого статуса, обладает специфической, зачастую экстремистской идеологией. Задача политических технологов в таком случае – обеспечить обладание статусом предельного меньшинства или иллюзию такового.

В любом случае политические технологии могут применяться носителями и сторонниками любых идеологий. Талантливые партизаны в сфере идейного противоборства неминуемо потерпят поражение от специалистов, вооруженных не только технологиями, но и идеологиями. У технологов остается всего один важный ресурс — это работа с «кентавр-эффектом» на соответствующие целевые аудитории.

¹Адоратский В.В. Об идеологии // http://new.philos.msu.ru/fmu/adoratskii_vladimir_viktorovich

²Адоратский В.В. Об идеологии // http://new.philos.msu.ru/fmu/adoratskii_vladimir_viktorovich

³См.: Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М., 2003. С. 31, 32

⁴Кузнецов В.Н. Социология идеологии: Учеб. пособие. М.: Книга и бизнес, 2008. С. 156.

⁵Яновский Р.Г., Носков А.П. Формирование политических убеждений // Социология идеологии: Хрестоматия // Сост. В.Н. Кузнецов М.: Книга и бизнес. 2005. С. 440

⁶Там же. С. 441

⁷Althusser L. Ideological State Apparatuses // Mapping Ideology/ S. Zizek (ed.). L., 1994. P. 112.

Self-organization of society as a manifestation of the global universal evolutionary process

Самоорганизация общества как проявление глобального универсально-эволюционного процесса

Julia Maximovna Maloroeva,
doctor of the legal Sciences
Igor Anatolevich Kushnarenko,
doctor of philosophy, associate Professor
E-mail: office@unity-dana.ru

Юлия Максимовна Малараева,
кандидат юридических наук
Игорь Анатольевич Кушнаренко,
доктор философских наук, доцент

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.16

Annotation. The developed methodology of academician N.N.Moiseevym universal evolutionism applied to the analysis of social processes. The mechanisms that implement the social counterparts of heredity, variation and selection. Given the philosophical analysis of the relationship of heredity, variability, development and security.

Keywords: heredity, variation, selection, development, security, system, self-organization, bifurcation, evolution

Аннотация. Разработанная академиком Н.Н. Моисеевым методология универсального эволюционизма применена для анализа социальных процессов. Выявлены механизмы, реализующие социальные аналоги наследственности, изменчивости и отбора. Дан философский анализ взаимосвязи наследственности, изменчивости, развития и безопасности.

Ключевые слова: наследственность, изменчивость, отбор, развитие, безопасность, система, самоорганизация, бифуркация, эволюция

Все наблюдаемое нами во Вселенной, в том числе человеческое общество, претерпевает непрерывные изменения, происходящие за счет сил внутреннего взаимодействия. Иными словами, окружающий нас мир включен в универсальный процесс самоорганизации. Для описания этого процесса академик Н.Н. Моисеев предложил использовать язык дарвиновской триады: *изменчивость, наследственность, отбор*, придав каждому из этих понятий более широкий смысл. Изменчивость олицетворяют присутствующие всегда и везде факторы стохастичности и неопределенности. Без непрерывно действующих случайных факторов постоянная эволюция системы, сопровождающаяся появлением новых качественных особенностей, невозможна. Термин же «наследственность» означает, что настоящее и будущее любой системы в универсуме зависит в той или иной степени от прошлого. Эта зависимость является не чем иным, как памятью системы. Что касается принципов отбора, то это те определенные правила и законы, которым следуют процессы самоорганизации. Это, в частности, законы сохранения (симметрии), закон неубывания энтропии в замкнутой

системе, наличие предельной скорости распространения сигнала и т.д. То есть это те законы физики, химии, биологии, общественного развития, которые из виртуальных (мысленно допустимых) движений «отбирают» (с определенной вероятностью) те, которые мы наблюдаем. Можно также сказать, что принципы отбора – это «берега канала» допустимого развития¹.

Прим.м эту схему к обществу. Его многочисленные функциональные потребности обеспечиваются социальными институтами. Они понимаются как определенная организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, или как устойчивая совокупность ценностей, норм, ролей и ожиданий, связанных с базовыми потребностями общества.

При внимательном рассмотрении для каждого функционального реквизита общества можно выделить *консервативную* и *активную* институциональные составляющие. Эти составляющие как раз и можно рассматривать в качестве своеобразных социальных аналогов дарвиновских механизмов — соответственно *наследственности* и *изменчивости*.

Так, экономические институты реализуют существование определенного способа производства и распределения произведенных товаров. Активную роль здесь играет, в частности, конкуренция независимых товаропроизводителей. Товары и услуги, имеющие более высокую потребительную стоимость и низкую цену, вытесняют с рынка свои аналоги, у которых эти качества менее выражены; соответственно их производители, доминируя в данном сегменте рынка, повышают на какое-то число пунктов свои социальные позиции. Они могут теперь оказывать большее политическое влияние и, как бы вульгарно это ни звучало, имеют большие возможности для продолжения собственного рода, т.е. участия в непосредственно биологическом процессе эволюции.

А вот ключевым фактором социальной наследственности в экономической сфере следует считать отношение собственности. Оно позволяет закрепить различные материальные и нематериальные объекты,

являющиеся средствами существования и производства, за определенными лицами или их ассоциациями. В первую очередь отношение собственности, распространяясь на предметы первичного обихода – жилище, одежду, пищу и т.д., направлено на обеспечение гарантий выживания индивида. Далее, охватывая средства производства, предметы и продукты труда, отношение собственности позволяет поддерживать устойчивую систему производства и распределения материальных и нематериальных благ, без которой немислимо существование общества в целом.

Принципиальное значение для процесса самоорганизации общества имеет система научных исследований. О ее аналогии с дарвиновской изменчивостью еще в 60-х гг. прошлого столетия писал С. Лем: «Стратегия науки вероятна. Мы почти никогда не знаем наверняка, какие исследования окупятся, а какие нет. Открытия случайны, подобно мутациям генотипа. И точно так же, как мутации, они могут привести к радикальным и внезапным изменениям. Примеры пенициллина, рентгеновских лучей... подтверждают случайный характер открытий... Научные исследования отчасти напоминают генетические мутации: ценные и переломные мутации и исследования составляют только малую часть множества всех мутаций и соответственно всех исследований. Подобно тому как популяция, если она не располагает солидным резервом «мутационного давления», оказывается перед угрозой потери гомеостатического равновесия, так и цивилизация, в которой ослабевает «давление открытий», должна всеми способами стремиться к изменению «знака» этого градиента, потому что от устойчивого равновесия такое ослабление ведет ко все более неустойчивому состоянию»². В то же время накопленная научная информация – это основа технологических возможностей любой цивилизации, и тем самым — часть ее «генетического кода». Подобно биологическому организму, который живет и действует так, как предусмотрено его наследственностью, общественное бытие базируется на накопленных научно-технологических достижениях.

Описанные выше и многие другие механизмы наследственности и изменчивости ни на миг не прекращают своего воздействия на общество, сталкиваясь и накладываясь друг на друга в самых неожиданных сочетаниях. Отдельные сочетания порождают нулевой суммарный эффект – общество под их воздействием пребывает в стационарном состоянии, другие дают заметные импульсы развития, самоорганизации общества, третьи могут затормозить развитие или даже отбросить общество на десятилетия назад. За счет чего происходит отбор допустимых, «позитивных» импульсов и отсеиваются деструктивных или просто нереальных? Таким фильтром как раз и является третья составная часть процесса самоорганизации – совокупность принципов отбора.

Некоторые из них относятся к фундаментальным основам нашей Вселенной, поэтому действие их неотвратимо вне связи с субъективными предпочтениями. Нельзя уменьшить гравитационную постоянную для

сокращения транспортных издержек. Действует закон сохранения энергии, поэтому за обогрев жилища приходится платить. Время анизотропное, поэтому сегодня нельзя помешать прийти Гитлеру к власти или предотвратить распад Советского Союза. Если злые волки прекратят есть бедных зайцев, то биосфера потеряет устойчивость и могут исчезнуть и волки, и зайцы.

Другая часть принципов отбора имеет социальную природу. Они могут выступать как в виде юридических актов, образующих в совокупности систему права, так и в виде целенаправленно культивируемых в обществе этических установок. В принципе и те и другие имеют свое историческое начало в родовых общинных традициях, регулировавших как общественное материальное производство, так и воспроизводство самого человека. Например, признание в качестве одного из исходных принципов общественного устройства права человека на собственную жизнь находит свое воплощение как в системе родовых табу, так и в библейской заповеди «не убий», а сегодня, в частности, в ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Причем на современном этапе только государство может устанавливать правила поведения, обязательные для исполнения всеми, кто находится на его территории, т.е. создавать нормы права, закрепленные в законах и других правовых актах государства (прежде на монополию в правотворчестве претендовала также церковь). Эти нормы обеспечиваются мерами государственного принуждения с помощью специальных органов.

Но и те социальные ценности и ориентиры, которые по различным причинам не могут получить прямое нормативное оформление, а закреплены, допустим, в форме обычаев, отнюдь не выпадают из сферы пристального государственного внимания. На диалектическое единство закона и обычая указывает Р. Лукич: «Обычай – один из лучших методов правотворчества: он демократичен, надежен, полностью адекватен регулируемым отношениям, затрагивает имеющие общественное значение проблемы и дает их решение в долгосрочной перспективе»³. Так, невозможно полностью запретить населению употребление алкогольных напитков – это видно на примере ряда стран Запада, пытавшихся ввести на своей территории «сухой закон». Вместо этого вводятся меры дисциплинарной и административной ответственности за появление в общественном месте в состоянии сильного алкогольного опьянения, управление транспортным средством в нетрезвом виде и т.д. – но не за употребление спиртных напитков как таковое. Одновременно в обществе поддерживается негативное отношение к лицам, злоупотребляющим спиртным. С этой целью, например, в средствах массовой информации размещаются материалы, свидетельствующие о неизбежном падении социального статуса таких лиц: снижении дохода, возможностей карьерного роста, отторжении семьей, соседями, коллегами по работе и пр. Тем самым поддерживается один из обычаев – нетерпимости общества к избыточному нерегулируемому индивидуальному потреблению алкоголя.

Этот частный пример, иллюстрирующий роль законов и обычаев как форм существования социальных принципов отбора, создаваемых и поддерживаемых государством, представляет интерес еще и по другой причине. Он демонстрирует внутренне противоречивую природу общества и государства, выражающуюся именно в том, что пренебречь какими-либо механизмами наследственности или изменчивости, отдать как-то из них предпочтение в ущерб другим, тем более сознательно подавив эти другие, означает ступить на путь, ведущий и государство и общество к деградации и распаду.

В самом деле, легализуя производство и оборот спиртных напитков и табачных изделий, государство тем самым стимулирует рынок. Одновременно оно делает рынок более прозрачным и контролируемым. Ведь запретный плод сладок, спрос на указанные товары все равно сохранится, и он будет так или иначе удовлетворяться в теневом сегменте рынка. А аккумулируя в казне налоги и акцизные сборы с легального оборота, государство имеет возможность направлять собранные средства на ту же пропаганду здорового образа жизни и семейных ценностей, на развитие науки и образования, т.е. на поддержание и совершенствование альтернативных рынку движущих сил самоорганизации общества.

Следует обратить внимание на еще одно существенное обстоятельство. Механизмы социальной наследственности, изменчивости и отбора не просто тесно взаимодействуют в ходе непрерывного процесса самоорганизации общества – они имеют общие естественно-исторические корни и, более того, взаимно обусловили возникновение друг друга. В пользу этого свидетельствует, например, предложенная академиком Н.Н. Моисеевым оригинальная концепция взаимообусловленности института образования и такой формы общественного сознания, как мораль. Вкратце она сводится к тому, что на определенном этапе истории сообществ неантропов для их дальнейшего развития потребовалась, наряду с генетической, новая форма *памяти*, связанная с тем, что человека стали лучше защищать не могучая мускулатура и быстрые ноги, а *мастерство* в изготовлении искусственных орудий, накопленные *знания* и безопасность общественной организации. Это произошло тогда, когда появился труд и искусственно созданные орудия труда, в соответствии с работами Ф. Энгельса, как бы к нему сейчас ни относились.

Человек создал технологии обработки камня, шкур и костей, поддержания огня. Он осознал неизбежность смены времен г., необходимость готовить запасы продовольствия, особенности окружающего ландшафта и биоценоза, собственного организма. Приобретаемые поколениями знания надо было уметь накапливать, хранить и передавать новым поколениям. Поэтому с течением времени именно от того, как человек был способен сохранять и передавать информацию, стала зависеть в первую очередь судьба не только отдельного племени, но и всей популяции. Достигнуть этого с помощью генетической информации нельзя, поскольку

она не способна зафиксировать благоприобретенную информацию и навыки. Недостаточно для этого и стабильной памяти, которая реализуется в процессе обучения по принципу непосредственного подражания.

Потребовались иные способы закрепления навыков в памяти популяций. Отдельные специфические виды знания, например о нежелательности появления потомства от брака между близкими родственниками, приобрели вид запретов (табу) и определенных норм поведения (нравов), порой облеченных в религиозную или мистическую форму. Но самым важным запретом стало табу «не убий!», сохранявшее жизнь носителей знаний и трудовых навыков и тех, кто был способен передавать эту информацию следующим поколениям. Как и многие другие принципы человеческой морали, этот запрет связан с необходимостью закреплять, хранить и развивать трудовые навыки и знания, т.е. с появлением специальной формы памяти и нового типа наследственности – системы образования. Он разрешил противоречие между сильным и умным в пользу последнего. Те мудрецы и умельцы, которые во все большей степени обеспечивали благосостояние племени, далеко не всегда были самыми сильными, смелыми и удачливыми в мужских поединках, которые играли ключевую роль в процессах внутривидового отбора. Поэтому жизненной необходимостью первобытного сообщества стала защита не только самок и детенышей, но и тех, кто оказывался носителем информации и мастерства или мог им стать⁴.

Таким образом зародилась система образования как механизм социальной наследственности, орган памяти человеческой популяции и одновременно мораль – как исключительно общественный механизм отбора, исключения из повседневной практики событий, несущих угрозу разрушения этой уязвимой разновидности памяти. Вряд ли имеет смысл задумываться, какой из этих механизмов явился первопричиной другого. Правильнее будет говорить об их дуализме, о том, что оба они в силу синергетических закономерностей взаимно обусловили появление и развитие друг друга.

Принципиальным в плане исследования процессов самоорганизации представляется следующее положение: *изменчивость – единственная и естественная основа развития*; все области действия механизмов изменчивости в обществе и природе гомеоморфны одна другой в том смысле, что они являются моделями друг друга, разновидностями некоторого универсального рынка.

Рассмотрим, например, *идеальную* картину политического процесса. Несколько партий, каждая со своей политической программой и агитационно-пропагандистским арсеналом, борются друг с другом за голоса избирателей. Количество поданных за каждую партию голосов на парламентских выборах представляет собой меру ее политического влияния. Это влияние материализуется в числе депутатских мандатов и возможности реализовывать свою программу в период действия депутатских полномочий с соответствующим доступом к государственным ресурсам. Партии, которые

по результатам парламентских выборов не получили в нужной мере такого доступа или вообще оказались вне парламента, вынуждены адаптироваться к неблагоприятной для себя политической среде. Проявляют себя в действии механизмы изменчивости: партии развивают свое организационное присутствие на местах, чтобы сократить дистанцию между собой и избирателями, вносят изменения в программы в целях сделать их более понятными, доступными и притягательными, выступают с критикой в адрес своих более удачливых соперников и т.д. Но и те, в свою очередь, вынуждены действовать сообразно меняющейся ситуации. Им приходится постоянно сверять свои шаги с общественным мнением – не зреет ли в рядах их избирателей разочарование их политическим курсом. Соответственно в этот курс вносятся коррективы, проводится разъяснительная и агитационная работа со своими сторонниками и противниками. Но самое главное – интерес сохранения и расширения электората получает воплощение в направленности и тональности принимаемых парламентом законов. Они отражаются в практической плоскости государственного управления, и таким образом общество и государство получают импульсы развития. Таким образом, политическая жизнь – это рынок, товарами на котором выступают лидеры (вожди) и политические идеи.

В то же время изменчивость и развитие не тождественны друг другу. Изменчивость – это своего рода субстрат универсально-эволюционного процесса, который далеко не всегда порождает развитие: изменения могут оказаться циклическими или просто несодержательными. Возможна и другая крайность, когда изменения приводят к разрушению, гибели системы. Считать ли подобный исход разновидностью развития – вопрос аксиоматики.

Что, в частности, происходит, когда на рынке в результате некоторых изменений возникает монополист? Угнетая остальные элементы системы, он снижает уровень ее разнообразия. Значит, у системы в целом снижается способность к адаптации, к самосовершенствованию, и изменение внешних условий может поставить на грань катастрофы всю систему, к которой принадлежит монополист. Но еще важнее для самого монополиста то, что, оказавшись таковым, он теряет внутренние стимулы к собственному самосовершенствованию. Он начинает бездумно эксплуатировать все те ресурсы, которые теперь оказываются ему доступными. И это может привести к бифуркационному переходу всей системы в целом, а не только самого монополиста. В результате монополист разрушает свою экологическую нишу, уничтожая то, что служило изначально источником его процветания и прогресса. У него исчезает даже необходимость в генетическом и организационном разнообразии, и начинает преобладать стремление к унификации и стандартизации поведения, облегчающим собственную деятельность. В результате атрофируется способность к адаптации, и даже незначительные изменения среды обитания приводят это общество к полному исчезновению⁵.

Убедительный пример проявления отмеченной закономерности – печальная судьба КПСС, которая,

обретая статус монополиста, утратила навыки к борьбе за лидерство, обновлению идейного потенциала и рухнула под тяжестью собственных переродившихся бюрократических структур, заодно похоронив под своими обломками огромную великую страну – Советский Союз.

Развитие исходит из ранее достигнутого, которое воплощено в сформировавшихся на данный момент структурах и механизмах *наследственности*, и реализуется в рамках, целиком заданных потенциалом *изменчивости*. Напрашивается мысль о том, что *безопасность* можно было бы естественным образом связать с аппаратом *наследственности*, который определяет своего рода «вязкость», иммунитет системы, ее способность «гасить» внешние воздействия, несущие потенциальную угрозу для ее структурной целостности. Но оказывается, что такое видение категории безопасности однобоко и справедливо лишь для немногочисленных частных случаев, а в целом является методологически принципиально ошибочным.

В самом деле, такая система, как гранитный обломок, реагирует на механические воздействия среды лишь в соответствии с третьим законом Ньютона, на физико-химические – сообразно жесткости своей кристаллической структуры. Соударение с другой тяжелой массой, суточные и сезонные колебания температуры, особенно сопряженные с воздействием воды и других химических соединений, рано или поздно приводят к тому, что обломок раскалывается на несколько более мелких, а их, в свою очередь, неизбежно ожидает подобная участь. Это энтропийный процесс серии трансформаций системы в менее упорядоченные состояния, утраты ею своих системных свойств, замещения целостности суммативностью. А как ведет себя во взаимодействии с внешней средой видовая популяция, каждый из представителей которой с точки зрения того же третьего закона Ньютона выглядит куда менее убедительно рассмотренного гранитного обломка? В ответ на то или иное воздействие среды может последовать вспышка рождаемости, смена ареала обитания, изменение скорости перемещения, размера или характеристик наружных покровов отдельных особей и т.д. Перечисленные реакции – не что иное, как частные проявления экстенсивного или интенсивного развития. Если первая из рассмотренных систем, условно говоря, «уповает» лишь на резерв собственной наследственности, то вторая обеспечивает свою безопасность развиваясь.

Можно теперь попробовать разобраться, какими соображениями руководствовались те, кто, стоя у истоков Советского государства, выстроили столь экзотическую и нежизнеспособную партийно-государственную систему? Ответ достаточно прост и очевиден – это соображения *безопасности*. Точнее, это был тривиальный выбор в пользу безопасности за счет развития. И выбор этот был реализован в виде подавления государственной организацией социальной самоорганизации. Следовательно, безопасность – не менее емкая категория, чем развитие. Неотъемлемым компонентом она не может не включать в себя, помимо *наследствен-*

ности, и само развитие. Безопасность является самоотждественной, имея своей основой структуры и механизмы наследственности, но реализуется она в потоке самоотрицания, будучи органически неотделимой от многовекторного процесса развития.

Поэтому выбор между безопасностью и развитием не столь однозначен, как это могло бы представляться на первый взгляд. Самостоятельный интерес представляет смежная проблема выбора траектории развития. Гигантский эмпирический материал, накопленный человечеством, указывает на то, что наш мир размещен на поверхности Парето. Это термин не географический и даже не геометрический. Речь идет о теоретико-игровой модели выбора компромисса в пространстве показателей.

Указанный математический объект замечателен тем, что увеличение одного из критериев (показателей качества) сопровождается уменьшением (неубыванием) значения одного или совокупности других критериев: на поверхности Парето нельзя добиться одновременного улучшения всех показателей. Когда система находится на поверхности Парето, то для того, чтобы улучшить какой-либо из показателей, необходимо поступиться ухудшением других. На бытовом уровне это звучит примерно так: «За все надо платить». Так, человечество несколько десятков тысячелетий назад

вступило на траекторию развития, на которой внутривидовая борьба стала неизбежно затухать, в силу чего сошел на нет один из основных факторов биологической эволюции – естественный отбор.

Тем самым запрет на убийство привел к прекращению индивидуального развития организма. Сейчас развитие происходит не столько в индивидуальной, сколько в общественной сфере – на надорганизменном уровне: формируются и развиваются новые общественные структуры, рождаются новые формы взаимодействия людей – формы общественной организации. И теперь уже отбору подвергаются не индивиды, а социальные макрообразования. Мы живем, по выражению Н.Н. Моисеева, в паретовском мире, где действуют противоречивые тенденции – труд, мораль и образование превратили стаю гоминидов в общество, которому человечество обязано своим расцветом, но одновременно они и заносят меч над его судьбой.

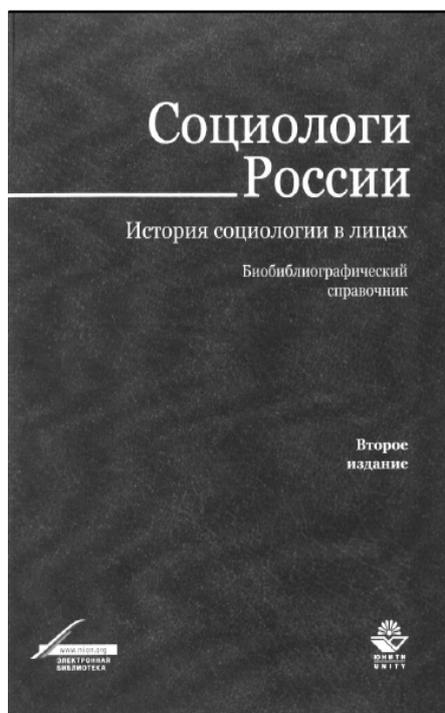
¹См.: Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 62—66.

²Лем С. Сумма технологий: Пер. с пол. М., 2002. С. 139, 141.

³Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 218.

⁴См.: Моисеев Н.Н. Указ. соч. М., 1998. С. 167—183.

⁵См.: Там же. С. 278—279.

Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 544 с.

Данное издание — это история социологии в России (СССР) в лицах — жизнь и творчество людей, которые активно участвовали (и участвуют) в становлении, развитии и функционировании социологической мысли в XIX—XXI вв. Личностный характер описания основных жизненных вех и трудов социологов (многие библиографии даны в авторском изложении) показывает поиск и развитие новых идей, трансформацию уже сложившихся, а также практическое участие социологов в судьбе страны и науки.

Для преподавателей, студентов, аспирантов, всех интересующихся историей отечественной социологии.

Holographic effect of metaphor

Голографический эффект метафоры

Irina Vladimirovna Polozova,
 doctor of philosophical Sciences,
 Deputy head of the Department
 of sociology and politics Science
 Moscow University of the MIA of Russia
 named after V.J. Kikot
E-mail: polozova-irina@mail.ru

Ирина Владимировна Полозова,
 доктор философских наук,
 заместитель начальника кафедры
 социологии и политологии
 Московского университета
 МВД России им. В.Я.Кикотя

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.17

Annotation. This article proposes a synthetic model of metaphor, which is able to combine traditional rhetorical and modern heuristic theory of metaphor. This synthesis is carried out by describing the actions of the holographic metaphor.

Keywords: metaphor, theory of metaphor, hologram, neurophysiological basis of metaphor

Аннотация. В статье предлагается синтетическая модель метафоры, которая способна объединить традиционные риторические и современные эвристические теории метафоры. Данный синтез осуществляется путем описания голографического действия метафоры.

Ключевые слова: метафора, теория метафоры, голограмма, нейрофизиологическая основа метафоры.

Природа метафоры во второй половине XX в. являлась предметом особого внимания лингвистов и философов. Метафора, с которой в Античности связывалась красота языка, в последние десятилетия XX в. стала трактоваться как форма мышления, обладающая колоссальным эвристическим потенциалом. Было показано, что метафора является особой формой мышления, представляющей собой взаимодействие идей (А. Ричардс, М. Блэк), которая способна, кроме того, определять понимание различных областей реальности (Дж. Лакофф и М. Джонсон). На протяжении последних десятилетий XX в. также активно исследовалась деятельность метафоры в сфере различных наук. Было показано, что метафора играет значительную роль как в естественно-научном, так и в гуманитарном познании.

В настоящей статье мы предлагаем модель метафоры, которая способна объединить представления классической риторики и современной философии и связать их в единое целое. Можно показать, что традиционно противопоставляемые риторические и современные философские представления о метафоре могут быть увидены как различные стороны единой голографической модели. Предлагаемая модель способна объяснить слияние в метафоре смысла и образа, синтетичность ее значения, возможность различных интерпретаций ее значения, несводимость к буквальному толкованию, контраст с общепринятой таксономией

объектов, апелляцию к воображению и другие важные характеристики, которые были выделены в качестве важнейших черт метафоры многими ее теоретиками.

Голографическая модель метафоры, прежде всего, способна объяснить такую важнейшую характеристику метафоры, как ее «изобразительность», способность создавать образы. Именно образная природа метафоры придавала языку яркость и красоту, что неоднократно отмечалось философами и ораторами Античности. Действие метафоры всегда связано с некоторым образом или же целым образным рядом. Метафора, являясь переносом слова из одной области в другую, всегда рождает образ – часто неожиданный, нестандартный.

Образность является важнейшим свойством метафоры также и по мнению многих современных теоретиков. Как утверждает, например, Ю. Лотман, «один из элементов тропа (метафоры) имеет словесную, другой – зрительную природу, как бы замаскирован этот второй ни был». По его словам, образ является центральным элементом любой метафоры: «даже в логических моделях метафоры, создаваемых в целях учебной демонстрации, недискретный образ (зрительный или акустический) составляет посредующее звено между двумя дискретными словесными компонентами».

На образность как на важнейший составляющий элемент метафоры указывал французский философ П. Рикер. По его мнению, образы представляют собой конкретную среду, в которой и сквозь которую могут быть увидены сходства вещей; через образы, кроме того, осуществляется сближение идей и изменение логических расстояний между вещами, что является необходимым условием для рождения метафоры.

Согласно модели американского философа М. Хэстера, в метафоре значения слов неизбежно приводят к порождению образов, и наиболее образный термин используется для понимания более абстрактного термина. В приводимом им примере образ «неумолимого жнеца» помогает более конкретно постичь идею смерти.

Образность метафоры имеет важное значение не только для лирической поэзии, где на образы ложится основная смысловая нагрузка, но также для философии и науки, где образы нередко помогают постичь

сложное теоретическое содержание. На создаваемых метафорой образах основывались многие философские концепции, например теория познания Дж. Локка опиралась на образ восковой таблички, антропологические теории Т. Гоббса и Ж. Ламетри использовали образ машины, монадология Лейбница вдохновлялась образом зеркала.

Современные философы также часто прибегают к метафоре. Ж. Делез, например, использует для описания реальности образы складок, восходящие к архитектуре барокко. Известной метафорой Ж. Делеза и Ф. Гваттари, использующейся как для характеристики действительности, так и для ее познания в практике постмодернизма, является ризома – корневая система, объединяющая одновременно образы корня и лабиринта. В философии постмодернизма присутствует, например, метафора «авторской маски», означающая одновременно присутствие и отсутствие автора в тексте.

В науке, например астрофизике, говорят о «населении» галактических дисков, об эволюционных «сценариях» развития звезд, об островных звездных системах, и даже о рецептах приготовления горячей Вселенной.

Но как объяснить образную природу метафоры? Сразу же заметим, что метафора связана не с фотографическим образом, копирующим некоторый объект, но образом какой-то иной природы, сложным, иногда рождающимся на пересечении потоков, исходящих от различных органов чувств. Как показывает, например, видный теоретик нейрофизиологии К. Прибрам, проблема происхождения образов до конца не является решенной ни в психологии, ни в нейрофизиологии. Вместе с тем на сегодняшний день одной из наиболее убедительных теорий, объясняющих формирование образов, является голографическая модель, согласно которой образы нашего сознания создаются на основе голограмм, которую мы в настоящей статье примем для объяснения природы метафоры.

Голография представляет собой метод, теоретически разработанный английским ученым Д. Гэбором, за который он получил Нобелевскую премию, позволяющий записывать и восстанавливать информацию об объекте на основе интерференционной записи и дифракционного воспроизведения волновых фронтов излучения, в результате чего воспроизводятся необыкновенно реалистичные образы объектов.

Опишем технику голографии: световой луч расщепляется посредством посеребрянного полупрозрачного зеркала, при этом одна его часть (рабочий луч), проходящая насквозь, направляется на фотографируемый объект и, отразившись от него, попадает на фотографическую пластинку, другая же часть (вспомогательный луч) отражается прямо на пластинку. Когда два луча снова соединяются, они образуют интерференционную картину, которая и запечатлевается на эмульсионной пленке. Впоследствии при пропускании через данную картину опорного луча снова будет воссоздаться трехмерный образ объекта.

В настоящее время психологи и нейрофизиологи нередко рассматривают голографию в качестве организующего принципа работы мозга (К. Прибрам, Ф.Р. Вестлейк). Например, в работе К. Прибрама «Язык мозга», показывается, что «нейронное отображение входных воздействий не является фотографическим и создается с помощью особого класса преобразований, которые обладают значительным формальным сходством с голографией». К. Прибрам показывает, что голографические свойства работы мозга неоднократно подтверждались экспериментально, и идея голограммы, первоначально использовавшаяся им как метафора для объяснения некоторых сторон нарушения нервной деятельности, со временем стала точной моделью нормальной ее работы.

Мы полагаем, что голографическая модель способна стать связующим звеном между философским (семантическим) пониманием метафоры и ее описанием в нейрофизиологии, где в последнее время активно ведутся попытки осмысления метафоры и других тропов через обнаружение их нейрофизиологических основ. По мнению Э. Маккормака, «метафорические образы являются отражением нейронных структур, сформировавшихся у целых поколений общества». В психологии (нейрофизиологии) сформировалось представление о наличии у метафорического мышления нейрологического субстрата, в качестве которого называется, например, явление синестезии, способности к пересечению потоков информации, полученной от различных органов чувств.

Мы полагаем, что подобное понимание нейрофизиологической основы метафоры имеет право на существование, так как многие метафоры, особенно поэтические, основываются на перенесении явлений из области, представляющей одну сферу чувств, в область ощущений другого типа. Метафоры, основанные на синестезии, нередко используются и в современной науке. Назовем здесь метафоры, возникшие как результат взаимодействия цветовых и звуковых явлений: «белый шум», «черный шум», «мерцающий шум», смысл которых определяется аналогичными явлениями в исходной (здесь цветовой) чувственной сфере. Вместе с тем можно предполагать, что нейрофизиологический субстрат метафоры шире, чем явление синестезии, таким субстратом метафоры могут являться голографические процессы мозга в целом.

Голографическая модель способна объяснить свойство метафоры воспроизводить яркие и живые образы. Важной для данного случая характеристикой голограмм является их свойство создавать образы, не существующие прежде, так как метафора отличается свойством создавать образы, отличающиеся новизной и необычностью. Но отметим, что достоинство голографической модели не сводится к ее способности объяснять порождение метафорических образов.

Голографическая модель способна объяснить *соединение в метафоре смысла и образа*, что, собственно, и является характерной особенностью метафоры, ведь известно, что метафора является средством, заключа-

ющим в себе колоссальное количество информации. Голограмма является не только реалистичным воспроизведением образа, но она, прежде всего, представляет собой один из двух известных способов записи и кодировки информации, превосходящий по своим возможностям традиционный цифровой метод, использующийся в запоминающих устройствах. Голографический метод кодировки информации противостоит традиционному цифровому способу практически на тех же самых основаниях, на которых метафора противопоставляется буквальному языку.

Во-первых, преимущества голографической записи состоят в сверхвысокой *плотности* содержащейся в ней информации. Такое количество информации, которое фиксируется в голограмме, не может содержать ни одно из существующих средств хранения информации, имеющее те же размеры. Данное свойство голограмм способно объяснить способность метафоры содержать колоссальное количество информации и в силу сказанного являться основой понимания различных областей реальности, а также фундаментом научных теорий и философских систем, что было продемонстрировано Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в классической работе «Метафоры, которыми мы живем».

Во-вторых, превосходство систем, основанных на голографическом способе обработки информации, над цифровыми устройствами состоит в их колоссальной *скорости*. Быстродействие голографических оптических систем очень высоко и ограничивается только скоростью ввода и съема данных. Волновой принцип голографии позволяет практически мгновенно извлекать и выдавать информацию, которую обычный процессор обрабатывает за несколько часов работы. Подобное утверждение применимо и к соотношению метафор и высказываний буквального языка. Как известно, метафора действует практически мгновенно и позволяет очень быстро сообщить информацию, для передачи которой с помощью буквальных выражений потребовалось бы достаточно длительное время.

В-третьих, голографическая запись является *ассоциативной*. Ассоциативные свойства голограмм, впервые отмеченные Ван Хирденом и затем экспериментально подтвержденные Строуком, означают, что хранящая в памяти информационного устройства группа данных может состоять из отдельных подгрупп, фрагментов, подобразов, любая комбинация из которых может быть пригодна в качестве ключа для ассоциативной выборки. Как известно, ассоциативность является и важнейшим свойством метафоры, действие которой предполагает рождение потоков ассоциаций, сквозь которые могут быть прочитаны новые связи между вещами, в то время как выражения буквального языка предполагают строгое и однозначное понимание.

Таким образом, голографическая модель позволяет объяснить многие важные свойства метафоры, традиционно противопоставляемые высказываниям буквального языка.

Важное значение применительно к метафоре имеет свойство голограммы, состоящее в том, что при не-

котором изменении ракурса можно увидеть различные грани (модусы) одного и того же предмета, ведь известно, например, что метафору как раз и отличает способность обнаруживать различные грани вещей. Привычные предметы с помощью метафор являются нам в новом облачении. В этом смысле с помощью голографической модели можно трактовать метафору как фигуру языка с точки зрения античной риторики, создающую вариации на тему образа какого-либо предмета.

Применительно к метафоре следует упомянуть о таком важном свойстве голограмм, как распределенность, состоящее в том, что любой фрагмент голографической записи содержит информацию обо всем объекте в целом. Таким образом, может быть объяснена способность метафоры и поэтического языка в целом описывать целостные картины реальности через какой-либо образ. Может быть понята идея о том, что поэтическое слово – это микрокосм, вмещающий в себя целостный космос. Как пишет Х. Ортега-и-Гассет, «все огромное здание Вселенной, концепция мира, определяющая мораль политику и искусство, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры».

Голографическая модель, кроме того, может рассматриваться как обобщающая теория для многочисленных моделей метафоры XX в., трактующих ее как взаимодействие (А. Ричардс, М. Блэк), которые она включает в себя по определению, так как сущностью голограммы является интерференция, т.е. взаимодействие волновых фронтов. Мы полагаем, что многочисленные модели метафоры, появившиеся во второй половине XX в., совершенно правильно трактовали природу метафоры, описывая ее как взаимодействие идей.

Голографическому пониманию метафоры соответствует описание фигур, представленное Ж. Делезом и Ф. Гваттари в работе «Что такое философия», которое позволяет увидеть *философский смысл* голографических явлений, так как в трактовке французских философов фигуры рассматриваются как различные проекции области трансцендентного на план имманенции. Данное определение сближается с голограммой в силу лежащей в его основе идеи проективности и трактовки фигуры как проекции на некоторую область плана, ведь голограмма также представляет собой полученное в результате интерференции световых волн проективное изображение, которое записывается на фоточувствительной пластинке. Описание фигуры Ж. Делезом и Ф. Гваттари также весьма напоминает голографическую запись: фигура обладает референцией, которая по природе своей носит многозначный и кольцевой характер. Она характеризуется не внешним сходством, которое остается под запретом, а внутренним напряжением, которое соотносит ее с трансцендентностью в плане имманенции мысли.

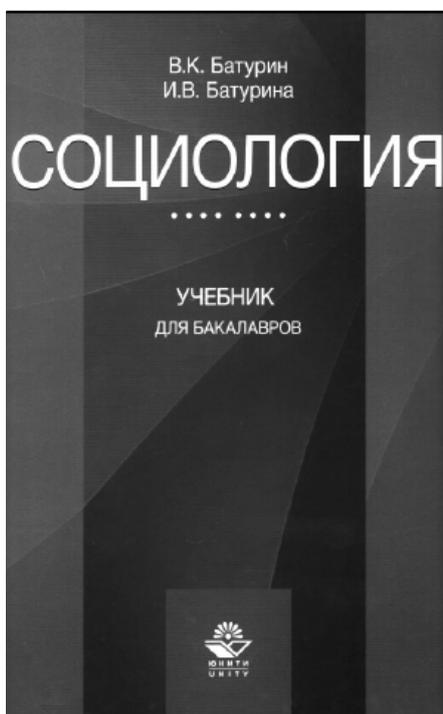
Трактовка метафоры как голограммы, таким образом, является перспективной и с философской точки зрения, так как она предоставляет возможность взглянуть на данную фигуру с позиций взаимоотношения с трансцендентным.

List of references

1. *Deleuze J.* Fold, Leibniz and the Baroque M., 1998.
2. *Deleuze G., F. Guattari* What is philosophy? M.; St. Petersburg, 1998.
3. *Lotman Y.* Rhetoric // Inside minded worlds (people, text, semiosphere, history) M., 1999.
4. *Ortega-and-Gasset H.* Aesthetics. Philosophy of Culture. M., 1992.
5. *Pribram K.* Brain Language, M., 1975.
6. *Ricoeur P.* Metaphor // Live Theory metaphor. M., 1990.
7. *Brown R.N.* Social theory as metaphor // Theory and society. 1976. № 3.
8. *Mac Cormac E.R.* The cognitive beauty of metaphor // Revue Belge de philologie et de histore Bruxelles. 1990. 68. № 3.
9. *Hester M.* Metaphor and aspects Seeing // Journal of Aesthetic 25. № 2.
10. *Hoffman R.* Metaphor in science // Cognition and figurative language. 1980.

Список литературы

1. *Делез Ж.* Складка, Лейбниц и барокко М., 1998.
2. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.; СПб., 1998.
3. *Лотман Ю.М.* Риторика // Внутри мыслящих миров (человек, текст, семиосфера, история). М., 1999.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1992.
5. *Прибрам К.* Язык мозга М., 1975.
6. *Рикер П.* Живая метафора // Теория метафоры . М., 1990.
7. *Brown R.N.* Social theory as metaphor // Theory and society. 1976. № 3.
8. *Mac Cormac E.R.* The cognitive beauty of metaphor // Revue Belge de philologie et de histore Bruxelles. 1990. 68. № 3.
9. *Hester M.* Metaphor and aspects Seeing // Journal of Aesthetic 25. № 2.
10. *Hoffman R.* Metaphor in science // Cognition and figurative language. 1980.

Социология: Учебник для бакалавров / В.К. Батури́н, И.В. Батури́на. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 311 с.

Рассматриваются основные теории и парадигмы современной социологии. Излагаются методология, методика и техники социологических исследований. Самостоятельный раздел посвящен истории социологии от зарождения социологических идей до становления социологии как науки в XIX — начале XX в. Особенностью учебника является попытка авторов свести воедино, с одной стороны, академические понятия социологии как науки, а с другой — реальный мир современного социума с его сложными проблемами и кричащими противоречиями. Для студентов бакалавриата, обучающихся по специальности «Социология», а также магистров, аспирантов и преподавателей не только социологической, но и других гуманитарных дисциплин.

Lessons of the european integration and formation of the euroasian social area

Уроки европейской интеграции и становление евразийского социального пространства

Igor A. Seleznyov,
candidate of sociological Sciences, docent,
senior research specialist of the Institute of Socio-
Political Research
of the Russian Academy of Science,
E-mail: igdrake@yandex.ru

Игорь Александрович Селезнев,
кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института социально-политических
исследований РАН

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.18

Annotation. The article is devoted to the analysis of integration processes of the post-Soviet countries in the social policy sphere. Author describes the experience of becoming a social space in the European community. There's shown the general and the particular in the European social model. The conclusions about the prospects of creation of the Eurasian social area are based on the experience of EU social policy.

Keywords: Eurasian post-Soviet integration, Eurasian Economic Union, the experience of the European Community, social policy, united social area

Аннотация. В статье проводится анализ интеграционных процессов на постсоветском пространстве в сфере социальной политики, рассмотрен опыт становления социального пространства Европейского сообщества, общее и особенное в Европейской социальной модели. На основе опыта социальной политики ЕС делаются выводы о перспективах построения евразийского социального пространства.

Ключевые слова: интеграция евразийского постсоветского пространства, Евразийский экономический союз, опыт Европейского сообщества, социальная политика, единое социальное пространство

С созданием в 2014—2015 гг. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) интеграция постсоветского пространства обретает новые институциональные формы. При этом не стоит преувеличивать «судьбоносность» подписанного договора о ЕАЭС. По сути, важные решения были приняты ранее с формированием Таможенного союза, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). Тогда президенты Беларуси, Казахстана и России приняли декларацию о евразийской экономической интеграции, которая стала своего рода «дорожной картой» развития интеграционного взаимодействия¹.

Тем не менее стоит обратить внимание на противоречивый характер интеграционных процессов. Так, руководители и Беларуси и Казахстана неоднократно

заявляли, что ЕАЭС не предусматривает политической интеграции, не уделялось внимания при подготовке договора о ЕАЭС и социальной интеграции². Однако странами ЕАЭС в предыдущие годы на межгосударственном уровне был принят ряд соглашений относительно социальной политики.

Наиболее важным документом в сфере социальной интеграции стала Концепция согласованной социальной политики государств — членов Евразийского экономического сообщества (КССП, 2007 г.), обозначившая наиболее актуальные проблемы в социально-трудовой сфере и обращающая внимание, что решение указанных проблем осуществляется при различных уровнях социально-экономического развития и моделях социальной политики стран-участников, что обуславливает необходимость поэтапного продвижения по пути социальной интеграции. Конечной целью реализации КССП должно стать формирование сообщества социальных государств путем ускоренного социально-экономического развития и интеграции государств ЕврАзЭС на базе правового обеспечения в соответствии с национальными конституциями стран-участников. В качестве главного результата названо «обеспечение единого социального пространства», включая:

- свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда;
- использование системы согласованных социальных стандартов и индикаторов;
- развитие и гармонизацию системы социального страхования;
- пенсионное обеспечение граждан, основанное на согласованных принципах и подходах;
- использование общего образовательного пространства;
- доступность полного комплекса качественных медицинских услуг и лекарственной помощи;
- формирование благоприятной для жизнедеятельности окружающей среды;
- единое пространство для межгосударственных и межнациональных культурных контактов;

- функционирование общего правового пространства.³

Провозглашая «поэтапную интеграцию» и создание «единого евразийского экономического и социального пространства», следует разобраться с очередностью форм межстрановой конвергенции. По оценкам специалистов, в настоящее время существует четыре степени межгосударственной интеграции:

(1) зона свободной торговли — отсутствуют ограничения во взаимной торговле, снимаются таможенные барьеры на перемещение товаров между странами — членами ассоциации;

(2) таможенный союз — свободное перемещение и товаров и услуг внутри стран ассоциации и единые таможенные тарифы по отношению к третьим странам;

(3) общий рынок (международное экономическое сообщество) — свободное перемещение не только товаров и услуг, но и капиталов и рабочей силы;

(4) экономический и валютный союз — общая система регулирования экономической политики, общая валютная система. Поэтапная реализация этих четырех процессов означает полное осуществление экономической интеграции⁴.

Таким образом, на данном этапе страны ЕАЭС вступают в третий этап интеграции (международное экономическое сообщество — «общий рынок»). Объединенная Европа прошла весь этот путь в прошедшие десятилетия. Сегодня ЕС столкнулась с рядом непреодолимых противоречий и находится в кризисе. Тут и последствия наплыва переселенцев из стран «третьего мира», и проблемы неравномерности развития внутри самого ЕС, долг Греции и других стран группы PIGS. Тем не менее как позитивный, так и негативный опыт интеграции европейских стран, в частности, применительно к становлению социальной системы в Евросоюзе может оказаться небезынтересным.

Как известно, все начиналось с интеграции корпоративной: сначала учреждение Европейского объединения угля и стали (ЕОУС, 1951 г.), затем, в 1957 г., Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Что касается социальной политики европейских сообществ, то ее принципы были отмечены еще при создании ЕОУС, но более четко обозначены с учреждением ЕЭС. Но, по оценкам специалистов, социальная программа еврообществ на раннем этапе интеграции носила во многом декларативный характер и отличалась противоречивостью в целях (политические — социальный консенсус, практические — приспособление рынка рабочей силы к новым условиям хозяйствования). В то время страны — участники еврообществ еще не были готовы к принятию единой согласованной социальной политики, более того, существовали мнения, что она может помешать конкурентоспособности национальных экономик и ущемлять национальные суверенитеты⁵.

Следует отметить принятие Европейской социальной хартии (1961)⁶. Но, по оценкам специалистов, даже после внесенных в Хартию в 1996 г. дополнений и обновлений она имеет общий декларативный характер,

не предписывающий обязательств участникам договора⁷.

Постепенно под давлением рабочего движения социальная политика выдвигается в число более важных направлений деятельности еврообществ, что в конечном счете выразилось в увеличении финансирования и расширении сферы деятельности. Пришло понимание необходимости активной наднациональной социальной политики и в качестве фактора, способствующего формированию экономического и валютного союза, и как одного из главных звеньев будущей европейской системы регулирования экономики. Парижская встреча глав государств и правительств стран — участников ЕЭС (1972) стала первой встречей на высшем уровне, где социальные аспекты интеграции стояли на повестке дня в качестве одной из основных тем. На этом заседании был поставлен вопрос о разработке общеевропейской политики, которая охватывает наиболее важные социальные проблемы государств еврообщества и рассматривает их в комплексе с основными направлениями дальнейшей интеграции. Была принята формулировка, согласно которой цель интеграции должна состоять в создании «социальной Европы», «Европейского социального союза». Таким образом, и формально и фактически начался новый этап европейской социальной политики⁸. И начиная с этого времени в области трудовых прав работников было разработано более 50 директив, регламентирующих уровень оплаты труда, продолжительность труда и отдыха, продолжительность оплачиваемого отпуска и др.⁹ Представляется, что данный опыт важен и для государств ЕАЭС.

Со вступлением в силу Единого европейского акта (ЕЕА, 1987) и подписанием Маастрихтского договора (1992) о Европейском Союзе началось формирование на базе трех еврообществ экономического и валютного союза. Относительно же интеграции социальной политики Евросоюза (ЕС) можно отметить, что, хотя решение социальных проблем остается в ведении каждого отдельного государства, продолжают поиски путей унификации социальных систем, гармонизации социальных отношений в ЕС. В совершенствовании социальной политики все больше внимания уделяется социальной ответственности бизнеса, помимо основных субъектов социального партнерства возрастает роль неправительственных организаций (НПО).

Выработке общей социальной модели в объединенной Европе способствует наличие следующих факторов:

- общее интегрированное экономическое пространство с единой валютой, способствующее экономической и социальной стабильности развития и усиления мировых позиций Европы; о
- общие социально-демографические тенденции на всей территории Европы;
- развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы¹⁰.

Согласно Лиссабонской декларации развития ЕС, в XXI в. должна быть построена «экономика знаний»,

динамичная, способная обеспечить устойчивый рост экономики, сопровождаемый социальным сплочением. Предполагалось формирование вслед за экономическим и других единых европейских пространств: образовательного, научно-технологического, информационного, социального¹¹. Так создана ли Европейская социальная модель (ЕСМ)? Тут мнения поляризовались.

Так, по заявлению Г. Ферхойгена, вице-председателя Еврокомиссии в 2004—2010 гг., единой ЕСМ не существует, поскольку у каждой страны свои традиции¹². Приводятся аргументы, что социальные системы в ЕС во многом несовместимы и наибольшее различие между странами ЕС наблюдается именно здесь. Основной проблемой ЕС в социальной сфере остается наличие межгосударственных разногласий в области согласования законодательств стран — участников в этой сфере¹³. Общая социальная политика ЕС носит скорее рекомендательный характер, и, таким образом, создание «социальной Европы» отстает от темпов экономической и валютной интеграции. Единое социальное пространство ЕС весьма далеко от реального воплощения. Да и в целом, несмотря на все декларации, социальная политика не является главным приоритетом Евросоюза. Реформирование социальной сферы, например в ФРГ проводится без учета перспектив единого европейского социального пространства, поскольку в первую очередь правительство руководствуется интересами национальной экономики. Решения принимаются исходя из учета ситуации, в которой находится хозяйство страны, и из возникающих вызовов, в том числе и вследствие интеграционных процессов¹⁴.

На сегодняшний день специалисты обычно выделяют по меньшей мере три модели, обнаруживающие различие в социальной политике европейских государств: нордическую (скандинавскую, социал-демократическую, шведского социализма), континентальную (корпоративистскую, патерналистскую, социального рыночного хозяйства) и островную (англосаксонскую, либеральную). Существование четвертой модели — средиземноморской, (южноевропейской)¹⁵ — остается дискуссионным¹⁶.

В пользу же единой ЕСМ говорит тот факт, что всеми национальными моделями разделяются основные принципы социальной политики в странах ЕС: социальная справедливость, социальная безопасность, социальное сплочение (солидарность), конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство¹⁷. Собственно, на декларативном уровне большинство этих положений нашли отражение и в документах по социальной политике ЕАЭС, в том числе и в КССП.

Итак, подведем итоги. Европейская система социальной политики — плод длительной интеграции. До сих пор среди специалистов и политиков нет единого мнения, можно ли говорить об общеевропейской социальной модели или по крайней мере о трех различных региональных моделях, связанных с социаль-

демократическим, консервативным и либеральным пониманием социальной политики.

Ситуация с формированием единой социальной политики стран ЕАЭС соответствует ранним этапам развития европейской интеграции, когда вопросам социальной политики уделялось недостаточное внимание. Если в Европе 1960-х гг. проблемы усиления социальной политики решались путем массовых выступлений трудящихся, то в условиях неразвитости рабочего и профсоюзного движения в современной РФ, РБ и РК эффективность такого пути гораздо ниже.

В то же время в условиях внешнеэкономических санкций со стороны стран Запада (включая ЕС), с которыми столкнулась РФ в 2014—2016 гг. и с которыми сталкивается Республика Беларусь на протяжении ряда лет, переход на стандарты ЕС в социальной политике, включая положения Европейской социальной хартии представляется скорее химерическим. При этом в ситуации потенциальной изоляции наших стран со стороны Запада скорее будут проявляться те или иные мобилизационные формы, что в конечном счете повышает нормы эксплуатации труда. С другой стороны, сложная международная обстановка диктует потребность в повышении социальной солидарности и снижении социальной напряженности. И здесь вполне следует ожидать инициатив со стороны государства, по старому опыту Бисмарка обращаясь к активной социальной политике.

¹¹ В Астане подписан договор о создании ЕАЭС // <http://www.rosbalt.ru/business/2014/05/29/1274315.html>

¹² Назарбаев раскритиковал политизацию ЕАЭС // <http://news.nur.kz/295894.html>

¹³ Концепция согласованной социальной политики государств-членов ЕврАзЭС // <http://www.evrases.com/docs/view/67>

¹⁴ Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Альфа-М: Инфра-М, 2008. С. 236—237, 246—247.

¹⁵ Пашков А.В. Европейская социальная политика. Киев: Глобус, 1999. С. 20—21.

¹⁶ В 1999 г. вступила в силу пересмотренная Европейская социальная хартия (некоторые страны ратифицировали только первый документ, а некоторые — только новый). РФ ратифицировала пересмотренную Хартию в октябре 2009 г., признав обязательными для себя из положений части II Хартии ст. 1,3, 5—11, 14, 16, 17, 20—22, 24, 27—29 полностью, 2, 4, 12, 15, 18, 19 частично (всего 68 пунктов).

¹⁷ Совместимы ли социальные модели России и ЕС? М., 2005. С. 16.

¹⁸ Пашков А.В. Указ. соч. С. 27—30.

¹⁹ Церкаевич Л.В. Современные тенденции социальной политики в странах Европейского Союза. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. С. 125.

²⁰ Там же. С. 125—126.

²¹ Социальная Европа в XXI в.: (Старый свет- новые времена) / Под ред. М.В. Каргаловой. М.: «Весь мир», 2011. С.173—174.

²² Там же. С. 179.

²³ Пашков А.В. Указ. соч. С. 95.

²⁴ Совместимы ли социальные модели России и ЕС?

²⁵ Каргалова М.В., Егорова Е.Н. Социальное измерение европейской интеграции («Общие пространства России — ЕС: право, политика, экономика», Вып. 7.) М.: Аксиом, 2010. С. 15.

²⁶ Церкаевич Л.В. Указ. соч

²⁷ Социальная Европа в XXI в.. 2011. С. 176, 180, 183.

Pedagogical ethics of leader

Педагогическая этика руководителя

Alexander Vasilevich Sheglov,
candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor
E-mail: av_shcheglov@mail.ru

Александр Васильевич Щеглов,
кандидат педагогических наук, доцент

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.19

Annotation. In recent years, experts actively developed pedagogical problems of official and administrative ethics, the ethics of economic leader and the head of the state body. The main attention is drawn to the pedagogical principles and norms of moral behavior and moral culture of professional managerial personnel, necessity attitude every leader to his official rights and duties as a professional duty.

Keywords: ethics, pedagogy, pedagogical ethics, ethics of manager, management ethics, education and training, business team, cooperation, teaching, the authority of the manager, professional duty, professional etiquette

Аннотация. В последние годы специалистами активно разрабатываются педагогические проблемы служебной и административной этики, этики хозяйственного руководителя, а также руководителя государственного органа. При этом основное внимание обращается на педагогические принципы и нормы нравственного поведения и профессиональной нравственной культуры руководящих кадров, обосновывается необходимость отношения каждого руководителя к своим служебным правам и обязанностям как к профессиональному долгу.

Ключевые слова: этика, педагогика, педагогическая этика, этика руководителя, управленческая этика, воспитание и обучение, служебный коллектив, педагогика сотрудничества, авторитет руководителя, профессиональный долг, профессиональный этикет

Несмотря на то что понятие «профессия – руководитель» еще с трудом входит в наш лексикон, надо признать, что руководитель – это все-таки профессия (к тому же одна из самых сложных), и поэтому педагогическую этику руководителя надо рассматривать как существенный элемент педагогики и профессиональной этики и профессии «руководитель» вообще.

Поскольку профессиональная этика отражает различный уровень развития морального сознания и педагогических требований к тем или иным профессиональным группам, постольку педагогическая этика руководителя представляет собой специфику проявления общих педагогических требований общества к нему, с одной стороны, а с другой – как к специалисту, профессионалу в сфере своей деятельности. Являясь конкретизацией общих педагогических категорий, принципов, норм, педагогическая этика определяет место педагогики в деятельности работников данной профес-

сии, педагогическую значимость тех или иных требований в их работе (службе), осознании ими престижа данной профессии и педагогической ответственности за проблемы формирования и сплочения коллектива, вопросов воспитания, обучения, образования, развития каждого члена этого коллектива.

Воспитание и обучение – ядро и основа педагогической деятельности. В этом смысле педагогический фактор в обществе исключительно значим, и педагогическая этика – это не только наука о становлении педагогического сознания руководителя (как руководителя и воспитателя), как может показаться вначале. Педагогическая этика – это кодекс высокоморальных отношений в сфере «человек – человек». Поэтому взаимоотношения руководителя (начальника) любого ранга со своими коллегами и подчиненными всегда должны следовать основам педагогической этики.

Однако педагогическая этика как отражение педагогических отношений базируется на принципах общечеловеческой морали и воспроизводит гуманные отношения между людьми.

Было бы ошибочно понимать педагогическую этику руководителя как улицу с односторонним движением, где воспитывающие флюиды направлены от руководителя к подчиненным в целях формирования в них определенных качеств. Воспитание в коллективе всегда обоюдно, взаимно, оно формируется в результате педагогического процесса, который мы вправе называть жизнью. Воспитатель отличается от воспитуемого только опытом, умением, определенными знаниями, которых должно быть достаточно для того, чтобы не только наблюдать за жизнью своих коллег, но и участвовать в ней, терпеливо и ненасильственно предлагать им лучшие образцы человеческих отношений.

У французского гуманиста эпохи Возрождения М. Монтеня встречаем интересное суждение: «Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое – своим»¹.

Для истинного профессионала его работа и профессиональный, служебный долг – не «маска» и не «внешний облик», а тот внутренний стержень, который непосредственно связан с духовным миром личности, ее нравственным содержанием и проявляется в индивидуальной нравственной культуре, экстерниоризован-

ной в служебном мастерстве, знаниях, навыках, умениях, профессионализме.

Для руководителей специфической и наиболее важной является такая совокупность правил и форм обхождения с людьми, которая называется *педагогическим этикетом*. Его сущность заключена в корректном использовании всех форм управленческого и педагогического общения.

В последние годы специалистами активно разрабатываются педагогические проблемы служебной и административной этики, этики хозяйственного руководителя, а также руководителя государственного органа. При этом основное внимание обращается на педагогические принципы и нормы нравственного поведения и профессиональной нравственной культуры руководящих кадров, обосновывается необходимость отношения каждого руководителя к своим служебным правам и обязанностям как к профессиональному долгу. К тому же акцентируется особое внимание на противоположенных руководителю качествах, имеющих повышенную социальную опасность: волюнтаризм, некомпетентность, нескромность, несправедливость, коррумпированность, упорное игнорирование демократических начал в работе.

Основополагающими *принципами педагогической этики* являются: гуманизм, социальная справедливость, демократизм, забота о подчиненных, единство слова и дела, профессионализм и компетентность, способность предвидеть педагогические и иные последствия принимаемых решений и совершаемых действий, личная порядочность, нравственная чистоплотность, моральная ответственность, честная оценка результатов своей работы.

Справедливым будет утверждение, что критерием педагогической зрелости для руководителя являются его умение и способность брать на себя всю полноту ответственности за все зависящие от него последствия принимаемых решений. Должностное положение руководителя дает ему юридические права, а моральное право (связанное с авторитетом) он должен заслужить знанием дела, умением честно работать и правильно, демократично строить взаимоотношения и весь педагогический процесс в коллективе. Руководитель морально ответствен за подчиненных и перед ними. Точность, четкость, организованность, аккуратность в делах, верность своему слову, умение разделять с подчиненными успехи и неудачи, радости и огорчения – это показатели профессионализма и педагогической этики руководителя. Среди точных наблюдений и мудрых советов Дейла Карнеги есть такой: «Всегда есть причина, почему другой человек думает и поступает так, а не иначе. Выявите эту скрытую причину, — и у вас будет ключ к его действиям, а возможно, и к его личности»².

Отношение руководителя к подчиненным воспринимается последними не как правила, нормы, которыми он руководствуется в общении с ними, а как нравственные качества, как естественное проявление природы их руководителя. В этом смысле руководитель всегда находится «под контролем» своих подчиненных,

которые быстро обнаруживают фальшь и лицемерие отношений, «двойной стандарт», если это имеет место. В этом случае моральная судьба руководителя оказывается незавидной: он не может рассчитывать ни на авторитет, ни на моральное, ни педагогическое влияние на подчиненных, не может стать неформальным лидером в коллективе.

Особенности управленческого и исполнительского труда, различное педагогическое «положение» начальника и подчиненного требуют дифференцированного подхода к педагогической оценке руководителя и подчиненного. Психолого-педагогические исследования показывают, что наиболее значимыми, предпочтительными профессиональными качествами руководителей являются следующие (в порядке значимости):

- требовательность к себе и подчиненным;
- справедливость;
- доверие к подчиненным;
- уважение личного достоинства подчиненного;
- чувство ответственности за положение дел в коллективе;
- умение владеть собой, тактичность;
- забота о подчиненных, внимание к их нуждам, проблемам;
- уверенность в себе, настойчивость, твердость, решительность;
- чуткость, отзывчивость;
- верность слову, обязательность;
- общительность, простота в общении, доступность;
- скромность, самокритичность;
- жизнерадостность, оптимизм, чувство юмора.

Помимо этого назывались такие качества руководителя обобщенного, собирательного характера, как человечность, порядочность, гуманность и ряд других³.

Людьми импонируют руководители с преобладанием названных выше черт, при наличии которых подчиненные нередко прощают своему руководителю некоторые его слабости, относящиеся к качествам иного свойства (знания, ум, профессионально-деловые качества, физические и др.). Не противопоставляя моральные качества иным, следует отметить, что если подчиненные хотят прежде всего видеть у своего начальника моральные качества, то сами руководители на первое место ставят у своих подчиненных деловые, профессиональные качества. Это объясняется, с одной стороны, тем, что у руководителей, кроме моральных и педагогических средств воздействия на подчиненных, есть и иные (правовые, материальные), тогда как подчиненный может влиять на своего начальника лишь через посредство нравственных отношений, что предполагает наличие у последнего соответствующих как моральных, так и педагогических качеств.

Профессионально подготовленный руководитель — это нечто большее, чем специалист, имеющий сертификат о высшем образовании (зачастую — о нескольких высших) и впечатляющий послужной список. Отличает профессионала прежде всего воспитанность, образованность, духовная развитость, высокие моральные

принципы и многие другие качества, изучаемые педагогической этикой.

По сути дела, образованность и образование (как педагогическая система) в узком смысле этого слова не в состоянии решить очень многие жизненно важные задачи, стоящие перед человеком. Степень разрешения этих противоречий зависит от степени *интеллигентности* человека, его обращенности к людям. Поэтому актуальность и значимость педагогической этики руководителя любого ранга продиктованы как минимум двумя причинами. Во-первых, особой ролью управленческого труда в жизни общества, необходимостью выделить руководителя (а следовательно, в известной степени – педагога) как носителя высоких идеалов, способного реально влиять на служебный коллектив, своих коллег и в значительной мере формировать их мировоззрение. Авторитет руководителя должен стать синонимом высокой духовности, открытости, гуманизма и образцом для подражания. Без таких жизненных принципов, без высоких этических норм специалист-профессионал не может быть руководителем.

С другой стороны, в обществе наблюдается кризис личности. Следует отметить, что это явление как социокультурная реальность констатируется европейскими философами, психологами, культурологами уже в конце XIX в. Это отразилось в известной фразе Ницше о смерти Бога. Человек остался без духовной опоры, без точки отсчета, с которой можно было бы сверять свои дела и помыслы. Все это определило необходимость усиления роли педагогики и, в частности, этического воспитания. Ибо, как сказал Монтень, «тому, кто не постиг науку добра, всякая иная наука приносит лишь вред».

Основными педагогическими задачами при подготовке специалиста к той или иной руководящей (управленческой) деятельности являются следующие:

- формирование педагогической потребности осознать смысл жизни, выбрать свою нравственную позицию – сотворить себя;
- развитие творческого потенциала личности, духовного мира, профессиональной педагогической компетентности;
- совершенствование личностных качеств, развитие эмоционально-чувственной сферы, овладение педагогической техникой в общении;
- моделирование и прогнозирование педагогических действий по управлению деятельностью воспитуемых;
- постижение педагогических способов и приемов, техники мышления и деятельности;
- активизация процессов самообразования, самовоспитания, самосовершенствования, самосозидания личности.

Указом Президента Российской Федерации были утверждены *Общие принципы служебного поведения государственных служащих*, которые представляют собой основы поведения государственных служащих, которыми им надлежит руководствоваться при исполнении должностных (служебных) обязанностей.

В документе, в частности, говорится: «Государственный служащий, сознавая свою ответственность перед государством, обществом и гражданами, призван: исполнять должностные (служебные) обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне в целях обеспечения эффективной работы государственного органа; исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание деятельности органов государственной власти и государственных служащих; ...соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения; проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и представителями организаций; проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий, способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию; воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в объективном исполнении государственным служащим должностных (служебных) обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа...»⁴

Когда мы говорим о педагогической этике руководителя, обычно подразумевается его моральный облик. Думается, однако, что этого недостаточно, особенно когда дело касается руководителя правоохранительного органа. Ему важно не только обладать качествами высоконравственного человека, но и владеть психолого-педагогическими приемами, средствами морального воздействия на подчиненных: уметь выбрать правильный тон речи, использовать свой моральный авторитет, опираться на мнение коллектива, учитывать его традиции и т.д. Если руководитель не владеет приемами морального влияния на подчиненных, то, к примеру, его скромность, тактичность могут приобрести характер слабости, а настойчивость – характер упрямства, доверие к подчиненным в этом случае может привести к попустительству.

Необходимым элементом педагогической этики руководителя выступает и его способность предвидеть моральные, воспитательные последствия принимаемых им решений и средств их выполнения. Недооценка этого фактора зачастую приводит к возникновению искусственных барьеров между руководителем и подчиненными, деморализует коллектив, подрывает авторитет начальника и в конечном счете негативно сказывается на эффективности выполнения оперативно-служебных задач.

Возьмем, к примеру, дисциплинарную практику руководителя. Если он накажет или поощрит кого-либо из сотрудников, не учитывая при этом общественное мнение, конкретную ситуацию, характер предстоящих задач, то далеко не всегда может быть достигнут ожидаемый эффект, более того, возможен обратный эффект. Такое нередко происходит, когда руководитель не соизмеряет меру поощрения (наказания) с заслугами (степенью вины) подчиненных, не учитывает их поло-

жение, авторитет в коллективе либо применяет меры дисциплинарного воздействия несвоевременно.

Моральный облик руководителя включает в себя не только моральные качества, но и нравственные чувства, потребности, привычки, моральные убеждения. Каждую из этих составляющих можно рассматривать как направление формирования морального облика сотрудника.

Другим важным элементом педагогической этики руководителя является *культура чувств*. Моральные чувства, как и качества, выражают устойчивое отношение человека к различным общественным явлениям, служебной деятельности, к другим людям и самому себе, но в отличие от моральных качеств они охватывают эмоциональную сферу жизни людей, их настроения, мотивы, побуждения. Чувства оказывают заметное влияние на общее развитие личности.

Без культуры чувств не может быть нравственного поведения. Как необузданные, буйные чувства, так и эмоциональная инертность, ограниченность, вялость чувств свидетельствуют о серьезных просчетах в воспитании. К тому же нередко вялость чувств – продукт лени души, равнодушия человека к окружающим. Человек, не способный подчинить свои эмоции, чувства, побуждения интересам общего дела, коллектива – ханжа, эгоист, имеет ущербную нравственную ориентацию и, как правило, рано или поздно морально деградирует. Если такими чувствами обладает руководитель, то он часто обрастает подобными себе, его нередко окружают льстецы и подхалимы.

Следующим необходимым элементом педагогической этики руководителя, его морального облика выступают *моральные убеждения*. Наряду с политическими, правовыми, нравственными, эстетическими и другими убеждениями они существенно влияют на все стороны деятельности и поведения человека, поскольку представляют собой те укоренившиеся в его сознании принципы, нормы, идеалы, категории этики, которым он считает нужным следовать. Предопределяя линию поведения человека, его конкретные поступки, моральные убеждения выступают в качестве мотивов, т.е. показывают, во имя чего человек совершает те или иные действия, какие преследует цели (нравственные или безнравственные, с личной выгодой или с пользой для коллектива, общества и т.д.).

Однако моральные убеждения могут быть как положительного, высоконравственного содержания, так и негативного, аморального.

Аморальны убеждения тех руководителей, которые имеют так называемую двойную мораль: одну – для подчиненных, другую – для оправдания своих (в том числе безнравственных) действий, поступков. Наличие таких убеждений (а по существу, заблуждений) создает руководителю известный моральный комфорт в тех случаях, когда его должна мучить совесть. У таких руководителей весьма извращенное представление о справедливости, роли личного примера, авторитета в воспитании подчиненных и утверждении в коллективе здоровых морально-психологических отношений.

Человек, обладающий подлинно моральными убеждениями и убежденностью, никогда не позволит себе проявить неуважение к людям, высокомерие, эгоизм и стяжательство, злоупотребление служебным положением, недостойное поведение в быту. Если он руководитель, то не позволит себе того, что считает непозволительным для подчиненных. У такого человека одна мораль, единые нравственные и педагогические оценки как собственного поведения, так и окружающих.

Особую роль в педагогической этике руководителя играет его *моральный авторитет*. Он выражает степень духовной власти руководителя над подчиненными в силу признания ими его достоинств. Авторитет – не доброе пожелание, а необходимое требование для любого руководителя. Авторитетный руководитель вдохновляет, зажигает людей, неавторитетный – обжигает, подталкивает их.

Действенность решений начальника, эффективность этико-педагогической работы и идей, которые он несет в коллектив, определяются во многом тем, насколько он авторитетен среди подчиненных, коллег и вышестоящих руководителей. Два руководителя, наделенные одинаковой служебной, административной властью, но имеющие различный моральный авторитет, обладают весьма неодинаковым потенциалом воздействия на подчиненных. Доброе слово авторитетного руководителя, как правило, ценится выше, чем материальное поощрение со стороны неавторитетного начальника. Приказ первого воспринимается как должный, обоснованный, разумный; распоряжение второго вызывает сомнения в его целесообразности, что неизбежно сказывается на активности действий подчиненных, на их инициативе, самоотверженности и ответственности.

Для оптимизации взаимоотношений в коллективе практика и наука выработали ряд моральных правил, часть которых можно отнести к руководителю, часть – к подчиненному. Среди правил поведения руководителя можно выделить следующие:

- учить подчиненных, а не поучать их;
- вести людей за собой, а не подталкивать;
- требовать, а не придирается;
- «зажигать» подчиненных, а не «обжигать» их;
- знать подчиненных, но не рисоваться этим знанием;
- быть скромным в оценке себя и более щедрым в оценке подчиненных;
- быть простым в общении, но не фамильярничать;
- не позволять себе того, что считаешь непозволительным для подчиненных;
- быть принципиальным, а не упрямым.

Что касается правил поведения подчиненного, то среди основных следует назвать такие:

- уважать начальника, а не угождать ему;
- быть вежливым, а не льстивым;
- быть исполнительным, но не подобоострастным;
- проявлять инициативу, а не самовольство;
- иметь свою точку зрения и уметь защитить ее;
- быть в коллективе не значит быть как все.

Использование эффективных педагогических и дидактических методов, внутренняя культура и нравственное чутье руководителя – вот основа его педагогической этики. Успехи руководителя (и коллектива) зависят от того, насколько прочны человеческие связи между членами коллектива. Предлагаем некоторые полезные советы, которые способствуют развитию и укреплению педагогики сотрудничества в служебном коллективе. Их можно отнести не только к руководителю.

1. Научитесь слушать и слышать другого человека. Это самый простой ключ, который ведет к взаимопониманию начальника и подчиненного.

2. Помните всегда о том, что говорит только один. Важно внимательно выслушать позиции каждого человека, не перебивая его, не поучая, не опровергая.

3. Не занимайте без необходимости время других.

4. Делитесь мыслями, идеями, отношением к происходящему и цените, когда это делают другие. Не критикуйте тех, кто доверил вам свои жизненные духовные ценности, а помогите ему, если это возможно.

5. Будьте терпимы к чужому мнению, уважайте в человека человеческое, а не сиюминутное, преходящее. Не осуждайте человека за его мысли, а попробуйте убедительно показать несостоятельность той или иной его идеи.

6. Уважайте каждого человека, каждую индивидуальность. Каждый человек должен ощущать на себе внимание, уважение, быть уверенным в том, что его правильно поймут и помогут.

7. Бережно относитесь к достоинству и чести другого человека.

Для того чтобы раскрыть сущность педагогических требований к личности руководителя, необходимо иметь четкое представление о том, каковы его основные функции, задачи и основные структурные блоки его управленческой деятельности. Представляет профессиональный интерес точка зрения американских специалистов-управленцев Т. Фитцджеральда и Г. Карлсона, которые отмечают, что руководитель представляет собой ответственное лицо, которое решает, управляет, организует, планирует и контролирует всю

деятельность подчиненных. Он независим, полон сил и способностей, ориентирован на достижение, отважен, уверен в себе. Его жизнедеятельность, энергия, жизнеспособность находятся на уровне выше среднего. Руководитель должен обладать способностью к творческому мышлению, умением руководить, умением общаться с людьми, подчиненными и вышестоящими начальниками⁵.

Реализация управленческих функций ежедневно требует от руководителя проведения множества конкретных педагогических мероприятий и действий: совещаний, работы с документами, приема посетителей и т.д. Часто эти действия называют эмпирическими единицами деятельности руководителя. Исследования показали, что все эти эмпирические единицы деятельности включают в себя три взаимосвязанные теоретические единицы деятельности:

- 1) познавательную деятельность;
- 2) деятельность по принятию решений;
- 3) деятельность по организации их использования.

Эти теоретические единицы деятельности отличаются друг от друга по предмету, целям, мотивам, действиям и результатам.

Нетрудно сделать вывод, что реализация руководителем каждой из управленческих функций проходит посредством проведения конкретных мероприятий, каждое из которых базируется на познавательной деятельности, принятии конкретных решений и организации их исполнения.

¹Монтень М. Опыты. Избранные главы: Пер. с франц. М., 1991. С. 546.

²Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. М., 1989. С. 187.

³См.: *Профессиональная этика* / Под ред. Г.В. Дубова. М., 2002. С. 287–288.

⁴Российская газета. 2002. С. 6. 15 августа.

⁵Фитцджеральд Т., Карлсон Г. Как распознать потенциальные способности руководителя: Пер. с англ. // *California Management Review*. 1971. 14. № 2. Р. 18–23.

Spirituality and Culture: ascent to the heights of morality

Духовность и культура: восхождение к вершинам нравственности

Alexander Vasilevich Sheglov,
candidate of pedagogical Sciences,
associate Professor
E-mail: av_shsheglov @ mail.ru

Александр Васильевич Щеглов,
кандидат педагогических наук,
доцент

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.20

Annotation. In the world of people in a society undergoing complex processes that can lead to a fall and elevation, enslavement and liberation of man. And the greatest responsibility of the individual is to understand in what guise are the good and evil, in which clothes disguise themselves hypocrisy and treachery, to find his place in the struggle of good and evil forces. The dominant value in this struggle belongs to the culture of the individual, his spiritual perfection, values that professes people.

Keywords: spirituality, culture, morality and spiritual culture, freedom, free will, the formation of spirituality in man and in society, moral education, good and evil, moral values, moral qualities

Аннотация. В мире людей, в обществе происходят сложные процессы, которые могут приводить к падению и возвышению, порабощению и освобождению человека. И величайшая ответственность личности состоит в том, чтобы понять, в каком обличье выступают Добро и Зло, в какие одежды рядятся лицемерие и предательство, найти свое место в борьбе добрых и злых сил. Доминирующее значение в этой борьбе принадлежит культуре личности, ее духовному совершенствованию, ценностям, которые исповедует человек.

Ключевые слова: духовность, культура, нравственность, духовная культура, свобода, свобода воли, формирование духовности в человека и в обществе, нравственное воспитание, добро и зло, нравственные ценности, нравственные качества

Раскрыть и объяснить сущность духовного давно пытались и наука, и религия, и философия, и искусство. Нельзя сказать, что достигнутые результаты сильно впечатляют.

Если обратиться к современной науке, понимая ее прежде всего как экспериментальное знание, то она мало что может сказать о духовности, поскольку находится на стадии изучения самых элементарных психических процессов.

Искусство, напротив, говорит и рассуждает о духовности много и охотно. Говорит зачастую ярко, образно, эмоционально, но раскрыть сущность этого феномена оно, естественно, не может. Да оно и не ставит

перед собой такой задачи. Искусство не столько изучает и объясняет явления, сколько наглядно, образно и эмоционально отражает их.

Наиболее активно проблемы «духа» традиционно обсуждаются философией и теологией. Общее у них связано с признанием того, что дух и духовность, говоря словами Иоанна Дамаскина, «действительно существуют» и проявляются в своем «собственном» и «особенном» личном бытии. Иными словами, духовное реально существует и имеет свою качественную специфику, принципиально отличающую ее от других областей действительности. Принципиальное же их различие состоит в том, что философия, как правило, исходит из некоей рационально понимаемой сущности духовного, в то время как религия и теология склоняются к признанию «сверхразумной» сущности духа и опираются не столько на разум, сколько на веру. Понятно поэтому, что в объяснении сущности духа, так же как в понимании его природы, существует два основных подхода. Один — исходящий из естественной или хотя бы рационально объяснимой природы и сущности духа, другой — исходя из его «сверхъестественной» и «сверхразумной» сущности.

Каждый из этих подходов имеет свои сильные и слабые стороны.

Сильная сторона первого подхода состоит в том, что он стимулирует реальное изучение духовного мира человека и тем самым ищет реальные пути формирования духовного мира человека. Слабость его состоит в том, что у него крайне ограничен выбор тех естественных оснований, с помощью которых можно объяснить природу и сущность духовности. Не только «производственные отношения» или «поведение высших животных», но даже такие традиционные основания, как «интеллект», «разум», «культура», здесь мало что дают. Нравственная практика ясно показывает, что прямой, а тем более однозначной связи между интеллектом, разумом, культурой и духовностью просто нет. Бывает, что человек вроде бы и умный, и образованный, и даже культурный, но духовно абсолютно «глухой». И наоборот, человек, в обыденном понимании малообразованный и малокультурный, может быть духовно богатым. В конце концов, не за знаниями и не за культурой ездят

ли Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский в Оптину пустынь к старцам. В общении с ними они искали и находили явно что-то другое. Это «другое» и было духовным общением.

Религия как бы снимает все эти трудности. Она однозначно заявляет, что источник духа и духовности не ум, не образование, не культура, а Бог. При всей своей ясности такое решение содержит в себе внутреннее противоречие, ибо при таком подходе духовность, по существу, мало или совсем не зависит от человека. У нее нет никаких естественных и рациональных оснований, и соответственно процесс ее формирования и развития — процесс не социальный, а божественный. Человек может стремиться к духовности, прилагать массу усилий, но получит он желаемый результат или нет, зависит не от него, а от Бога. Как известно, «не в меру дает Бог Духа Святого», другими словами, «мера» получения «духа» зависит не от человека и его усилий, а исключительно от «воли Божьей». Но тем самым личная ответственность человека за уровень его духовности как бы автоматически снимается. Он имеет то, что имеет, или точнее говоря, то, что «Бог дал». В то же время всякая религия требует от человека «духовного подвига», т.е. духовного совершенствования. Но как совершенствоваться то, что от тебя не зависит? Противоречие это достаточно очевидно, и поиски способа его разрешения — одна из трудных задач богословия.

Анализ различных подходов (научного, этико-философского, религиозного) к выяснению природы и сущности духа показывает, что каждый из них в чем-то правомерен и правильно фиксирует и отражает какую-то сторону, какой-то момент этого исключительно сложного феномена. Но не менее ясно и то, что каждый из этих подходов, взятый сам по себе, изолированно от других, не дает желаемого результата. Очевидно, что нужен какой-то новый «синтетический» подход к решению проблемы, синтезирующий в себе сильные стороны каждого из них.

Необходимость такого нового подхода осознана и высказана давно. Еще русский философ В.С. Соловьев (1853—1900) писал: «...осуществление... универсального синтеза науки, философии и религии... должно быть высшей целью и последним результатом умственного развития» [1, с. 590]. Эта мысль, в свое время новая и оригинальная, в настоящее время стала общим местом. Но как добиться этого «синтеза»? Как объединить то, что представляется в принципе несоединимым? Сейчас это также неясно, как и во времена В.С. Соловьева. Остается уповать на то, что это действительно задача «последнего результата умственного развития». Но поскольку «последний результат» возможен только при наличии «непоследних результатов», представляется необходимым изложить некоторые соображения по обсуждаемой проблематике. Такой подход к выяснению сущности духовного лежит именно в русле попыток «синтетического» анализа этого сложнейшего явления.

Исходной основой понимания и анализа духовной культуры личности является положение о том, что при-

рода и сущность духовности определяются природой и сущностью человека. Но, как подметил Н.А. Бердяев (1874—1948) в своем «Самопознании», есть два способа рассмотрения человека — сверху и снизу, от Бога и духовного мира и от бессознательных космических и теллургических сил, заложенных в человека [2, с. 321].

Поддерживая саму идею Бердяева, следует в то же время сказать, что познание человека, а следовательно, и его духовного мира должно идти не снизу или сверху, а и снизу и сверху, поскольку эти два подхода нельзя разделять, тем более противопоставлять. Бесконечное многообразие конкретного взаимодействия «низа» и «верха» в каждом конкретном человеке и порождает, на наш взгляд, тот особый «синтез», который характеризует человека как определенную и особую личность. Это бесконечное многообразие порождает, с одной стороны, бесконечное личностное многообразие и своеобразие людей, в том числе их духовного мира, а с другой — позволяет выделять достаточно большие социальные группы с явным преобладанием тех или иных сил, которые оказывают на их мышление и поведение значительное или даже решающее значение.

Поскольку понимание человека снизу представлено в нашей литературе более чем достаточно, при анализе духовного мира личности будем отдавать предпочтение пониманию человека сверху, однако стараясь не абсолютизировать этот подход.

При выяснении сущности духовности в целом и духовной культуры в частности мы будем использовать три основных источника: философию, т.е. те или иные философские идеи и концепции по исследуемому нами вопросу; православное вероучение о «духе» (при этом речь идет не о простом его пересказе, а о попытке вычленив в этой религиозной концепции те реальные характеристики «духа», которые вполне понятны и объяснены на рациональном уровне и которые в большей или меньшей степени позволяют прояснить наши представления о природе и сущности духовного в человека); анализ современной жизни с акцентом на выяснение содержания тезиса о «гибели духовности».

Первый вопрос, который возникает при исследовании «духовного» — это вопрос о причинах его возникновения, формирования и развития.

В этой ситуации небезынтересным становится анализ религиозных концепций происхождения, формирования и развития «духа». Вполне логично предположить, что, специально занимаясь этим вопросом на протяжении тысячелетий, должны быть получены какие-то вполне реальные и позитивные знания. Задача состоит в том, чтобы научно оформить (выделить) эти знания, отвлекаясь от специфически религиозной формы их изложения. С этой целью обратимся к анализу православного вероучения о «духе».

Как с точки зрения христианского вероучения в целом, так и православного в частности источником духа человека, его первопричиной является Бог, точнее говоря, Дух Святой. Однако в понимании природы этого духа, а главное — в понимании процесса взаимодействия этого духа человека и Духа Святого, даже в рам-

ках православия существуют значительные различия, явно обусловленные исторически.

Для примера сравним взгляды Св. Иоанна Дамаскина и преподобного о. Серафима Саровского на данный предмет.

Иоанн Дамаскин (675 — 753), один из общепризнанных столпов православия, рассматривает связь Духа Святого и духа человека по аналогии слова и дыхания. Исходя из известного положения, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1), Иоанн совершенно естественно полагал, что «для Слова должно быть и дыхание, ибо и наше слово не без дыхания». Но если дыхание присуще даже слову человека, то тем более логично предположить, что «в Божием естестве, простом и несложном, должно благочестно исповедывать бытие Духа Божия, потому что Слово Его не есть недостаточнее нашего Слова» [3, с. 9]. При рациональной трактовке этого положения получается, что поскольку Слово есть Бог, то, услышав Слово и приняв его, человек тем самым приобщается к Богу и самим фактом этого приобщения вместе со Словом получает и Святого Духа. Логика рассуждений Св. Иоанна понятна. Она состоит в том, что, принимая христианство (Слово), человек тем самым принимает и его «дух» (Дух Святой).

Но эта логика, вполне понятная и объяснимая в VII в., когда принятие христианства было делом сознательной воли человека и актом социально значимым, стала в России XIX в. не столь ясной и убедительной. Русский человек XIX в. становится христианином (православным) автоматически, самим фактом своего рождения в России, где православие, по существу, было государственной религией. Но такая ситуация порождала явное противоречие. С одной стороны, все христиане, с другой — наличие в людях Духа Святого, и господство его в обществе очень проблематично.

Стало очевидно, что Дух Святой не дается человеку автоматически, самым формальным актом принятия христианства, что его надо долго (фактически всю жизнь), настойчиво, целеустремленно, сознательно стяжать, т.е., говоря современным языком, приобретать, воспитывать, формировать и развивать.

Проблема «стяжания Духа Святого» и стала одной из центральных проблем учения другого столпа православия — преподобного *Серафима Саровского* (1759 — 1833), чудотворца.

Ядро, суть всего учения о. Серафима Саровского — это понимание им «цели жизни нашей христианской». По его учению «истинная ... цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего. Пост ли, и бдения, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое добро суть средства для стяжания Святого Духа Божьего».

Каким же образом происходит стяжание Духа Святого, или, другими словами, как формируется духовность человека?

Сам Серафим Саровский из зажиточной купеческой семьи, поэтому крайне любопытна простота (и рациональность) его ответа на этот, казалось бы, край-

не сложный вопрос. Когда его спросили об этом, он вполне определенно ответил, что «стяжание все равно что приобретение... Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия» [5, с. 336]. Значит, для стяжания Духа Святого от человека требуются определенные действия и усилия.

Прежде всего, отец Серафим совершенно оригинально трактует известное библейское положение о том, что «вдунул Бог дыхание жизни в лицо Адама первозданного и созданного Им от персты земной». Он считает, что это положение нельзя понимать в том смысле, что «в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персты земной». Напротив, все «три сии части нашего естества созданы были от персты земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим живым существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям». Таким образом, созданный Богом Адам, в принципе, ничем не отличался от всех других Божьих созданий. Это качественное различие наступило лишь после того, как Бог «вдунул» в Адама «благоть Господа Бога Духа Святого».

Какой же следует вывод из всего вышеизложенного?

В понимании природы духа и духовного у Иоанна Дамаскина и Серафима Саровского мы видим значительные различия. Оба видят источник духа (духовного) в Боге, но Дамаскин считает, что человек получает частицу Святого Духа, как только он узнает Бога и слышит его Слово, т.е., по существу, при рождении (крещении). Отец Серафим, напротив, считает, что при рождении (сотворении) человек получает некие «естественные» тело, душу и дух, а акт получения «благоти Духа Святого», это некий отдельный, самостоятельный акт, который может состояться, а может и нет. Причем этот акт отец Серафим совершенно четко разносит во времени. Первыми получают благоть Духа Святого Адам и Ева, затем Апостолы (через 50 дней после Воскресения Христова), и только затем эту благоть начинают получать люди.

Но Адам и Ева согрешили и потому лишились этого бесценного дара. Вернулась благоть только с приходом Иисуса Христа на Землю.

Следовательно, отец Серафим признает, что духовность («Дух Божий») существовала всегда и была известна роду человеческому, но была эта духовность не такой «полноправной», как в Адаме или в нас, православных христианах. Но на рациональном языке это означает признание как исторической обусловленности духовности, так и ее относительной самостоятельности. Сама констатация того факта, что Адам как получает Благоть Духа Божьего, так и лишается ее, ясно указывает на то, что «дух» не дается человеку от рождения и навсегда, а, напротив, получение этого духа прямо зависит от действий самого человека.

Достоевский говорил, что человек иногда верит в Бога из гордости. Это выражение парадоксально, но социальный смысл его состоит в том, что человек не соглашается поклоняться миру, обществу, людям и по-

клоняется Богу как единственному источнику своей независимости и свободы от власти мира.

Хорошая гордость в том, пишет Н.А. Бердяев, что бы не желать поклоняться никому и ничему, кроме Бога. «Я становлюсь безмерно богат оттого, что существует Бог. Я очень беден, если существую только я сам, и нет ничего выше меня, больше, чем я. И весь мир страшно беден и плосок, если он довлеет себе, если нет Тайны за ним» [2, с. 325].

Одна из важнейших характеристик духовности — свобода. Дух — свободен. В этом смысле выражение «свобода духа» — тавтологично. Напротив, выражение «духовное рабство» внутренне противоречиво: рабство духа есть бездуховность. Другой вопрос, всякая ли свобода духовна? Как мы уже говорили, свобода начинается с воли, независимости; свобода закрепляется в гражданских правах. Только одухотворенный человек, человек, крепкий духом, является внутренне свободным. Действительная свобода возможна как свобода конструктивная, творческая.

Формы проявления духовности разнообразны. В принципе любой вид общественно полезной деятельности может стать сферой ее проявления, так как духовность заключена не в самой деятельности, а в отношении человека к ней, в том, как он ее видит и оценивает, какие интересы и потребности заставляют его заниматься ею.

Оба понятия — «духовность» и «культура» — соединяются в третьем — «духовная культура». Последнее, разумеется, нельзя сводить к одной лишь начитанности, эрудиции или образованности человека. Его содержательным ядром является активное, творческое и вместе с тем ответственное отношение личности к жизни. По-настоящему культурный, духовно богатый человек не может быть безразличен к тому, что происходит вокруг него. Спектр его отношений с миром, с людьми чрезвычайно разносторонен и содержателен. Высокая внутренняя культура позволяет ему открывать все новые возможности для общественно ценной, творческой, созидательной деятельности. Опираясь на все сказанное, попытаемся (с точки зрения русского православия и русской философии) сформулировать некоторые выводы о природе и сущности духовности [6, с. 51].

1. Дух, духовность — действительно существуют и проявляются в своем собственном, особенном, личном бытии, т.е. имеют свою природу и качественную специфику, отличающую их от тела и души. (Не будем забывать «триединства» природы и сущности человека, прежде всего как существа биосоциального.) Большинство философов так или иначе признают дух, духовность непременным атрибутом человека; одни — исходя из естественной природы человека, другие — из его божественной природы и сущности.

2. Вопрос об источнике духа, о причинах возникновения и развития духовного в настоящее время остается открытым. Естествензнание исследует пока лишь самые элементарные психические процессы и сказать что-либо конкретное о природе духовного пока не мо-

жет. Ответы, даваемые философией и религией, противоречивы, а главное, их невозможно практически проверить.

3. Истинная цель и смысл жизни человека — постоянное духовное самосовершенствование (стяжание Духа Святого), которое делает человека «богоподобным», устанавливает в его сердце Царство Божие (царство любви, добра, правды и справедливости) и дает ему жизнь «блаженную» (полную, цельную, гармоничную и счастливую).

4. Духовность (Дух Святой) — это то, что качественно, по существу отличает человека от всех других Божьих созданий, даже самых «высокоразвитых». Духовность — это одна из сущностных характеристик и качеств человека, это то «дыхание жизни», благодаря которому человек и получает «душу живую», т.е. душу, «совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную».

5. Духовность — это то, что порождает и характеризует качественно новую природу и сущность человека, то, что вводит его в «Богородное достоинство», так как превращает человека в Богочеловека.

6. Формирование духовности (получение Духа Святого) — это исключительно важный, качественно новый и относительно самостоятельный этап в развитии человека. Тело, душу и дух человек получает уже при рождении по «роду своему». Однако превращение этого «естественного духа» в Дух Святой — акт относительно самостоятельный, но в значительной степени зависящий от самого человека.

Другими словами, получение Духа Святого (духовность человека) не есть некий одноразовый акт. Напротив, это трудный процесс, предполагающий сознательные и целенаправленные действия самого человека, «стяжания» им Духа Святого.

Итак, сущностная, качественная природа духа, отличающая его от природы тела и души, состоит в том, что *духовность присуща только человеку*, и этим он принципиально отличается от всех других живых существ. Больше того, духовность не просто выделяет человека из мира животных, она преобразует его природу и сущность, делает его «Богородным», т.е. существом, во всем подобным Богу [7, с. 103].

Естественно, возникает вопрос: какие же конкретные качества характеризуют и раскрывают природу и сущность духовного в человека?

Выяснить и описать эти конкретные качества возможно двумя способами: а) анализируя процесс возникновения и развития духовных ценностей, процесс формирования представлений о природе и сущности духовного; б) анализируя содержание духовности, которое люди вкладывают в это понятие в своей конкретной, повседневной жизнедеятельности.

Результаты, полученные в ходе этого теоретического и практического анализа, и должны дать представление о тех человеческих качествах, которые характеризуются как духовные.

За исходную точку теоретического анализа примем всем хорошо известные элементарные нормы общече-

ловеческой нравственности, данные Богом Моисею и изложенные в Ветхом Завете (Исх. 20, 2—17; Втор. 5, 6—21).

Заповеди Божии можно сравнить с законами природы: и те и другие имеют своим источником Творца и дополняют друг друга — одни регулируют бездушную природу, другие дают нравственную основу человеческой душе. Разница между ними в том, что материя безусловно подчиняется физическим законам, человек же свободен подчиняться или не подчиняться законам морали. В предоставлении человеку свободы выбора заключается тем самым великая милость Божия: эта свобода дает возможность человеку духовно расти и совершенствоваться, даже уподобляться Богу. Однако нравственная свобода налагает на человека ответственность за свои поступки.

Основы нравственного закона заложены Творцом в самую духовную природу человека. Мы чувствуем в себе этот закон каждый раз, как совесть нам говорит, что следует, а чего не следует делать. Сравнивая нравственный закон в душе человека с законом в Священном Писании, мы видим, что они имеют одно содержание: Заповеди Божьи в конкретной словесной форме подтверждают то, что нашему сердцу говорит внутреннее чувство, именуемое совестью.

Получение от Бога Десяти Заповедей является самым знаменательным ветхозаветным событием. Справедливости ради отметим, что с Десятью Заповедями связано само образование еврейского народа. Действительно, до получения заповедей в Египте жило семитское племя бесправных и огрубевших рабов, после синайского законодательства возникает народ, призванный верить и служить Богу, из которого впоследствии произошли великие пророки, апостолы и святые первых веков христианства. Из него же родился по плоти Сам Спаситель мира — Господь Иисус Христос. Такова вкратце предыстория возникновения Десяти Заповедей. Но каковы же были обстоятельства их возникновения?

Обстоятельства возникновения Десяти Заповедей. Об этом повествуется в Ветхом Завете, в Пятикнижии Моисея (книга Исход, главы 19—20, 24). За полторы тысячи лет до Рождества Христова, после великих чудес, совершенных пророком Моисеем в Египте, фараон вынужден был отпустить еврейский народ, и он, перейдя чудесным образом Красное море, пошел по пустыне Синайского полуострова на юг, направляясь к обещанной (Обетованной) земле. К пятидесятому дню после исхода из Египта еврейский народ подошел к подножию Синайской горы и расположился здесь станом. Здесь пророк Моисей взшел на гору, и Господь объявил ему: «Скажи сынам израилевым: если будете слушаться голоса Моего и соблюдать Завет мой, то будете Моим народом». Когда Моисей передал волю Божью евреям, они ответили: «Все, что сказал Господь, исполним и будем послушны». Тогда Господь повелел Моисею к третьему дню приготовить народ для принятия Закона, и евреи постом и молитвой стали готовиться к нему. На третий день густое облако покрыло

вершину горы Синай. Сверкали молнии, гремел гром, и раздавался сильный трубный звук. От горы восходил дым, и вся она сильно колебалась. Народ стоял вдалеке и с трепетом наблюдал происходящее. На горе Господь сказал Моисею Свой закон в виде Десяти Заповедей, которые пророк потом пересказал народу.

Приняв заповеди, еврейский народ обещал их соблюдать, и тогда был заключен Завет (союз) между Богом и евреями, состоящий в том, что Господь обещал еврейскому народу Свои милости и покровительство, а евреи обещали праведно жить. После этого Моисей снова взшел на гору и пробыл там в посте и молитве в течение сорока дней. Здесь Господь дал Моисею и другие законы церковные и гражданские, повелел соорудить Скинию (переносной храм — палатку) и дал правила относительно служения священников и жертвоприношений. К концу сорока дней Бог написал Свои Десять Заповедей, данные раньше устно, на двух каменных плитах (скрижалях) и повелел хранить их в «Ковчеге Завета» (позолоченном ящике с изображениями херувимов наверху крышки) для вечного напоминания о Завете, заключенном между Им и израильским народом.

В течение дальнейшего сорокалетнего странствования по пустыне Моисей постепенно записал и многое другое, что Господь открыл ему на Синайской горе и в последующих явлениях. Из этих заповедей образовались библейские книги — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Содержание самих Десяти Заповедей вошло в книги Исход (20, 1—17) и Второзаконие (5, 6—21). В чем же состояло их первоначальное значение?

Значение Десяти Заповедей. Законы, которые пророк Моисей дал еврейскому народу, имели целью регулировать не только его религиозную, но и гражданскую жизнь. В новозаветное время большинство ветхозаветных обрядовых и гражданских законов утратили свое значение и были отменены апостолами. Однако Десять Заповедей и другие заповеди, определяющие моральное поведение человека, составляют вместе с новозаветным учением единый нравственный закон. О Десяти Заповедях надо сказать, что они содержат в себе самые начальные основы нравственности, закладывают те фундаментальные принципы, без которых невозможно существование никакого человеческого общества. Поэтому они являются как бы «конституцией», или Magna Charta, человечества. Вероятно, по причине такой чрезвычайной важности и неприкосновенности Десять Заповедей в отличие от других заповедей были написаны не на бумаге или другом каком-либо тленном веществе, но на камне (местонахождение спрятанных пророком Иеремией каменных скрижалей с Десятью Заповедями в пещере на горе Нево неизвестны; неоднократные попытки их найти не увенчались успехом).

В Десяти Заповедях есть определенная последовательность. Так, в первых четырех заповедях говорится об обязанностях человека по отношению к Богу, следующие пять определяют взаимоотношения между людьми, последняя призывает к чистоте мыслей и желаний.

Несомненно, ч.е. некоторые общие черты между Десятью Заповедями и законами древних народов, населявших северо-западную часть Месопотамии. Эти общие элементы и совпадения можно объяснить единством нравственного закона, заложенного Богом в душу человека. Если бы человеческая природа не была повреждена грехом, то, вероятно, одного голоса совести было бы достаточно, чтобы регулировать все человеческие взаимоотношения. В отличие от Десяти Заповедей в древних языческих законодательствах явно чувствуется нравственное несовершенство их составителей.

Выражены Десять Заповедей весьма кратко и ограничиваются самыми минимальными требованиями. В этом заключается их большое преимущество: они предоставляют человеку максимум свободы в устройстве своих житейских дел, отчетливо определяя лишь те границы, которые нельзя переступать, не поколебав основ общественной жизни.

Говоря о смыслах заповедей, можно выделить следующее.

Первая заповедь призывает нас поставить Бога в центре наших мыслей и стремлений; вторая — запрещает преклоняться перед чем-либо или служить чему-либо, вместо Бога, и учит не поработаться страстями; третья — учит благоговеть перед Богом и Его именем; четвертая — посвящать Ему седьмой день недели и вообще часть своей жизни; пятая — учит почитать родителей и вообще старших. Следующие четыре заповеди внушают уважение к ближнему и запрещают причинять ему какое-либо зло: лишать его жизни или вредить его здоровью, посягать на его семейную жизнь, его имущество и ронять его честь. Наконец, последняя заповедь запрещает завидовать и призывает к сердечной чистоте (чистоте помыслов).

Таким образом, Десять Заповедей дают людям то основное нравственное руководство, которое необходимо для созидания как частной, так и семейной и общественной жизни. Говоря по совести, пока государство в своем законодательстве руководствуется этими моральными принципами и заботится о соблюдении их, жизнь в стране течет нормально. Когда же оно отступает от этих принципов и начинает попирает их, будь то тоталитарное или демократическое государство, жизнь в стране приходит в расстройство и многих людей не оставляет ощущение надвигающейся на них катастрофы [8, с. 39].

У А.П. Чехова в его записных книжках есть загадочная на первый взгляд мысль: «Чем культурнее, тем несчастнее». Она находится, казалось бы, в противоречии с утверждением, что степень счастья, испытываемого человеком в жизни, находится в прямой пропорциональной зависимости от уровня его духовной культуры. Эту антиномию, образовавшуюся из сопоставления двух противоположных утверждений: «чем культурнее, тем несчастнее» и «чем культурнее, тем счастливее», можно верно разрешить только в том случае, если принять во внимание содержательное богатство и многозначность понятия культуры, а также из-

вестную полноту условий, необходимых культурному человеку для того, чтобы чувствовать себя счастливым [9, с. 327].

Не потому ли тот же Чехов говорил: «За дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком, постоянно стучать и напоминать, ч.е. несчастные...» А еще лучше, если такой «молоточек» будет у каждого внутри в виде живых, пульсирующих нравственных чувств и столь же живого сознания ответственности перед людьми и самим собой за все, что происходит в мире.

Основа Духовности — признание ценности Добра, иначе говоря, восприятие жизни и мира как дающих свет, радость, мажорное мироощущение. В обществе (в истории) происходят сложные процессы, которые могут приводить к падению и возвышению, порабощению и освобождению человека. И величайшая ответственность личности состоит в том, чтобы понять, в каком обличье выступают Добро и Зло, в какие одежды рядятся лицемерие и предательство, найти свое место в борьбе добрых и злых сил.

Делание добра не обязанность, не подвиг. Это нормальное, естественное проявление человечности, порядочности. Человек, не делающий добра, живет ущербной жизнью. Он не может быть счастлив, не может расти духовно. Гоголь в своем «Правиле жития в мире» поделился замечательными мыслями о воспитании духовной личности: «... воспитать другого и подать ему душевную истинную помощь мы можем тогда, когда достигли сами до высочайшего незлобия, когда никакие оскорбления не могут оскорбить нас. Тогда и разум наш получает свет и может наблюдать поступки других, видеть их прегрешения и научать нас, как избавляться от них. ...На сем основана и жизнь: учиться самому и научать других, и самому вознестись и другому вознести...» [10, с. 391—392].

В процессе внутренней жизни человек осмысливает сделанное и обдумывает новые действия для осуществления своих целей. Успешные или менее успешные действия вновь дают пищу для раздумий, для их оценки.

Лев Толстой в своей «Исповеди» пишет: «...единственная истинная вера моя... была вера в совершенствование. ...Я старался совершенствовать себя умственно, — я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю - составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изоощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучал себя к выносливости и терпению. И все это я считал совершенствованием. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование...» [11, с. 109].

Разумеется, личность обретает хорошие или дурные моральные качества благодаря тому, какой она выходит из жизненных ситуаций, какие делает нравственные выборы, совершает поступки. Либо она приобретает умение управлять собой, преодолевать внешние препятствия и внутренние слабости, либо ситуация за-

хватывает ее, порождает растерянность и страх, подавляет, заставляет обманывать и лицемерить. В процессе преодоления жизненных трудностей и противоречий, глубоких эмоциональных переживаний (состояний) личность развивает в себе основу духовности — высокое нравственное и эстетическое чувство, потребность в добром деянии, нравственном удовлетворении и духовном росте.

Для того чтобы сформировать духовность в обществе, нужна действенная система ценностей: политических — демократия; социальных — свобода, гуманизм; экономических — достойный уровень жизни; собственно духовных, включающих систему ценностей, о которых шла речь. Генератором духовности в обществе является интеллигенция. Духовность формируется постепенно.

Личность никогда не сможет бороться со злом, если в жизни равнодушно проходит мимо него и не научилась всеми силами души ненавидеть его. Личность никогда не будет доброй, если сама не пережила лишения и не ощутила всем существом дефицит человеческой доброты. Она никогда не будет кого-либо любить, кроме себя, если ей не приходилось отказываться от удовольствия ради блага других людей. Она не будет смелой, если никогда не преодолевала в себе трусость. Она не сможет сострадать и сочувствовать, если сама не переживет страдания и боль. Она не научится побеждать и ощущать радость победы, если не испытала горечи поражения. Она не будет простой и скромной в славе, не пережив одиночество, гонения и безывестность. Духовность формируется в преодолении противоречий, в борьбе с безнравственностью [12, 289].

List of references

1. *Solovyov V.S.* Compositions: The 2m. T. 1. M., 1988.
2. *Berdyayev N.A.* The existential dialectic of the divine and the human // *Berdyayev. The Destiny of Man.* M., 1993.
3. *St. John Damascene.* Exact Exposition of the Orthodox Faith. M., 1992.
4. *Ilyin I.A.* Axioms of religious experience. Study. M., 1993.
5. *On faith and morals according to the teachings of the Orthodox Church: Collection.* M., 1991.
6. *Kvasha B.F., Oleynikov V.S., Shcheglov A.V.* Psychology: Methodological aspect: Tutorial. SPb., 1998.
7. *Markov B.V.* Mind and Heart. History and theory mentality. SPb.: Univ. St. Petersburg State University, 1993.
8. *John.* Metropolitan of St. Petersburg's and Ladoga. The autocracy of the spirit. Sketches of Russian identity. SPb., 1994.
9. *Frank S.L.* Spiritual Foundations of Society: An Introduction to Social Philosophy // Russian abroad. From the history of social and legal thought. L., 1991.
10. *Gogol N.V.* Rule the lives of the world // NV Gogol Spiritual prose. M., 1992.
11. *Tolstoy L.N.* Confession // Vol. : 22 T. T. 16. M., 1983.
12. *Shcheglov A.V.* Between good and evil: a moral choice in the space // Philosophical Investigations and the present: Issue 3: Proceedings. M.: Publishing. Academy house them. NOT. Zhukovsky, 2014.

Список литературы

1. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1988.
2. *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
3. *Св. Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. М., 1992.
4. *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. Исследование. М., 1993.
5. *О вере и нравственности по учению православной церкви: Сборник.* М., 1991.
6. *Кваша Б.Ф., Олейников В.С., Щеглов А.В.* Акмеология: Методологический аспект: Учеб. пособие. СПб., 1998.
7. *Марков Б.В.* Разум и сердце: История и теория менталитета. СПб.: Изд. СПбГУ, 1993.
8. *Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский.* Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
9. *Франк С.Л.* Духовные основы общества: Введение в социальную философию // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
10. *Гоголь Н.В.* Правило жития в мире // Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992.
11. *Толстой Л.Н.* Исповедь // Соч.: В 22 т. Т. 16. М., 1983.
12. *Щеглов А.В.* Между добром и злом: в пространстве морального выбора // Философские исследования и современность: Вып. 3: Сб. науч. тр. М.: Изд. дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2014.

The evolution of the process of formation of the Russian Parliament in modern Russia

Эволюция процесса формирования парламента в современной России

Dmitrii Vladimirovich Shikunov,
candidate of political Sciences, docent,
Deputy Head of the Department
of Sociology and Political Science
at the Moscow University of Russian Ministry of
Internal Affairs named after V.J. Kikot
E-mail: dim.shikunoff@yandex.ru

Дмитрий Владимирович Шикун,
кандидат политических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
социологии и политологии
Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя

Citation index on niion.org: 2016.0070/1.21

Annotation. Analysis of the stages of formation and development of modern Russian parliamentary system allows the author to highlight the conditions and characteristics of the electoral system in Russia, to show the inconsistency and the complexity of the electoral process in our country, especially in the context of the election campaign in the elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Keywords: parliamentarism, electoral law, electoral system, political process

Аннотация. Анализ этапов становления и развития современного российского парламентаризма позволяет автору выделить условия и особенности избирательной системы в России, показать противоречивость и сложность избирательного процесса в нашей стране, особенно в условиях избирательной кампании на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: парламентаризм, избирательное право, избирательная система, политический процесс

Давая оценку политической ситуации в современной России накануне очередных парламентских выборов в сентябре 2016 г., необходимо еще раз проанализировать модель парламентаризма, сложившуюся в нашей стране за последние два с небольшим десятилетия, понять, как и в каких условиях складывались те или иные нормы избирательного права.

Формирование современного российского парламента в начале 1990-х годов проходило в рамках острейшей политической борьбы за власть. В 1992–1993 гг. в России активно разрабатывался проект новой Конституции. К середине 1993 г. было подготовлено четыре основных документа, каждый из которых имел собственный подход к проблеме формирования высших органов власти, по-своему видел взаимоотношения парламента и президента.

Первый подход был сформулирован Конституционной комиссией, — «сильный парламент и сильный президент». Равновесие высших органов законодательной

и исполнительной власти предполагается осуществить следующим образом: президент с согласия парламента осуществляет назначение высших должностных лиц; президент не имеет права роспуска парламента; парламент не может увольнять в отставку правительство в целом, но вправе ставить вопрос об отставке отдельных министров, окончательное решение в этом случае парламент принимает после пояснений президента, т.е. путем вторичного голосования; правительство хотя и действует под руководством президента, но также имеет своего главу.

Подход части Верховного Совета РФ — «Вся власть Советам!». Парламент становится не только законодательным, но и высшим контрольным органом. Исполнительная власть находится под его строжайшим надзором. Президент не вправе требовать проведения референдума, создавать самостоятельно органы администрации, назначать федеральных должностных лиц в регионы в пределах своих полномочий.

Подход, содержащийся в проекте Конституции А. Собчака «эклетиная республика». Президент — глава государства и высшее должностное лицо. Он спрашивает согласия одной из палат парламента только на назначение председателя правительства и судей высших судов; министры и иные должностные лица назначаются непосредственно. Правительство самостоятельно образует Госсовет, который приобретает контроль над содержанием проектов всех актов правительства, а также иные значительные полномочия. Самостоятельную политическую роль получает глава правительства. Наряду с этим парламент может сразу простым большинством голосов уволить в отставку главу и любого из членов правительства.

Подход, предложенный группой С. Шахрая, — «суперпрезидентская республика» — предполагал значительное расширение законодательных и кадровых прав президента. Необходимо отметить, что в Конституции РФ 1993 г. мы можем найти многие положения, заложенные в этот проект.

С 29 апреля по 10 ноября 1993 г. над проектом Конституции работало Конституционное совещание. В его работе принимали участие представители различных общественных и политических организаций,

ученые-юристы. В первоначальном варианте Конституции Государственная Дума должна была состоять из 300 депутатов, избираемых по территориальным избирательным округам на основе единых норм представительства. После обсуждения было решено создать смешанный вариант выборов, когда половина депутатов выбиралась по спискам избирательных объединений. Данная мажоритарно-пропорциональная система была предложена Президентом РФ Б.Н. Ельциным. Президент наделялся новыми дополнительными полномочиями, в том числе правом распускать Думу.

По мнению президентской стороны, частичное введение пропорциональных выборов в Российской Федерации было прямо направлено на стимулирование процесса формирования парламентских партий и их фракций в будущем российском парламенте, усиление фракционного элемента в деятельности депутатского корпуса Государственной Думы, приобщение партий к парламентским формам работы. Установленный при этом достаточно высокий 5%-ный барьер голосов избирателей, поданных за избирательные объединения, был призван ограничить количество будущих фракций в Государственной Думе.

При этом имелся в виду западноевропейский парламентский опыт, когда кандидаты в депутаты с самого начала шли в парламент от партий и других общественных организаций и были нацелены на работу в будущих фракциях. Было ясно, что Съезд народных депутатов РФ в этом виде Конституцию не примет. Поэтому Б.Н. Ельцин пошел на решительный шаг – разгон Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Указом от 21 сентября 1993 г. он прервал деятельность этих органов. Кроме того, серией указов октября 1993 г. все региональные и местные советские органы распускались, их функции временно передавались главам исполнительной власти, а выборы в новые законодательные органы в регионах и в органы местного самоуправления должны были быть проведены с декабря 1993 по июнь 1994 г. Таким образом советская система была ликвидирована.

1 октября 1993 г. Президент РФ подписал Положение о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г. В статье 3 Приложения — «Выборы в Государственную Думу» – было установлено, что половина депутатского корпуса Думы (225 депутатов) будет выбираться на основе мажоритарной системы по одномандатным избирательным округам и 225 депутатов – на основе системы пропорционального представительства. Положение устанавливало методику распределения депутатских мандатов между общероссийскими списками кандидатов.

12 декабря 1993 г. одновременно с референдумом по принятию новой Конституции прошли выборы в Государственную Думу и Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

На протяжении всего времени существования Государственной Думы не прекращалась дискуссия об основах избирательного законодательства в Думу. Основные предложения были связаны с уменьшением пропорционального представительства партий и объединений или полной его отменой и введением мажоритарной системы выборов либо со снижением 5%-ного барьера для избирательных объединений.

В канун выборов 1995 г. широко обсуждался Федеральный закон «О выборах депутатов Государствен-

ной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Государственная Дума приняла этот закон. Однако Президент РФ наложил на этот законопроект вето. Он предложил изменить соотношение количества депутатов, избираемых по партийным спискам и по одномандатным округам: вместо соотношения 225 – 225 ввести соотношение 300 депутатов по одномандатным округам и 150 по спискам.

Кроме того, предлагалось, чтобы в федеральный список не могли входить кандидаты, выдвигаемые тем же избирательным объединением в избирательных одномандатных округах. Федеральный список объединения должен выдвигаться съездом (конференцией) соответствующей партии или общественно-политической организацией.

Избирательные объединения, преодолевшие 5%-ный барьер на предыдущих выборах, могли не собирать подписи в поддержку своих кандидатов. Для регистрации необходимо было представить 250 тыс. подписей избирателей, причем на один субъект Федерации могло приходиться не более 7% подписей (ранее соотношение было – 100 тыс. подписей и соответственно 15%). Мандаты должны распределяться между избирательными объединениями, получившими более 5% голосов, и избирательными блоками, получившими более 7% голосов, при условии, что число полученных ими голосов превышает число голосов, поданных против всех списков.

Подобная позиция Президента РФ, связанная со снижением или полной отменой пропорционального элемента в системе выборов, была вызвана стремлением президентской стороны снять излишнюю политизированность российского парламента, уменьшить в нем роль фракций, влияние на законодательную деятельность политических партий. Политическая жизнь России показала, что уже в Государственной Думе первого созыва особым влиянием стали пользоваться партии, оппозиционные Президенту РФ.

С другой стороны, подавляющее большинство представителей фракций и депутатских групп Государственной Думы выступили за сохранение существовавшей смешанной избирательной системы, считая, что отмена пропорционального элемента в выборах не будет способствовать ослаблению фракционного элемента в деятельности Государственной Думы. В то же время введение полной мажоритарной системы вызовет усиление влияния на Государственную Думу разнообразных лоббистских группировок, групп интересов различных, в том числе и криминальных, структур.

Особая позиция оказалась у фракции ЛДПР. Выступив за сохранение соотношения 225—225, она поддержала предложение президента о том, чтобы не собирать подписи тем, кто на прошлых выборах преодолел 5%-ный барьер.

Фракция Демократической партии России (ДПР) предложила проводить два тура выборов и ограничить выдвижение кандидатов в одномандатных округах только политическими партиями и объединениями.

В июне 1995 г. новый Закон о выборах депутатов Государственной Думы был принят. Однако группа депутатов обратилась с запросом в Конституционный Суд РФ о конституционности ряда положений этого закона. В ноябре 1995 г. Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению этого запроса, дав следующую резолюцию: «От законодательного органа

зависит, будет ли избирательная система мажоритарной, пропорциональной, смешанной, будет ли введен определенный процент голосов избирателей, который необходимо собрать в поддержку списка избирательного объединения, с тем чтобы оно имело право участвовать в распределении депутатских мандатов, как будет определяться допустимое отклонение численности избирателей в избирательном округе от единой нормы представительства... Этот выбор осуществляет представительный орган – Федеральное Собрание Российской Федерации – в соответствии с правилами законодательной процедуры».

В конце декабря 1997 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин направил заключение Председателю Государственной Думы Г.Н. Селезневу на проект этого закона, принятого Думой в первом чтении, предложив «избрание всех 450 депутатов Государственной Думы по мажоритарной избирательной системе» и «переход к мажоритарной системе абсолютного большинства с голосованием в два тура». 12 мая 1999 г. после заседания политсовета движения «Наш дом – Россия» В.С. Черномырдин в связи с отставкой Е.М. Примакова с поста Председателя Правительства РФ заявил о необходимости досрочного роспуска Государственной Думы и о проведении выборов по мажоритарной системе.

Сложившаяся в России в 1990-е годы избирательная модель благодаря введению пропорционального элемента в парламентские выборы, когда половина депутатского корпуса Государственной Думы формируется победившими на выборах избирательными объединениями, была направлена на стабилизацию и укрепление многопартийной системы в стране. Установленный для партий 5%-ный барьер заставлял партии консолидироваться и направлять свои основные усилия на поиск массового избирателя, т.е. превращал их в парламентские партии. Интересно, что в государственных думах первых созывов большинство мест принадлежало оппозиционным президенту и правительству фракциям и депутатским группам.

Укрепление вертикали власти в 2000-е годы привело к принятию серии законодательных актов и новых нормативных положений, существенно ограничивших часть элиты в плане влияния на принятие государственных решений. Следующим шагом стало ограничение, коснувшееся общественно-политических организаций, и прежде всего политических партий. Закон «О политических партиях» нормативно закрепил право на парламентскую борьбу только за партиями. В 1990-е годы такое право было не только у них, но и у общественных движений и объединений, в результате чего в Государственной Думе образовывались не только партийные фракции, но и депутатские объединения, сформированные из депутатов, не являвшихся партийными «выдвиженцами». Широкой многопартийности и расплывчатости политического спектра того времени как нельзя лучше соответствовала смешанная мажоритарно-пропорциональная система.

Теперь же, чтобы участвовать в парламентских выборах и создавать свое избирательное объединение, необходимо было пройти сложную процедуру регистрации, предусматривавшую значительные ограничения. Партией стало считаться политическое объединение численностью более 10 тыс. членов (с 2004 г. – более 50 тыс.), имеющее свои представительства в более чем половине субъектов Российской Федерации. Затем

новый Закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», принятый в 2005 г., заменил смешанную модель выборов на полностью пропорциональную, сняв мажоритарный элемент и введя вместо 5%-ного барьера на выборах для избирательных объединений 7%-ный барьер.

Теперь голосование проводилось только за избирательные объединения, создавать которые могли лишь официально зарегистрированные политические партии. Прежний мажоритарный компонент, когда избиратель мог голосовать за конкретных кандидатов в одномандатных избирательных округах, был отменен. Общее количество политических партий в стране значительно сократилось. Считалось, что подобные изменения должны привести к ускорению создания в Российской Федерации устойчивой партийной системы.

Однако этого не произошло. Недостатки подобной «жесткой» модели проявились в установлении партийного диктата со стороны четырех крупнейших политических партий, имевших свои фракции в Государственной Думе, — «Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР. То есть эти политические силы постарались законодательно закрепить свое лидирующее положение путем отстранения политических оппонентов от возможности участия в парламентской борьбе. В Государственной Думе даже сложилась ситуация, когда одна фракция «Единой России» обладала конституционным большинством, т.е. имела численность более 2/3 от общего числа депутатского корпуса. Эта фракция могла не только одним своим голосом принимать законы, но и вносить изменения в конституционное законодательство. Кроме того, из Государственной Думы исчез либеральный сектор (ранее он был представлен фракциями СПС и «Яблоко»), а также так называемые независимые депутаты, не вошедшие ни в одну из фракций. Поэтому, на наш взгляд, установился некий перекосяк: парламент, являющийся законодательным и представительным органом власти, был ограничен в своем представительстве в сторону законодательной функции. Возник прецедент прохождения законопроекта через Государственную Думу за одно заседание (закон принимается во всех трех чтениях за один день).

В регионах в этот период также был установлен определенный партийный диктат прежде всего со стороны «Единой России». Подавляющее число руководителей субъектов Федерации (теперь они не выбирались, а назначались Президентом РФ только по представлению партии, набравшей наибольшее число голосов на региональных выборах) прямо или косвенно представляли эту партию. Считалось, что в этом случае будущему главе администрации региона будет гарантирована поддержка в Законодательном Собрании, но в то же время устанавливается и его ответственность перед «своей» партией, фракцией и депутатским корпусом. Такая же ситуация сложилась с руководителями муниципальных образований и в своем большинстве с составом местных законодательных собраний и иных представительных органов власти. Однако в итоге все это привело к апатии избирателя, низким явкам на выборы (федеральные, региональные и особенно местные). Еще ранее был отменен минимальный порог явки избирателей, и из избирательных бюллетеней убрана графа «против всех». Конечно, все это не способствовало укреплению и развитию демократических основ

российского общества.

Более того, часть политического спектра была законодательно отсечена от участия в парламентской борьбе. В результате эти в основном оппозиционные по отношению к власти, политические силы перешли от парламентских к внепарламентским средствам политической борьбы (пикетам, демонстрациям и т.п.). Некоторые прежде системные партии и общественно-политические организации превратились во внесистемные. Возможно, подобное обстоятельство также стало определенной ошибкой власти. В стране появляется так называемая непримиримая оппозиция, требующая смены политического режима и отставки лидеров страны. Возможно, если бы у этих оппозиционных лидеров оставалась возможность участвовать в избирательных кампаниях, имея свои легальные (т.е. формально одобренные государством и контролируемые со стороны государства) организации, не случилось бы политического «болотного» кризиса в 2011—2012 гг.

К началу 2010-х годов на место большинства прежних лидеров оппозиции, в свое время в той или иной форме «пробовавших» власть, пришли новые молодые и амбициозные лидеры, жаждущие власти. Причем они в основном стали «выходцами из масс» — блогеры, правозащитники, экологи и др. Они активно стали привлекать современные методы борьбы, использовать информационное пространство. А так как к этому времени российское интернет-сообщество разрослось до глобальных масштабов, влияние их на массы трудно переоценить. Значительная часть получателей информации переместилась в глобальную сеть и соответственно оказалась подвержена влиянию этой информации.

Люди, вышедшие на Болотную площадь, требовали немедленных перемен. С трибуны выступали лидеры организаций самой разнообразной, а порой и противоположной политической ориентации — «Солидарности», Партии народной свободы, КПРФ, «Яблока», «Справедливой России» и др. Формальным организатором акции выступил коммунистический «Левый фронт». К лидерам, выходящим на сцену, отношение было далеко не однозначным. Лидера «Яблока» С. Митрохина встретили недовольным «У-у-у!» и предложили: «Депутат, сдай мандат!» С изрядным скепсисом принимали выступления лидеров несистемной оппозиции — Б. Немцова и Е. Чириковой. Э. Лимонова вообще на сцену не пустили, а представителя КПРФ освистали. Как писали потом многие участники митинга, люди вышли на площадь не послушать тех или иных лидеров, а показать свою небезразличность к демократической процедуре выборов и озабоченность многократными нарушениями закона в ходе ее проведения. Манифестации протеста кроме Москвы прошли в Барнауле, Красноярске, Чите, Екатеринбург, Новосибирске, Челябинске, Улан-Удэ.

Столкнувшись со столь мощным проявлением недовольства, власть вынуждена была немедленно реагировать. Сначала по предложению Д.А. Медведева, высказанному им в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в 2011 г., было значительно либерализовано законодательство о партиях. Главное — были убраны барьеры на пути создания новых партий. Необходимый минимум был сокращен с 50 тыс. до 500 членов. В результате вместо прежних 7 (в первой половине 2011 г.) к осени 2015 г. Мини-

стерством юстиции РФ уже было зарегистрировано 78 политических партий.

Затем в декабре 2012 г. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ высказал предложение вернуться к прежней модели выборов в Государственную Думу: вернуть смешанную мажоритарно-пропорциональную систему выборов и снизить избирательный барьер с 7% до 5% голосов избирателей. Новый закон о выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации от 22 февраля 2014 г. закрепил это и иные положения. Это не просто возвращение к прежней избирательной модели, но возвращение к ней в новых условиях. Законодатель постарался учесть ошибки прошлого и прописать нормы, исходя из современных условий.

Конечно, мы в данном случае говорим не о реальном соотношении сил между политическими оппонентами накануне парламентских выборов и не о том, кто действительно способен победить на этих выборах, а лишь о потенциальных возможностях, появившихся у партий. Понятно, что сегодня иметь своих представителей в высшем представительном органе страны мечтают многие политические силы, в том числе имеющие определенную опору в регионах.

По различным оценкам, наиболее активно в грядущих выборах примут участие 12 политических партий, которым не придется собирать подписи избирателей в свою поддержку. Это в первую очередь четыре парламентские партии, — «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Затем идет «Яблоко», набравшее более 3 % голосов избирателей на прошлых выборах. И наконец, партии, имеющие своих представителей в региональных и местных законодательных собраниях, — «Правое дело», «Патриоты России», «Гражданская платформа», «Коммунисты России», «Российская партия пенсионеров за справедливость», «Родина», «Республиканская партия России - Партия народной свободы». Безусловно, все «непарламентские» партии постараются провести своих представителей в Думу через однопартийные избирательные округа.

Таким образом, политический спектр современной России крайне разнообразен. Подавляющее большинство политических партий в своих программных документах критикуют деятельность Правительства РФ, значительную часть не устраивает политика Президента РФ. Крайне оппозиционно к власти относятся партии либерального толка. Поэтому можно ожидать осенью 2016 г. крайне острую борьбу между политическими оппонентами. Новая «модернизированная» избирательная модель должна снизить накал страстей, а власть должна умело ее использовать и не дать крайним оппонентам взорвать изнутри сложившуюся политическую систему.

List of references

1. *Shikunov D.V.* Russian parliamentarism: features of the present stage. М.: Moscow University of the MIA of Russia, 2004.
2. *Globalization and modern Russia: a monograph.* М.: UNITY-DANA, 2014.

Список литературы

1. *Шикунов Д.В.* Российский парламентаризм: особенности современного этапа. М.: Моск. ун-т. МВД России, 2004.
2. *Глобализация и современная Россия: Монография.* М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

International Journal
SOCIO-HUMANITARIAN
REVIEW

IJSHR

16+

www.niion.org
ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
NIION 2016-0070

ISSN 2346-8408